

КНИГА ПЕРВАЯ

НАТАВАН ДЕМИРЧИОГЛУ

Milli Virtual Kitabxana

02.02.2011

www.kitabxana.net

Milli Virtual Kitabxananın Təqdimatında

НАТАВАН ДЕМИРЧИОГЛУ

КНИГА ПЕРВАЯ

Повести и рассказы

Литературный перевод: Мирзоева Натаван Бахрам гызы

“Flinta” Moskva - 2010

Elektron kitab (rusca)

YYSQ - Milli Virtual Kitabxananın rəqəmsal e-nəşri N 42

Redatoru və e-nəşrə hazırlayanı hazırlayanı:

Aydın Xan (Əbilov), yazar-kulturoloq

YYSQ - Milli Virtual Kitabxana

Bakı 2011

Ötən il – 2010-cu ildə Moskvanın “Flinta” nəşriyyatı müasir Azərbaycan ədəbiyyatının tanınmış nümayəndəsi Natəvan Dəmirçioğlunun rusca ilk kitabını çapdan buraxmışdır. Kitab nəfis şəkildə, yüksək poliqrafik keyfiyyətlə nəşr edilmişdir.

Natəvan Dəmirçioğlunun kitabda üç povesti və üç hekayəsi yer alır.

Əsasən psixoloji səpgidə yazılmış əsərlər müasir Azərbaycan ədəbiyyatının nümunəsi kimi diqqəti cəlb etmiş və 1000 nüsxə ilə nəşr olunmuşdur. “Kniqa pervaya” adlanan kitab rusdilli oxucular üçün nəzərdə tutulmuşdur. Yayım Moskvada və Rusiyanın digər şəhərlərində aparılacaq.

Həmyerlimizin kitabı sifə bədii ədəbiyyat nümunəsi olaraq müasir Azərbaycan nəşri haqqında təsəvvür yaratmaqla bərabər, “Yetim” povestində erməni məsələsinə toxunulması və ... “Üç nöqtə” povestində 20 Yanvar hadisələrinin yada salınması baxımından ictimai əhəmiyyət daşıyır.

İstedadlı nasir Natəvan Dəmirçioğlunun “Kniqa pervaya” adlanan kitabının siqnal nüsxəsi bu gün Azərbaycana göndərilmişdir.

От автора

Натаван Демирчиоглу (Атамоглаиова Натаван Демирчи кызы) родилась в 1963 году. В 1989 году после окончания факультета журналистики Бакинского Государственного университета, начала работать корреспондентом на Азербайджанском государственном Комитете по телевидению и радиовещанию.

В 1992 года стала редактором, в 1994 году старшим редактором, в 1995 году назначена заведующим отделом. В настоящее время работает заведующим отделом на Азербайджанском международном радио.

В 90-ые годы стала талантливой представительницей литературной среды.

В 1999 году в числе молодых прозаиков удостоилась личной стипендии великого Гейдара Алиева. Автор одной пьесы, нескольких повестей, десяткой рассказов.

В 2004 году за произведение «Сирота» удостоилась премии Фонда Литературы Азербайджанского объединения писателей.

Состоящая из повести и рассказов изданная книга «Первая книга» высоко оценена в литературной среде.

Произведения Натаван Демирчи оглу переведены на турецкий, фарсидский, русский языки.

В изданной в Турции сборнике современная азербайджанская проза есть и ее произведение.

Переводчик Али Райам перевел на фарси повести «Корзина» и «Три точки».

В 2010 году в Москве на русском языке издан сборник из 6 произведений.

Изданная издательством «Флинта» 1000 тиражом книга будет распространена в Москве и регионах России.

По мотивам повестей «Корзина» и «Три точки» подготовленная радиопьеса находится в золотом фонде Государственного радио.

Натаван ханум наряду с творческой деятельностью занята и научной работой.

Автор диссертации - «О роли Азербайджанского международного радио в развитии национальной культуры в Южном Азербайджане». Научные статьи опубликованы в различных научных трудах Национальной Академии и Бакинского Государственного университета, а также напечатаны в Турции.

Натаван ханум с 2006 года является преподавателем кафедры телевидения и радио факультета журналистики Бакинского Государственного университета.

НАТАВАН ДЕМИРЧИОГЛУ

КНИГА ПЕРВАЯ

Повести и рассказы

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

В детстве часто летала во сне. Пролетала над горами, степями, морями, пропастями, городами. Пару раз сказала тете, что летаю во сне и боюсь этого. Сказала: «Не бойся, растешь».

Потом рассказывала сны сестре. Она говорила, что летать хорошо. Во сне очищаешься от всего плохого.

Как-то к нам во двор пришел странствующий сейид. Дали все, что хотел. Но со двора уйти не захотел. Сказал: «Обязательно должен рассказать кому-то из вас судьбу». Спросила, что делаете после того, как расскажете увиденное. Ответил: «Во многом помогаю». Сказала: «Тогда помогите мне. Я летаю во сне, устала я уже от этих полетов». Взглянул мне в глаза: – Девочка! Это ангелы тебя с собой берут, – сказал, – дар у тебя. Не говори об этом никому.

Интересно, какое из этих толкований было правдивым. Вырасти-то выросла, от всего плохого далека, иншааллах! И что стало с тем даром, не знаю. Знаю одно, что больше во сне не летаю. Только когда пишу, бываю в такой же невесомости, как во сне. Не летаю, трепещу...

Жизнь моя проста: в 1963 году 1 ноября родилась в селе Дашсалахлы Газахского района.

Первая моя потеря была, когда мне было двенадцать лет. Я рано потеряла мать, но поздно это осознала. Только когда выходила замуж.

Второй раз увидела холодное лицо горя, когда потеряла сестру Вафу. Увидела и быстро осознала. Поздно отошла.

Немало в моей жизни и хороших дней. Поступила на факультет журналистики БГУ. В студенческие годы заняла первое место на конференции студентов Закавказского Университета. Создала семью с любимым человеком. В год окончания университета начала журналистскую деятельность в Комитете Телерадио программ. Дважды испытала радость материнства. Директор отдела. За изданные повести вместе с талантливыми молодыми писателями в 1999 году по указу выдающегося государственного деятеля Гейдара Алиева получила Президентскую стипендию. За творческие успехи награждена дипломом имени Мехсети Гянджеви и премией «Меч и перо».

Самая большая цель – обрадовать Отца. Волнуюсь потому, что скоро защита научной диссертации. Радость – стать преподавателем Университета, где в свое время была студенткой. Желание – чтобы Дети мои были впереди меня. мечты – Их много... Пусть Господь поможет!

СЕБЕТ¹

*Внутри меня кроме меня был Я еще один.
ЮНУС ЭМРЕ.*

Мир не был ни молочно-голубым, ни розовым. Была ни лунно-звездная ночь, ни жарко-солнечный день. Все вокруг было ни сушей, ни водой. Мир терпел схваточные боли рожаящей женщины. Была ли это первая боль бытия или последняя? Какой бы она ни была, она была ужасной. Боль заставляла стискивать зубы, закладывала уши. Вдруг отчетливый и громкий голос окутал мир как свет. «БУДЬ!» - сказал тот ГОЛОС. И мир откинул волосы. Как женщина, откидывающая волосы после родов, чтобы на лице не оставались следы.

Так ли были созданы небеса и земли? Спроси это у Создателя, нам это неизвестно.

Что это был за день? Первый человек, второй (как же их звали?) совершили грех. Поддавшись греховным страстям, возрадовали лукавого (будь он проклят). В тот же день они были изгнаны из чертогов Господа, но Господь хоть и гневается иногда, но все равно милосерден. И потому дана была им золотой себет. В золотом себете снизошли они на Землю. Но и враг их лукавый снизошел вместе с ними.

Потомки Адама уже миллионы лет, поддавшись наущениям слепого лукавого, совершают одни и те же грехи. От грехов этих Земля кренилась, переворачивалось все верх дном на ней. Но Господь своей силой вращает ЕЕ вокруг Себя. Бережет своих созданий.

В двадцатом столетии знакомого нам мира, Вагиф Самед оглу во всю мощь прокричал: «Остановите Землю, я хочу сойти». Услышан ли был его глас? Не знаем. В тот момент Дух человеческий, виновник первого греха, прикрыл себетом лицо. Голос его дошел до престола, но ответа он не получил. Господь не разговаривает со своими созданиями!

Но что это пришло нам в голову? Это реалии ложного мира. Либо ложь реального мира...

– Уходи. Ничего не нужно

– Не понял. Я хочу забрать себет. Куда ты его положила?

– Его нет

– Что значит, его нет?

– Нет его, я отдала его соседке. – Она потерла себе лоб, вздохнула, - отдала его навсегда.

– Так бы и сказала

– Нет, это не так. Сядь!

Деловой человек присел на мягкий диван. Та, которую он называл «Моя красавица» тоже присела. Нет, не присела, опустилась на диван. Двигалась она как-то тяжело, медленно. После длительного молчания она сказала:

– Давно хотела тебе сказать, – замолчала. Деловой человек спокойно ждал.

– Пойми меня правильно...

Человек терпеливо ждал

– Короче, я не хочу умирать в одиночестве. Понимаешь, я не хочу умирать в одиночестве!

Здесь можно было бы что-то сказать. Он мог бы сказать: «Что за чушь ты несешь?» или «С чего это тебе в голову мысли о смерти пришли?». Но он ждал. Его красавица продолжала:

– Тяжело так жить, нет будущего, только пустота. Перед этой пустотой темнеет в глазах. Моя жизнь разменивается как монета. Пойми меня правильно. Я не жалею о днях,

¹ Продолговатая корзина, сплетенная из камыша, тростника и т.д.

проведенных с тобой. Ты тот человек, о котором я мечтала, грезила. Но долго так продолжаться не может. Месяц, пять, допустим, пять лет! Но должен быть предел.

Пока она говорила, голос ее смягчался, становился нежнее шелка. Глаза туманила боль. Ему нравились эти слова той, которую он называл «моя красавица». Эта беседа станет новой ступенью в их любовных играх. Иначе они попросту устали бы друг от друга. Что она скажет сейчас? Скажет, больше не приходи ко мне. Деловой человек словно хмелел, глаза его затуманились от неги. Он развалился на диване. А у «красавицы» трепетало сердце. Собрав все свою волю, она говорила:

– Смерть в одиночестве меня пугает. Думаю, что ты не желаешь мне такой участи

Здесь было необходимо что-нибудь сказать. Деловой человек:

– Не могу понять, о какой смерти ты говоришь?

– О своей. О той смерти, когда ты даже не сможешь прийти ко мне. Не смотри на меня так. Ты можешь себетами перетащить все, что есть на рынках ко мне домой, одевать меня во всевозможные наряды, но ты не сможешь даже похоронить меня.

– Вот что ты обо мне думаешь?

– Я не думаю о тебе плохо. Ты достойный человек. У тебя чудесная семья – супруга, дети, родственники. У тебя хорошая работа, ты уважаемый человек. Ты известен в широких кругах. Как же ты сможешь после моей смерти прийти ко мне на могилу? Окружающим я представила тебя как родственника, много лет прожившего за границей и только теперь вернувшегося на родину. Но потом, наверняка, они обо всем догадались. Люди не слепые. Но никого не интересовало, кто такой этот родственник. Моя настоящая родня даже представления о тебе не имеет. И меня именно они и похоронят. То, что они не вспоминают обо мне сейчас – неважно. Вот тогда ты не только не сможешь прийти на могилу, но и мимо не пройдешь. Если придешь, прослышешь глупцом. Можешь поставить себя в неловкое положение. И ты этого не сделаешь. И не должен делать, – она помолчала. Но чувствовалось, что она еще будет продолжать. Деловой человек отчаянно шевелил мозгами, чтобы что-нибудь сказать и тем самым поставить точку в разговоре. Но ничего не смог придумать. «Красавица моя» продолжала:

– Не надо думать о каких-то глупостях. Просто я хочу создать семью.

– С кем?

– Не знаю... Я говорила тебе, что был молодой человек, который любил меня. Он работал в районе, в газете. В прошлый раз он сказал мне: «Вот, что ты наделала, мы оба остались одни». Бога ради, не думай, что он виноват в том, что я тебе говорю. Эти слова он сказал почти полгода назад.

Деловой человек хотел сказать, что «он много чего говорил, зачем ты ему сейчас нужна». Но сказал по-другому:

– Ты веришь, что может что-то получиться?

– Откуда мне знать, получится или нет?! Я готова выйти замуж за любого, лишь бы был нормальным человеком.

– Не раздражай меня пустой болтовней. Иди сюда... Поближе... На эту тему мы поговорим потом.

– Богом тебя заклинаю! Не делай так. Отстань от меня.

Деловой человек еще больше развалился на диване. А «Красавица моя» трепетала, ее губы и язык пересохли. Она считала, что ее дальнейшая судьба зависит от этого разговора. Она пыталась достучаться до него. – Если ты не оставишь меня в покое, наедине с моей судьбой, то Бог никогда не простит тебя. Но я говорю тебе: мужчины в это не верят, но клянусь Землей, Небом, Бог не прощает никому женских слез. Он проклянет тебя. Будешь горько расплачиваться за все.

«Красавица моя» встав с дивана, присела на подлокотник кресла. Она была в халате без пуговиц. Она сидела боком и халат приоткрылся. Грудь тоже была слегка оголена. Блестящие как шелк волосы она собрала на затылке и скрепила заколкой. Деловой человек подумал: «Хороша же негодница». Красавица вздохнула.

– Почему вздыхаешь? Вместо того, чтобы подойти ко мне, проклинаешь?!

– Я не проклинаю, а говорю то, что думаю

– Что думаешь?

– То, что сказала.

– И что говоришь?

– ...

– Значит, в покое ты меня не оставишь? Тогда я покончу собой

– Я же только, что тебе сказал, мы еще поговорим об этом. – «Что за игру она затеяла? Возможно потому, что она встала на этот путь, теперь ищет себе другого. А может уже есть кто-то, но я не знаю об этом. Зарежу. На куски разрежу. Меня променять на другого?! Или обманывать?! Голову разобью» – хотел сказать все это, но сдержался:

– Иди закрой дверь. – Около двери он вспомнил, что хотел забрать себет, – дай себет, – сказал.

– Нет себета! Я же сказала, что отдала соседке.

– Какой соседке?

– С задней улицы. Сын ее служит в Бейлагане. Ей нужен был большой себет для съестного. Вот я и отдала себет. Сказала, что отдаю навсегда.

Он уловил ненависть, сверкнувшую в глазах «Красавицы моей». Посмотрев еще немного на нее, он спросил:

– Признайся, зачем ты отдала себет навсегда?

«Во всем виноват этот себет. Твоя дорога ко мне началась с этого себета. Помнишь, вначале ты оставлял у меня половину содержимого себета. Говорил, что дом без мужчины, что-то может понадобится. Говорил, что люди должны поддерживать друг друга. Я не хотела брать. Ты говорил «Как не стыдно!». А потом стал оставлять весь себет. Потом начал приходить сам. Этот дом, оставшийся мне от бабушки, этот двор, и я с ними стали грузом этого себета». Но это она прошептала в душе. Губы ее не шевелились. Устремив взгляд в одну точку, она молчала. Деловой человек смерил ее взглядом с головы до ног:

– Ладно, закрой дверь

Белоснежная грудь небес приобретала молочную голубизну. Будто молоко кормящей матери разливается по ее груди, Земля раскачивается, как колыбель... Создатель созерцает свои порождения. Живущие на Земле выросли так, как растут дети, отнятые от груди. Они не нуждаются больше в молоке. Теперь они едят все. Чистое смешали с нечистым. Нечто, похожее на колыбель, раскачивается... Господу знаком раскачивающийся себет!!! Он видит рожденных от Адама в себете также, как и я, ты, другие. Он видит, что те, кто стоит на обеих ногах из кожи вон лезут не для того чтобы жить, а для того, чтобы прокормить себя. Руки, шарящие в чужих карманах, не видны. Неизвестно, что эти руки делают в карманах. Рука, лазающая в чужой карман, исчезает. И вдруг его рука выходит из кармана другого, рука другого из кармана третьего... Старуха, совершающая намаз, не знает где Кыбла². Она говорит своему сыну: «Сынок, найди Кыблу для меня. Время намаза проходит». Сын качает рукой: «Откуда я знаю, в какой стороне Кыбла. Повернись, куда хочешь и совершай свой намаз...». Видит, что человека кожа сходит как с лука кожура, человек выходит из покрывал. Но Он велел человеку покрываться. Что же это все значит? Люди голые. Человек стал хуже нечисти. «Есть Судный день!!! Судный!!!». Какой-то голос стонет... Белая грудь небес приобрела молочный цвет. Земля как дитя, оторванное от молока, не смотрит на молоко. Все что есть, все у человека в животе. А глаза ищут. Все, что попадает в руки, то кипит в кастрюле. Но кастрюли эти прячут. Никто не смотрит на небеса.

² Место, в сторону которого мусульмане совершают намаз. Направление в сторону Каабы в Мекке.

Хоть мир и оторван от молока, но с колыбели не слезает. В колыбели старится Земля. С каждым новорожденным рождается земля. Но не умирает с теми, кто умирает. Господь не дает Миру слезть с колыбели. Не знаем почему?! Господь знает то, что знает Сам! Громадный себет раскачивается как колыбель... А люди занимаются своими делами. Делают из мухи слона...

Если бы в тот же день, после покупок, он велел бы опустошить корзину, может быть, дома и не было бы вчерашнего происшествия. А она к тому же корзину соседке отдала.

Вчера спросил у жены:

– Где дети?

– Готовятся к экзаменам

Жена бесшумно прикрыла дверь в детскую. В этом доме давно царил такой порядок. Если должен был состояться разговор, который не касался детей, или приходил кто-то из близких родственников, или когда отец был разгневан, то дверь точно так же бесшумно закрывалась.

Жена вернулась и встала к нему лицом к лицу. Ее губы посинели. И как будто пересыхали. Она их часто облизывала.

– Вы не поехали на рынок?

– Нет

– Почему?

– Съездим потом. Что-то нужно?

– Нет, всего хватает. Себет сейчас в машине?

– Зачем тебе себет?

– Просто спрашиваю

– Тебе какое дело?

– Спрашиваю. Просто спрашиваю!

– Нет, не в машине.

– Я знаю, что его нет в машине... Послушай меня! По-твоему, как, долго я еще должна терпеть? И, вообще, почему я должна терпеть?

– В чем дело?

– Ты знаешь, в чем дело!

– Сядь! В чем дело?

– Не сяду, – в голосе жены появились печальные нотки. – Я не знаю, кто ты для всех остальных. Это меня не касается. Для меня ты просто мой муж. До сих пор, видя тебя, я вспоминаю юношу, который стоял под дождем и снегом ждал меня, не рискуя садиться в мой автобус. Мои чувства все так же молоды, как и раньше.

– А ты сама постарела разве?

– Не знаю. Я не задумываюсь о таких пустых вещах. Но ты поступаешь неправильно

– Не пори чушь! Что я делаю?

– А что еще ты хочешь делать?

– Подожди. Кто и что тебе сказал?

– Никто ничего не говорил? Я разве слепая?

– Что за ерунду ты городишь. Я деловой человек. Устаю, часто нервничаю. Ты думаешь, легко работать и зарабатывать деньги?

– Не хочу я этих денег твоих. Раньше возвращался с базара с бумажным пакетом в руках. Что-то мог купить, а что-то нет. По крайней мере, тогда между нами уважение было.

– Скажи, ради Бога, ты тогда хотя бы раз нежность и ласку проявляла? Нет, ты и тогда, и днем, и ночью ядом брызгала. Для тебя тот бумажный пакет был как бельмо на глазу. «Когда же, наконец, мы будем жить как все? Когда же ты будешь покупать все как настоящий мужчина?» – говорила ты все время. Вспомни. Никто бы этих слов не

выдержал. А я терпел. Не улыбаешься, вечно мрачная, никакой ласки и нежности от тебя не дождешься. Раньше так, а сейчас у тебя есть все, ни в чем не нуждаешься, машинами все с рынка получаешь...

Жена перебила его:

– Не машинами, а себетами. Все с того себета началось

– Ты сдурела. Кто услышит, засмеет.

– Почему надо мной должны смеяться, пусть над тобой смеются?

– Что ты от меня хочешь?

Жена засмеялась:

– Себет!

Муж тоже рассмеялся:

– Ну почему ты такая глупая? – «Как плохо все получилось» – подумал он. «Как же так получилось, что я об этом не подумал?»

Жена, устав, села на стул:

– Нет, я знаю, что мои предположения верны. Я проверяла. Когда ты уходил утром с себетом, вечером я посылала ребенка за ним, мол, пойдешь, забери себет из машины, его починить надо. Он возвращался и говорил, что его в машине нет. Иногда давала мешок, мол, брось его в себет. Ребенок опять возвращался, что нет его.

Муж сказал первое, что взбрело в голову:

– А я-то думаю, о чем она? Когда вспомню, брошу себет в машину. Он на работе в моем кабинете. Когда есть время, едем на базар.

– Разве у тебя в кабинете есть место, куда класть себет?

– Конечно

Жена вздохнула.

Деловой человек:

– Ты приготовила шербет?

Жена согласно кивнула головой.

– Налей мне немного

«Поверила мне жена или нет, роли не играет. Главное, я выкрутился» - подумал Деловой Человек.

А жена, подавая ему шербет³, словно подвела итог разговору и мыслям, блуждающим в голове мужа:

– Боже, что же творится в этом мире!

Человек не хочет верить в свершившееся. Если поверит, то не сможет скрыть что-то от себя. А это так сложно, так невыносимо! Человек всегда избегает этого. Когда Господь создал человека, он знал об этой болезни. И потому Он сначала создал небеса. Последний слой семислойного неба Он украсил луной и звездами для того, чтобы созданные Им, могли увидеть Его могущество и поверить в него. Чтобы верило во что-то это Созданное. И себет этот висит на последнем слое...

Те, кто в себете, могут попасть только на этот слой. Остальные небесные слои для них закрыты. А себет открыт для того, что Господу с небес было видно его содержимое. Себет видит небо, небо видит себет, и понимает больше того, что видит. И в этом смысл всего сокрытого...

Если бы Небо не понимало Землю, а Земля не понимала Небо, то после дождя, пролитого с небес, не проросла бы трава. Трава зазеленев, не тянулась бы к небу. Говорят, что если опадают нижние листья с чинары, то зима будет суровой. Кто извещает об этом?!

Если дрозд прячется под деревом, то будет ливень. Что это?! Неужели человек не способен на такое, как трава, безмолвные деревья, птицы? Почему прервалась связь человека с небесами. Идет человек на поводу у своей алчности и ненасытности. На каждом шагу радуется лукавого. Будь проклят лукавый, ложь и сомнения тоже от лукавого.

³ Сладкий напиток, приготовляемый посредством добавления сахара и пряностей в воду или во фруктовый сок.

«Интересно, мог ли проболтаться водитель?» - думал Деловой Человек.

Водитель лежал на диване. Он хотел спать. Но зудящий голос жены, как звон комара летом, действовал ему на нервы.

– Вставай, дорогой! Не время спать

– Дорогой, вставай, уже четыре часа. Нельзя спать в это время. Вставай, тяжелое сейчас время для сна. Вся тяжесть времени ложится на спящего. Вставай. Кто спит в это время, благополучия своего лишается. Именно в это время изобилие и приходит. Но если придет и увидит, что хозяин дома спит, то отвернется от этого дома.

И быстро прошептала: «Да минует нас такая напасть». Приподнявшись, посмотрела через стекло двери на новехонький себет, стоявший на балконе. Мысленно вознесла хвалу Господу. «Слава тебе, Господи, не обдели этот себет изобилием. Так же, как и неожиданным оказалось появление этого себета, пусть изобилие приходит с ним вместе». Новенький желтый себет будто бы улыбался. И душа жены водителя радовалась вместе с ним. «Благодарение Господу, да буду я Его жертвой. Сам ниспослал нам этот себет. Пусть изобилие никогда не покидает его». Она заглянула в себет. Себет был пуст. Нехорошо ей сделалось от этого. Открыв дверь, вышла на балкон. Бросила в себет коробочку чая. Свекровь говаривала, что пустая посуда неудачу приносит. «Пусть муж проснется, уговорю его пойти завтра на базар. Отоваримся, как следует. Соседки лопнут от зависти. Ну и черт с ними».

– Дорогой, вставай уже. Родной мой, как ты меня мучаешь, когда я тебя бужу.

Водитель проснулся и сел на диване, свесив ноги:

– Голос твой никак не заглохнет. Достала ты меня совсем.

– А что мне делать. В это время спать можно?

– Где дети?

– Во дворе

– Весна наступила и началось. Все время на улице

– Лучше двор, чем квартира. На девятом этаже жить можно?!

– Была бы возможность, на крыше дома чердак бы устроил. Все равно, выше нас никто не живет. Весной-летом сиди-отдыхай в свое удовольствие. Сделаю беседку, причем большую.

– Дай Бог, дай Бог

– Но мне не везет, если загадываю. И когда благодарю Бога, тоже не везет

– Значит, лукавый тебе мешает

– Что это значит?

– Как что значит? Когда какое-нибудь твое дело ладится, то ты воздаешь хвалу Господу. А лукавый мутить начинает. Говорит Господу, что человек потому воздает тебе хвалу, что ты ему даруешь свои блага. Не давай ему ничего, посмотрим, будет ли он и тогда Тебя благодарить. Господь и забирает то, что давал. Ты остаешься ни с чем. И дела твои идут наперекосяк.

– Несешь всякую чушь

– Почему чушь? Теперь перед тем, как что-нибудь загадывать, или воздавать хвалу Господу, скажи «Будь проклят лукавый». Если дела не ладятся, снова скажи также. Эх, ничего ты не знаешь

– Погоди, погоди, вдруг и ты экстрасенсом станешь. Сейчас это модно.

– Не надо становиться кем-либо. Достаточно признать Господа. Каждый должен найти свой путь общения с Господом. Должен уметь рассказать о своем горе Ему, должен уметь принимать помощь.

– Хватит болтать, посмотри, где дети?

Жена водителя вышла на веранду и выглянула в окно. Дети играли. Старшие еще не вернулись со школы. Жена вернулась и села на прежнее место.

– Завтра воскресенье, давай с утра съездим на базар.

- Пойдем. А что купить надо?
- Да все. Возьму себет и один большой зенбиль⁴.
- Неважно, что ты возьмешь с собой. Это еще донести надо

Жена подумала, что «сядем в машину, приедем и остановимся прямо перед блоком». Но промолчала. Рановато еще. Села поближе к мужу. Она говорила, положив руку на его колено. Была у нее такая привычка.

- Ты обещал рассказать мне, где и когда купил эту корзину
- Зачем это тебе?
- Просто спрашиваю. Леню, что ли, мне что-то рассказать
- Когда хозяин покупал для дома, купил одну и для меня.

– Да покоится с миром душа его отца. Разве могла бы я заставить тебя купить корзину?

– Зачем, вообще, тебе себет?

– Если есть у всех, то почему не может быть у меня? Чем я хуже других женщин? Другим себетами продукты каждый день несут.

– Какое тебе дело до других?

– Да так, просто к слову пришлось.

Жена до сих пор ни разу не спрашивала что-либо о хозяине. Но теперь не смогла сдержатъ извечное женское любопытство:

– Каждый раз, когда мы идем к ним (говоря «к ним», она имела в виду начальника), приносят с базара эту огромную корзину. Боже, что они делают с таким количеством продуктов?!

Водитель в конец вышел из себя:

- Какое тебе дело до их корзины? Хватит уже
- Почему ты злишься? Что я такого сказала?
- Ничего больше не говори.

Жена водителя молча встала. Прошла на кухню. Еще ближе придвинула чайник к горячей конфорке. Подогрела обед. «Станный человек. Получается, надо на всех и на все глаза закрывать. Как только о ком-нибудь заговорю, сразу злится. Скажет тоже... «Какое тебе до них дело?» Бог им в помощь. Сказала его жене, что завод не работает, безденежье, устроила тебя к мужу. А муж, да покоится с миром его отец, дважды дополнительно немалую сумму денег дал. Вот и опять дал, мол, купи детям что-нибудь. Интересно, государство на самом деле им так платит, что он может и моему доплачивать. Пусть у лжеца язык отсохнет. Говорят, что и «красотку» еще содержит. Не знаю, что за «красотка», но жена у него точно ханым».

В метро ей стало жарко. Сняв с себя легкий весенний пиджак, перебросила его через руку. Каждый проходящий мимо смотрел на нее. «Терпеть не могу это качество у нашего народа. Ладно, мужчины смотрят, а женщины зачем? Что тебе надо? И ты женщина и я. А этот верзила напротив... Эх, зря я села на метро. Маршруток так долго не бывает...»

Так думала та, которая звалась «красавица». Ой, какая большая себет у этой женщины. Хорошо еще, что она наполовину пуста. Иначе как ее поднять? Она вспомнила о корзине Делового Человека. Сердце учащенно забилося. «Хорошо, что отдала корзину соседке. Избавилась от нее. Если смогу и от него отделаться... Интересно, послушается он меня уйдет? Если не уйдет, выскажу все, что думаю. Не постесняюсь. Уничтожу. Возможно, он нормальный человек, сам все поймет и уйдет. Но мне будет сложно. Привыкла я к нему, нравится он мне, люблю его. Степенный, воспитанный, мужественный, щедрый, привлекательный, сильный. И в то же время слабый, как ребенок. Таким, в действительности, и должен быть мужчина. Сильный, устрашающий, жестокий, и,

⁴ Корзина, сплетенная из прутьев, тростника, соломы.

одновременно, любимый и слабый. При слиянии этих особенностей и получается полноценный мужчина».

Поезд подъехал, остановился. Не успели двери полностью открыться, как изнутри раздался голос: «Осторожно, двери закрываются». Женщина с огромной корзиной, растолкав людей направо и налево, впихнула внутрь корзину. Следом вошла в вагон сама. Женщина, устроившись поудобнее, положила корзину между ногами. Парень, сидящий сбоку, встал и движением головы позвал «красавицу». «Присаживайтесь». Она, поблагодарив, сказав «спасибо», села.

Женщина смущенно сказала:

– Доченька, я, кажется, тебе ногу ушибла. Эти проклятые двери закрываются, не успев открыться. Я и поторопилась, чтобы эту дрянь поскорее куда-нибудь пристроить. Она улыбнулась:

– Ничего страшного, все нормально.

Показав на себет, спросила:

– Тетя, зачем тебе такой большой себет?

– Как зачем? Жизнь свою горемычную в ней таскаю. Напали на нас, из Гейчи изгнали. Там погибли два моих сына, невестка, зять и внук. Остальные остались. Спаслись кое-как. А здесь на месте усидеть не могу. Стены давят. Как рассветет, из дома выхожу. Здесь покупаю, там продаю. Там покупаю, здесь продаю. Занимаю себя.

– Что продаешь?

– Ничего. Дни свои. Иногда и зарабатываю. По мелочи. Ребенку отдаю. Ребенок есть? И, не дождавшись, - береги свое дитя, – сказала. От всего сбереги. От порочной жизни, от холода. А самое главное – от сглаза береги. Да, да, как сглаз может погубить, ничего другое так не погубит. Вот и Господь Всемогуший говорит: «Я о сглазе не ведаю – берегите себя сами».

«И ребенка не разрешил иметь. С самого начала сказал: «Все будет так, как ты захочешь. Только не заводи речь о ребенке». Как огня, моей беременности боится. Почему? Бог знает. И эта женщина... не забудется теперь все сказанное ею. Какой груз ей приходится таскать. Благоверная женщина. Но Господь множество бед на нее ниспослал. Но почему не помог. Но, с одной стороны, помог, ведь в ее возрасте она жива и здорова. Молодые пропали. Кто-то умер, кто-то покалечился. Бабушка-покойница говоривала: «У престола Господа каждый отвечает за свои поступки. Мать не наказывается за грехи ребенка. Или же наоборот, дитя не прощается ради родителей». Какую трагедию пережила, а сколько света в ней, смирения на лице. И чего только не знает. Говорит: «Береги своего ребенка. Береги от порочного пути, от холода береги. Но самое главное, от сглаза береги. Милосердный Господь говорит: «Я о сглазе не ведаю – берегите себя сами». Кто-то видел Господа, что говорит от его имени? Но одно говорит верно, что надо беречь от порочного пути. Порочный путь такой кошмар, что не знаешь, где и начинается. А когда заканчивается, заканчивается в твоей душе. А что касается сглаза, то и это очень сложно. Женщина загнула. Что-то я не поняла».

Земля вращается. Все, что есть на поверхности земли невидимо зыбится. Зыбится направо, зыбится налево, не выходит за пределы свои, зыбится внутри себя. Мы используем слово одно – «зыбка». «Зыбка» – значит колыбель. Это мир и колыбель для нас, и могила. Творец видит наши души и когда мы в колыбели, и когда в могиле. Но не смотрит в глаза. Господь не смотрит в глаза! Тот, кто был близок ему, сказал: «Глаза – зеркало души». Он видит грязь, зависть, злобу души и воздает по заслугам. Остаются глаза. Надо беречь себя от всего плохого, что появляется в глазах, самому.

Как сберечься? Не схоронишь ведь себя в сундуке. Не хвастайся, не пытайся проявить себя больше, чем ты есть, не поддразнивай врага, бойся того, кто хвалит тебя в

лицо, верь в поверья. Говорят, что рута⁵ помогает, значит, помогает. Говорят, что если щепотку соли вокруг головы покрутить и в воду бросить, помогает, верь, что помогает. И еще, если сам собой доволен, скажи «пусть будет проклят лукавый»⁶.

Может купить ей шубу? Эдакую шубу до пят. Иногда ведь говорила: «у такой-то такая шуба, у другой – такая». Интересно, сколько стоит сейчас шуба? Кажется, лучшая чуть ли не по цене одной квартиры. Они всегда такие дорогие.

Набрал номер, наконец-то на другой стороне провода раздался ее голос?

– Алло

– Ты дома? Что так долго трубку не брала?

– Только пришла. Умывалась.

– На чем приехала? – с первого дня их знакомства он задавал ей этот вопрос.

Выяснял на какой маршрутке и во сколько приехала.

– Приехала на метро

Впервые он слышал такой ответ.

– Ты разве едешь на метро?

– Иногда, раз в год

«Это что-то новое» - подумал он.

– Во сколько приехала?

– С полчаса как.

– Заказал для тебя шубу. Какая тебе нравится?

– ...

Потому, как она не ответила, он стал ждать. «Красавица» на другой стороне провода старалась подобрать подходящий ответ. Такой ответ, который, наконец-то, решил бы все. не могла подобрать. А он ждал. И очень хотел в это время оказаться рядом с ней.

Девушка должна была что-то сказать. «Красавица» тоже знала это. И знала то, что такое продолжительное молчание не в ее пользу. Собравшись с духом, сказала:

– Мне не нужна шуба. Я сказала тебе, что хочу.

Замолчала.

Деловой человек тоже молчал. Он не знал, сколько времени прошло. И вдруг вся эта игра показалась ему настолько смехотворной, что он положил трубку. Потер лицо обеими руками. Похрустел пальцами. Повернулся направо и налево, чтобы прошла ломота в пояснице.

В кабинет зашла секретарша:

– Извините, какой-то учитель хочет вас видеть.

– Какой учитель?

– Не знаю. Говорит, что учитель. Приходит уже не то в четвертый, не то в пятый раз.

– Пусть зайдет, а ты посмотри в телефонный справочник, найди номер Солтана из торгового центра, позвони ему и скажи, чтобы дождался меня.

Девушка сказала:

– Хорошо.

Вышла.

Подняв трубку, поговорил с водителем: «Через полчаса поедем кое-куда. По дороге напомним, заедем в министерство».

В кабинет зашел худой мужчина. В начале кивнул. Потом слегка хриплым голосом поздоровался:

– Добрый день

⁵ Рута (на азербайджанском языке - узерлик) – многолетнее растение. По народным поверьям, если сжечь засушенные стебли, листья и семена в семенной коробочке и этим дымом окурить помещение, больного человека, ребенка, можно тем самым не только избавиться от болезни, порчи и сглаза, а также предотвратить пагубное влияние нечисти.

⁶ То же самое, что «тьфу, тьфу, не сглазить»

Наверное, это тот самый учитель. Худой, немного сутулый. Одет старомодно, но очень аккуратно. Деловой человек, поздоровавшись с ним, сказал:

– Присаживайтесь, слушаю вас

– Я учитель средней школы. Знаете, какие хорошие ребята есть? Да пощадит Аллах этот народ. Благодаря нашему искусству, нашей сущности есть светлый путь. Да не прервется он. Собираю этих детишек вместе. Даю задание написать сочинение на вольную тему. «Что символизируют народные песни и баяты⁷». Вы не поверите, какие сочинения написали ученики 8 и 9 классов.

«Кажется, учитель намерен прочитать сочинения. Откуда у меня столько времени» – подумал он.

Учитель торопясь:

– Затрону пару моментов. Я не отниму у вас много времени

– У нас тоже мало времени. Работа, знаете ли, – постарался извиниться он.

– Знаю, знаю

Учитель начал читать с листка, исписанного ученическим почерком:

– Посмотрите, как он раскрывает суть баяты. «Наши баяты не написаны, а сложены. Между написанным и сложенным разница в том, что сложенные созданы намного раньше, чем написанные. Возьмем отдельное баяты. Это баяты сложили, чтобы выразить желание сердца, души, чтобы погасить огонь тоски. И представить себе не могли, что когда-нибудь мы, читая их, будем подразумевать совсем другую тоску.

*Каждое живое просит воды,
Даже колос просит воды,
В море вырос цветок,
И тот в слезах просит воды.*

Может ли цветок, растущий посреди моря, плакать и просить воды? Почему бы и нет? Ведь соленая вода моря не та вода, которая ему нужна. И нас называют несвободными, не обладающими независимостью. Но и мы так же, как цветы, которые посреди моря жаждут воды, жаждем свободы. И у нас та же жажда чистой и пресной воды.

*В море вырос цветок,
И тот в слезах просит воды.*

– Этот баяты также символизирует бесконечность наших желаний. У цветка целое море воды, но он все равно плача просит «воды». Здесь также отображены взгляды наших дедушек и бабушек на окружающую реальность. Человек пришел в этот мир неблагодарным. Сколько бы ему не давали, все равно мало». – Учитель прослезился – это написал ученик восьмого класса. Возможно, что в этих сочинениях есть непонятное. Но самое главное, что живы еще сущность и нравственность нашего народа. У нас есть такие ценности, которые не идут в сравнение с ценностями всех народов мира. Сохранить это, подойти к этому творчески, знаете, что означает? Это означает жить в прямом смысле этого слова.

Деловой человек незаметно посмотрел на часы. В таких разговорах он предпочитал молчать. Подтверждал слова кивком, выражал согласие, иногда в душе смеялся. Но здесь одна фраза остановила его, заставила задуматься. «Человек пришел в этот мир неблагодарным»... «Да, Богом клянусь, это так».

⁷ Баяты – в азербайджанской народной музыке название жалобной песни. В азербайджанском фольклоре форма стихосложения, сложенные народом четверостишия, отражающие душевное состояние и отношение к окружающему миру. 1, 2 и 4 строки баяты рифмуются, а 3 строка обычно свободного сложения. Сродни русским частушкам, но баяты более присущи трагизму, жалоба и надрыв.

Это так!!! Кто может это отрицать. Человек неблагодарен, ненасытен. И эта ненасытность причина всех бед человека. Землю и то можно напоить. Не выпитывает лишнее, оставляет. Воду напитай, чем хочешь, сахаром ли, солью ли, даже медом, растворит до тех пор, пока не насытится. Насытится, остановится. Нет ей дела до оставшегося. А человек? Не перечислишь всего того, чем может насытиться. Ни чем! И потому, хоть и весь мир обойдешь, но счастливого Адамова сына не найдешь. Был бы насытившийся, можно было бы найти. Алчность не дает человеку возможности быть счастливым.

Деловой Человек:

– Какого рода помощь вам нужна?

Учитель стремительно:

– Хотим провести соревнование между школами. Это самый лучший путь для выбора. А для этого нам нужны средства.

– Сколько?

– Не знаю. По нашим подсчетам около ста тысяч манат.

– В месяц?

– Нет! Иногда по необходимости.

Деловой человек основательно задумался. Если об этом узнают, как это на нем отразится – хорошо или плохо, постарался взвесить все «за» и «против». Потер лоб. И учитель заерзал на стуле.

– Подумаем, – сказал и, откинувшись в кресле назад, спросил. – Почему вы решили обратиться именно ко мне? – И быстро добавил: – не подумайте ничего плохого. Просто мне самому интересно.

Учитель:

– Случайно разговорились с одним университетским преподавателем на эту тему. Он назвал ваше имя. Сказал, что вы были его учеником. И по его мнению, вы поможете. Если я попаду к вам на прием.

– Кто он?

– Нет, ели я скажу, кто он, то получится, что я пользуюсь его именем. – Оба замолчали.

– Приходите завтра в это же время. Или же позвоните, если хотите.

Учитель торопливо:

– Нет, я приду.

– Хорошо, договорились, – сказал Деловой Человек и поднялся.

Учитель, без конца повторяя:

– Спасибо. Извините, – вышел.

Он сидел в машине сзади справа. Глядя на шею водителя, спросил:

– Хочу у тебя кое-что спросить... Как я показал тебе дом, где живет эта девушка?

... У водителя покраснели шея, уши.

– Не вы показали.

– А как ты узнал?

... Водитель сглотнул так, словно что-то застряло у него в горле. Прочистив горло, сказал:

– Хоть это и столица, все хорошо знают друг друга, в частности, тех, кто всегда на виду.

Водитель повернувшись, взглянул на свое правое плечо. Хоть он и не посмотрел, повернувшись, Ему в глаза, взгляд на плечо именно это и означал. Всю дорогу они молчали. Водитель остановил машину у министерства. Ничего не сказал. И Деловой Человек, ничего не сказав, вышел и ушел. Вернулся очень быстро. Сел на прежнее место и сказал:

– Поехали в торговый центр.

Водитель, подъехав туда, остановил прямо у входа. Если бы Хозяин сказал «идем», он бы пошел. Поэтому и не пошевелился. Деловой Человек вышел из машины и ушел.

«В чем дело? Он не позвал меня. Наверное, не хотел, что бы я знал, а может что-то...». Об этом думал водитель до тех пор, пока тот не вернулся. Спустя продолжительное время Деловой Человек вернулся, но был не один. У того, с кем он пришел, в руках была большая коробка, перевязанная шпагатом. Водитель торгового центра сказал этому водителю, когда они заправлялись на бензоколонке, что «твой шеф сегодня заберет у нас шубу». «Значит, это шуба. А зачем такая большая коробка. Наверное, он сделал это так, чтобы я ничего не понял». У него застучало в висках. Он задышался. Судорожно сглотнул несколько раз. Ключи положил на капот машины. Сказал:

– До свидания, я должен уйти.

– Куда?

– Извините, но до сих пор... – он не стал продолжать, – кусок хлеба для себя я всегда где-нибудь, да и найду.

Отдалился. Но ноги не слушались его, колени дрожали. «Сукин сын, мерзавец. Разве я баба какая-нибудь, чтобы сплетни о нем разносить?!». Пройдя между домами, скрылся из глаз. Деловой Человек, взяв ключи, сел в машину. У него не было настроения ругать водителя. Он хотел гнать машину по улицам. «Слишком много выпендривалась. А сейчас превратится в ягненка, Белокурый ягненок», – подумал он. «Негодница, прямо как натянутая струна. Можно играть на ней, когда захочешь. А моя? Покупки – для обеих. Но моя из-за себета ругается. Возвращаешься домой с полным себетом. Будто проверка. Кладет себет на стол и начинает проверять. Это хорошее, это плохое, это так, это эдак. Потом начинает разбирать, мыть, еще что-то. А эта! Увидет себет, словно птица парит. Обнимает. Интересно, моя хоть раз задумывалась о том, что за сделанное мужчину отблагодарить, обрадовать надо. Как же, жди...».

... Он сидел на диване. Со злостью сказал:

– Сейчас изрежу и тебя, и этот хлам на куски.

«Красавица моя» глубоко вздохнула:

– Зачем резать? Просто не хочу. Мне она не нужна. Не мне ты ее купил? А я отдаю твоему сыну. Когда будет его свадьба, считай, что это мой свадебный подарок. Отнесете невесте. Это такая вещь, что всегда в моде. Спустя десять лет – все равно в моде, – помолчала. Слезы лились градом:

– Не хочу. И золота не хочу. Ничего от тебя не хочу. Семью создать хочу. Готова выйти замуж за кого угодно. Только бы ребенка иметь. Что ты хочешь? Не хочу я эту шубу!

– Не хочешь, возьми и сожги ее на газовой плите. Или я должен забрать ее с собой?

«Красавица моя» повторяла, словно попугай, все те слова, которые она говорила в последние дни.

Прошло еще немного...

Прошло еще немного... И он в сердцах «катись ты к черту!», – сказал и встал. Снял с вешалки куртку.

«Красавица моя» поправила волосы. Привела в порядок халат, слезла с дивана, надела тапочки и преградила ему дорогу:

– Ради Аллаха, забери это.

Почему-то, наверное, потому, что уходил уже, навсегда, он забрал коробку. Машину он остановил поодаль – на прежнем месте. Он нес коробку и ругал водителя. «Сукин сын, нести это его обязанность». Ругнувшись, он вспомнил директора в деревне. У них в деревне был директор. Обычно перед управлением он кого-то ругал, кого-то бил. Из боязни никто даже пикнуть не смел. Когда однажды поругал так одного молодого бригадира, тот ему ответил, что «сукин сын ты сам, а если захочешь, то и твой отец тоже». Директор в ответ отвесил ему пощечину. А бригадир влепил ему две пощечины. В тот день, в ту ночь маленькие мальчики всей деревни не могли заснуть. Все наперебой

рассказывали всякие небылицы про него. Одним из поклонников его был и этот деловой человек. И подумал, а что если водитель вдруг окажется здесь и скажет «ты сам такой», что он ответит? Вдруг он возникло ощущение, что по спине проползла змея. Тыльной стороной руки провел по спине. «Ох, Аллах, что это было? Где сейчас эта деревня? Где тот директор, бригадир? Где та родина моя? Что стало с теми, кто был моим????». Вся его жизнь в одно мгновение предстала перед его глазами. Глаза вытаращились. Почувствовал только то, что бросил на землю то, что было у него в руках. Потом увидел мать. С сехенгом⁸ на плече... Два вооруженных человека преградили ей путь. Женщина поставила кувшин на землю. Потом один из них сорвал с нее платок... Деловой Человек хотел закричать «Мама». Но вместо этого издал вопль:

– Аааааа...

Змея соскользнув со спины, свернулась под грудью клубком размером с кулак. Место, где спала змея, было словно покрыто льдом...

Рука его за что-то зацепилась. Он потянул еще раз. Открыл глаза. Рука была привязана куда-то. Сверху висела стеклянная бутылка с жидкостью. Локоть болел. Потянул другую руку. Человек в белой одежде, державший его за запястье, не выпустил его руки. Погладил по руке, что-то сказал. Он снова закрыл глаза...

Врач вышел из палаты. Обрадовал, вперившихся в его глаза, тех, кто вот уже несколько часов ждал его:

– Случилось то, что мы и предполагали, – сказал и прошел в свой кабинет. Женщина, с утра вперившая взгляд на квадратную таблицу с надписью «Реанимация», раскрыв руки в молитве, сказала:

– Слава твоему величию, Господь Великий. Да свершится воля Твоя.

Деверь, стоящий рядом с женой Делового Человека с утра повторял: «Это инфаркт, не бойся, что сейчас инфаркт в руках врачей?».

Женщина:

– Слава Господу.

Водитель пришел домой. Жене ничего не сказал. Не сказал, что отдал ключи.

... С раннего утра жена водителя порхала дома как птица. Быстренько оделась. Взяла большой зенбиль и себет. Вышли из дома. Жена, взяв мужа за руку, сказала:

– Останови машину, сядем и поедем с удобствами.

Хоть это и было не по душе мужу, все-таки он согласился. На обочине остановил такси. Сели. Жена села назад одна. Зенбиль положила на колени, а себет рядом на сиденье. Вспомнив те дни, когда она, запыхавшись, возвращалась с полными сумками с базара, почувствовала на сердце необыкновенную легкость. А муж, сидя впереди, думал: «Зря я послушался. Зачем нужна машина, сели мы едем налегке. Взяли бы машину на обратном пути».

Доехав до базара, сошли с машины. Муж заплатил за проезд. Жена посмотрела вслед уехавшей машине. Муж, поняв ее взгляд, сказал:

– Пусть едет. Если он будет здесь нас ждать, знаешь, сколько будет это стоить? На обратном пути возьмем другую.

Жена водителя, интересуясь ценами, прикидывала, что будут покупать. Вдруг словно ее сердце остановилось. Посмотрела на руки мужа:

– А где себет?

– Не знаю, не у тебя разве?

– Нееет – посмотрела в зенбиль, который держала в руках. Будто себет должен был быть там. Посмотрели с мужем друг на друга. Сердце жены, словно на самом деле, уже не билось. Покрылась холодным потом. Себет остался в машине.

⁸ Сехенг - большой глиняный или медный кувшин для воды, с ручкой и длинным узким горлышком.

Сказать было больше нечего. Жену будто холодной водой облили. А муж молчал. Пока шли по переулку, он говорил сам себе: «Можно еще один купить. Не велика потеря». Но почему-то ему было тяжело. Ему показалось, что Хозяин где-то рядом. Тайком смотрит на него. Смеется, видя себет, который он держит в руках. Злость обуяла его. Повернувшись к жене, со злостью сказал:

– Ну, что, успокоилась?

Жена промолчала. Только вздохнула. Наполнив зенбиль, пришли домой.

Деловой человек относительно выздоровел. Ходил. Число посетителей не иссякало. Сегодня утром отправил жену домой. День и ночь рядом была. Позвал нянечку. У него был персональный врач и персональная нянечка, женщина средних лет.

– Когда я спал, сюда кто-нибудь, который что-то спрашивал или просто уходил, не заходя в палату?

Женщина задумалась, устремив взгляд вдаль:

– Нет, – сказала, – нет, такого человека не было.

– А может кто-нибудь звонил?

– Не знаю, клянусь! Звонков было много. Спрашивали, как ваше самочувствие, можно ли вас навещать? Когда можно было навещать, говорила, что можно, когда нельзя, говорила, что нельзя. Вот так...

– Хорошо, – сказал. Хотел спросить еще что-то. Промолчал.

Женщина смущенно сказала:

– Знаете, ... приходила. Тогда врачи к вам никого не допускали. «Об этом ничего ему не говорите» – сказала. Потом пришла еще раз. Больше уже не приходила.

Деловой человек то ли растрогался, то ли по телу озноб пробежал. Одним словом, волосы на руках дыбом встали... Успокоился. Нахмурившись:

– Что еще сказала? – спросил.

Нянечка:

– Ничего, – ответила.

– Ладно, идите. Спасибо, – сказал он.

«Интересно, кто это был? Кто может быть! Безусловно, это была она. Беда с ними, ей-богу!!! Сама умоляет, чтобы ушел. Уходишь... Беда с ними, ей-богу, беда! «Нет себета, соседке отдала. К тому же навсегда». Хотел вспомнить глаза Красавицы. Вдруг его разобрал смех. «Это мой второй потерянный себет» – вспоминая свое прошлое, подумал он.

В студенческие годы у него был себет. Знакомому профессору из деревни привозил гостинцы. На раз и навсегда себя зарекомендовал. Каждые каникулы должен был привозить полную корзину. Накануне защиты диплома во время поездки в деревню не взял с собой себет. Сказал, умру, но больше никому ничего привозить не буду. Сказали, что нехорошо, отнеси в последний раз. Скажут, закончил и потому пришел с пустыми руками. Или же поехал в деревню, но от нас утаил. Сказал, что не отвезет. Мать начала умолять. Дали денег, чтобы пошел на базар и там все купил. Так он и поступил. Это был не себет, это был тяжкий груз, повисший на нем. Только он вышел с базара, как рядом притормозило такси. «Вот и отлично», – подумал он. В первый раз он положил себет в такси. А сам как барин сел впереди.

Как только он сел, водитель начал разговор:

– Братец, машааллах⁹, хорошо отоварился. Как только твой себет увидел, сразу понял, что ты знаешь толк в хорошей жизни. Потому сам и остановился... День рождения, наверное?

Покачал головой, мол, «нет».

– Ну, тогда в гости идешь. Отоварился как надо.

⁹ Прямое значение – Пусть Аллах от сглаза сбережет; Тьфу-тьфу, не сглазить. Здесь еще и «молодец!» - похвала

Он промолчал. А мужик продолжал как в чем ни бывало:

– Видишь, я угадал. В гости идешь. Я из старых работяг. Вот уже тридцать лет водителем такси работаю. Много таких гостей, как ты, я развозил. Скоро у тебя и своя машина будет. По себету твоему понял, что ты шустрый парень, – ухмыльнулся он. – Сразу узнаю вас. Но ты немножко стеснительным кажешься. И ты к тому же, не в обиду тебе будет сказано, вспыльчивый. Чем человек любезнее, тем лучше для него же.

«Боже, ежели от него избавлюсь, то, наверное, лет сто точно проживу». Подумал о себете.

Таксист:

– В первый раз едешь?

Спросил:

– Куда?

– Туда, куда едешь

– Нет, уже пять лет.

– Огоо! Молодец?! – Снова взглянул на корзину. С любопытством спросил: – Сколько лет?

– Кому?

– Тому человеку, к которому едешь

– Пятьдесят – шестьдесят

– Чегоооо?

Таксист скорее взревел, чем спросил.

А он ответил:

– Профессор с тридцатилетним стажем. А может и еще больше.

Водитель зашелся в смехе:

– Ну, ты даешь! – перестав смеяться, – к преподавателю едешь? Кто ж с такими гостинцами к преподавателю едет? Не глупи. Скажи, где живешь и я повезу тебя туда. Молодой парень. Ешь сам, да сил набирайся. Ну, едем?

– Нет, – сказал.

Водитель обругал преподавателя. А он сказал, что так говорить нельзя. К тому же, преподаватель не виноват. Я сам привожу ему это. А водитель ответил, что если бы тот не брал, как бы ты ему давал?

Подумал, что это правда. Но с каким бы удовольствием я стукнул бы этим себетом тебе по башке, и содержимое бы рассыпалось, и я бы, наконец-таки, ушел.

Деловой Человек горько улыбнулся. Действительно, тот себет в последний раз приходил к профессору. Не случилось то, на что он надеялся. Домработница не вернула пустой себет. И провожая, жена профессора даже не заикнулась о себете. Спросила только то, что «ты в этом году закончил, да?». Поздравила, проводила.

Много позже, мать сказала, что «сын, себет тот должен был остаться у профессора». И он позднее понял, что тот себет, всего лишь ждал своего нового «хозяина». Но в то время Он об этом не знал. Только радовался тому, возвращаясь на свою съемную квартиру, что, наконец-таки, избавился от этого себета. Случайно встретился с другом. Друг его обнял. «Тебя Бог послал. Я должен уходить (он шел на свидание. Все об этом знали). Ты вместо меня пойдешь на свадьбу одного знакомого парня». Долго он объяснял другу, что не сможет этого сделать. Мол, никого там не знаю. Но друг был непреклонен. Сказал, что свадьба в кафе. Парень не богат, зачем один стол пустовать будет. Поедем, оставлю тебя там, ешь-пей вместо меня, и возьми эти деньги, передай им и возвращайся домой.

Пошел и запомнил эту свадьбу на всю свою жизнь.

И сейчас вспомнил...

Почему вспомнил?! Почему ему становилось не по себе от этих воспоминаний? Он не знал. Только один раз видел Ее. На той свадьбе. И с тех пор одна танцевальная музыка,

танцующая под эту музыку и словно воспламеняющаяся под нее гелин¹⁰ в белой кофточке, ее незабываемые взгляды словно уводили Его вдаль. Что Она Ему говорила, Он не знал.

Музыка играет, она танцует. Стенания земля возносятся к небесам. На свадьбе она на ковре танцевала. А когда Он на нее смотрел, видел ее танцующей на голой земле. Танцую, превращалась она в туман, в пыль. Туман, клубясь по ее спине, груди, лицу, сливался с играющими волосами. В тот день не было свадебного зала с высокими столбами, не было говорящих за здравные тосты за молодоженов, не было ни тех, кто ест-пьет, ни тех, кто сплетничает. Для юноши существовали только долина, равнина, трава с дрожащими каплями росы, нарциссы, срываемые им охапками, да родниковая вода, которую он пил горстями. И было безупречное лицо той гелин, да ее глаза, которые она отводила. Почему вспомнил?! Почему ему становилось не по себе от этих воспоминаний? Он не знал. Муж ее сидел рядом с ней. Был так пьян, что голова клонилась в тарелку с едой. Еле поднимал голову, ел-пил, целовался с другом, сидящим рядом. А Она ухаживала за собой сама. Ела очень красиво, движения ее были изящными, утонченными, не смотрела ни на кого. Не обращала внимания, что муж пьет за ее здоровье. Иногда, когда Ее глаза сталкивались с глазами юноши, слегка нервничала. И юноше почему-то вдруг показалось, что где-то в глубине ее черных как ночь глаз, превратившиеся в уголь желания, вновь хотят возгореться. Но не могут. Точнее, она не позволяет им возгораться.

Хозяин свадьбы пригласил их танцевать. И тогда юноша увидел, что пузатый муж натянулся как лук, с грехом пополам полез в карман. Достав деньги, протянул ей. Но она посмотрела на него таким взглядом, что муж, сдулся как шар, из которого со звуком «фыссс» выпустили воздух. И вместо того, чтобы положить деньги в карман, бросил их музыкантам. Музыка сменилась, и пыль столбом поднялась. Не мог муж танцевать под эту музыку. Только хлопал в ладоши, качаясь из стороны в сторону. А гелин танцевала. И все смотрели на нее. А она ни на кого не смотрела. Для Господа своего танцевала!

А юноша ее запомнил на всю жизнь.

Она не была его первой любовью. Первую любовь он испытал учась в средней школе. Была в их школе девочка-отличница, которая училась классом меньше. Была ведущей школьного радиоузла. Как-то с друзьями обсуждая ее способности, он сказал, что она к тому же и красива. Все стали донимать его тем, что именно по ней он сохнет. Сказал, что нет. Не отставали. Одним словом, навязали ему это. Не прошло и дня, как вся школа говорила о том, что такой-то любит такую-то. После этого девочка, видя его, проходила мимо с таким видом, что, мол, «ты в моих глазах и гроша ломаного не стоишь». И только тогда он понял, что в их школе нет другой такой девочки, как она, которую можно было бы полюбить. У этой девочки был брат. Как говорили жители деревни, в Баку он учился на «прокурора». Четыре-пять сестер учились в этой же школе. Как-то одна из сестер преградила ему дорогу. «Слушай, щенок, самый большой твой кусок будет размером с твое ухо. Сиди и не выпендривайся. Она не из тех, о которых можно по школе слухи распускать». Сказала и ушла. Недаром говорят, что и у стен есть уши. Кто услышал ушами стен, заговорили своими языками. Вот только он не стал играть роль «влюбленного юноши». По школьным правилам он должен был «доказать свою любовь». Должен был пройти по ее улице. Когда у них был урок физкультуры, он не должен был заходить на свой урок. Директор должен был вызвать Его в свой кабинет. Но он все этого не сделал. Знал, что те слова ему должны были сказать. Хорошо, что ее сестра сказала... Школа никаких действий от него не дождалась. И эта любовь забылась. А для юноши все началось с этого. Окончил школу, пошел в армию. Девушка поступила в институт. Тогда же и вышла замуж.

¹⁰ Невеста или невестка, в зависимости от контекста. Здесь, молодая, только вышедшая замуж, девушка.

Эта девочка уж очень ему нравилась. Но это была детская любовь. А эта гелин... Разожгла его сердце. По ночам, ложась в постель, до тех пор, пока не засыпал, был мысленно с ней.

Женился. И те воспоминания словно затаились в глубине его памяти. О этом он жене не рассказывал. Женились они по любви. Когда были помолвлены, она иногда словно ребенок спрашивала его, что была ли у него другая до нее? Смеясь, качал головой, что «нет». Нельзя было говорить ей об этом. У женщин другие понятия... Потом эта Красавица... Что это? Если он слишком сильно задумается об этом, то сойдет с ума. Потому-то он и не придавал этому значения. Только одно свое желание он осознал. Знает, почему женился именно на своей жене. Вот и все. За всю свою жизнь он так и не осознал полностью все, что связано было с другими женщинами. И не любит говорить об этом с кем-либо. Это касается только его самого.

Вздыхнул очень глубоко. Хотел посмотреть на часы. Потом вспомнил, что часов нет. «И представление о времени потерял», – горько подумал он.

Когда солнце клонилось закату, пришла жена. Принесла с собой новые брюки сына. Надо было их немного укоротить. Муж следил за ней. В этой больнице он видел в ней не только жену, но и мать, сестру. Женщина была полностью спокойна. Женщин в этом возрасте называют «зрелыми». Лицо словно испускает свет. Волосы такие как раньше – гладкие и мягкие. Многие поседели. Он смотрел на нее, не отводя глаз. Женщина, наверное, почувствовала это. Прекратила шить. Взглянула на него, устало улыбнулась. Подумала, что смотрит на шитье.

– Говорит, подкороти немного. Сейчас широкое в моде. Вот он и купил на размер больше. Подол брюк слишком длинный, – сказала. И почувствовала, что он смотрит не на шитье. Но не стала навязываться. Но не смогла сосредоточиться. Один раз даже уколола иглой палец. Щеки покраснели. Старалась не смотреть на мужа. Но не смогла. Взглянула и улыбнулась. Она и в молодости боялась его взглядов. Он был красивым парнем. До поступления в институт они работали в одном кабинете. Он так приноровился, что выбрав в комнате такое место, стоял так, что никто не мог уловить его взгляд. И смотрел на нее, не отводя взгляда. Она ловила его взгляд и терялась. То злилась, то задирала нос, то, смягчившись от теплых взглядов, таяла как воск. Те взгляды, которых она так боялась, наконец-таки, покорили ее.

Деловой Человек улыбнулся, не сводя с нее глаз, подмигнул ей. Осторожно встав, закрыл дверь.

– Что ты делаешь?

– Ничего. Что я могу делать? – взял жену за плечи, прижал ее голову к своей груди. И быстро отошел.

– Зачем хну не кладешь на волосы?

– Не знаю, детям нравится так. Каждый из них по-своему хозяин. Говорят, «мама, так лучше, ты тогда такая солнечная». Иногда я клала хну. Тогда было лучше, или сейчас?

Он отчаянно пытался вспомнить, но так и не вспомнил. Отчаявшись, сказал:

– Так лучше

Жена встала и открыла дверь. «Придет нянечка, будет некрасиво», – подумала она. Когда она садилась на свое место, муж пошутил так же, как и раньше, и они оба рассмеялись.

– Когда меня отпустят домой?

– Не торопись, главное – здоровье. Жена тепло улыбнулась. И морщинки вокруг глаз, словно тоже улыбнулись. «Стареет» – подумал муж. – «Интересно, где Она теперь?»

– Который час? – громко спросил он.

Жена:

– Нельзя тебе знать время, – сказала, – врач запретил.

«Врач совсем уже достал» – посмотрел на погоду. Не мог он разобраться в погоде Баку.

Жена стояла к нему спиной. Подумал, что женская порода уж очень невыносливая. Сразу портятся. Лет через пять и Она, наверное, станет такой же, как и его жена. Поморщился. Вот только не подумал о том, что лет через пять все это никакого отношения к нему иметь не будет.

Взошел новый месяц. И еще больше украсил небо. Небо было чистейшим, похожим на лицо младенца. Месяц трехдневный. Господи, поэтому не стареют, не матеруют мир, земля, небеса. Когда обновляется месяц, обновляются и небеса. Каждую весну, когда зеленеет трава и цветет первоцвет, земля становится новорожденным младенцем. Каждый год мир исходит из чилле¹¹. Тайну этого кроме Господа моего Возлюбленного никто не знает.

«Но есть и то, что знают люди. Бабушка всегда, глядя на новорожденный месяц, салават¹² совершала». Она смотрела на новорожденный месяц, но так как салават совершать не умела, руки так и остались опущенными. Покойница-бабушка говаривала, что «после того, как новорожденный месяц посмотрели, посмотрите на что-нибудь красивое. На что посмотрите, на то же и будут похожи ваши дни, месяцы, годы, жизнь». Постаралась ни на что не смотреть. Нет на этом свете чего-то, что может счастье человеку принести. Потому-то и не посмотрела. Сердце сжалось. Вышла на улицу. Вышла с намерением. «Что увижу, то мое» – загадала она. Из дома выбежал мальчишка со старым себетом в руках, который выбросил на помойку. Зарыдать ей захотелось, волком одиноким выть захотелось. Мальчишка был соседским ребенком. Увидев ее, поздоровался с ней. «Добрый вечер» – сказал. Рукой подозвала мальчика к себе.

– Что это ты выкинул? – спросила.

Ребенок быстро ответил:

– Старый себет. Мама сказала, что он уже старый, испортился, поди выкинь. Хотел выйти на улицу, потому и быстренько выскочил.

Красавица и сама не поняла, чему улыбнулась:

– Да, – сказала, – хорошо сделал, – замялась.

И мальчишка стоял как вкопанный. Вдруг радостно сказал:

– Брат с армии вернулся.

Глаза Красавицы наполнились слезами:

– Да, очень хорошо. Поздравляю, – сказала.

Ребенок не знал, уйти ему или остаться.

Красавица:

– Беги домой. Вечерний холод вреден, – сказала.

Сделала пару шагов в ту сторону. Свет луны немного рассеял ночную тьму. Желтый себет валялся на боку. Казался не желтым, а белесым. Грязная крыса, быстро пробежав среди мусора, добралась до себета. Красавица не смогла досмотреть. Руками закрыла лицо.

Младенец, рождаясь на свет, кричит от изумления. И говорят, что его крик – это хорошо. Если закричал, то значит, увидел мир. Мы понимаем так. Ребенок недоумевает всему этому. Кричит, легкие открываются, уши слышат, еще что-то происходит. Но это все потом.

Много всего на этом свете, что заставляет недоумевать нас. Но мы, становясь старше, утрачиваем свою чистоту, изумление. Иначе даже то, что в детстве нам казалось, что мы идем, и луна движется вместе с нами, могло попросту свести с ума. Или восход

¹¹ 1. Сорок дней после родов, свадьбы или смерти. 2. первые два месяца зимы, состоящие из Бейюк (Большой) чилле (первые 40 дней зимы) и Кичик (малый) чилле (20 дней зимы, которые начинаются сразу после Бейюк чилле) – вместе 60 дней.

¹² Религ. - Молитва, произносимая в честь пророка Мухаммеда (сас) и имамов (апостолов) и восхваляющая их. Молитву произносят в сомкнутые в горсть ладони, держа их перед лицом, а потом проводят обеими руками по лицу, как бы осеняя себя святостью молитвы.

солнца с одного места и закат с другого? Говорим, взошла луна. Откуда бы не смотрел, все то же самое. С этого конца города, с того конца города, с этой стороны края, с той стороны края. Сколько это твое, столько же и тех, кто находится очень далеко от тебя. Новорожденный трехдневный месяц, на которого смотрела Красавица, был виден и из окна квартиры Делового Человека. Слава тому, кто создал эту красоту, чистоту, благоденствие. Сын его увидел первым:

– Мама, иди и посмотри на Месяц. Какая красота, – сказал он.

Женщина перебирала рис. Никогда не позволяла домработнице перебирать его. Ей самой нравилось это делать. словно перебирала дни своей жизни. Отборный в одну сторону, поврежденный, испорченный – в другую. Мало ли было риса, много ли, но к тому времени, когда заканчивался рис, она заканчивала перебирать дни.

Сын не давал покоя:

– Мама, ну, иди, посмотри.

Женщина оказалась в безвыходном положении:

– Ну, что там?

– Новорожденный месяц. Как красив! Так хочется пойти к нему...

Из ванной комнаты раздался голос другого юноши:

– Да, давай, топай скорее, – сказал.

Женщина обрадовалась сверкающим глазам сына, глядящего на месяц. «Убереги Аллах от дурного глаза» подумала в душе. Не подошла к окну, посмотреть на месяц. Перебирала все еще... «Честно говоря, я сама ему жизнь испортила. Испортила, клянусь Аллахом, испортила. Господи, какой был желанный. Поженились, «Убью тебя» – говорил. Нападал. «Не будешь смеяться, убью». Такой вид был у него, что я заходила в смехе. С работы убежал на час, два раньше, чтобы домой придти. Как только об этом узнавали на работе, сразу штрафовали. Говорила «не делай так». Ругал их. «Людей бьют», – говорил. Смотришь на него, кажется, что очень жесткий человек, а сердце – мягкое. «Радуй меня, радуй столько, сколько можешь. Согревай меня своей любовью» – говорил. Своими постоянными жалобами, недовольствами я погасила огонь любви, пылавший в нем. Ты не создал такую жизнь, чтобы можно было бы ей радоваться. А что он отвечал? «Не обращай внимания на трудности, со временем все наладится». А я делала все наоборот. Думала, что после того, как закончатся все трудности, все проблемы решатся, смогу жить так, как захочу. Оказывается, все не так на самом деле. Жизнь короткая, а молодость размером с пшеничное зернышко. Прошлое не вернуть.

Я жила праведно. Аллах единый тому свидетель. Заботилась, пеклась о муже, детях, доме. Оказывается, все это... Ах, в общем... То, что ты хочешь, те яркие и светлые дни, на которые ты надеешься и которых ты ждешь, этого тебе никто не дает. Все в твоих собственных руках».

Женщина ссыпала перебранный рис в маленькую миску. Испорченный рис отодвинула в сторону. Продолжала перебирать. «Как теперь мне его называть? Сказать, что зловредный, язык не повернется. Сказать, что животное, невоспитанный, такого не видела. Сказать, что заносчив, нагл, это ведь не так. Сказать, что не любит семью, детей, так этому никто не поверит. Сказать, что сказать? Не надо было говорить и того, что сказала в тот злосчастный день».

Рис, перебираемый женщиной, еще не закончился. Не могу я вынести ее мыслей. Сейчас начнет дни перебирать. Кто прав, а кто виноват. В чем была ошибка, почему ошиблась? словно к какому-то разумному концу это приведет. Придет к тому же концу, к которому приходят другие.

Господи, сколько женщин я знаю. И все размышляют над этим. Удивительно. Почему женщины столько говорят о том, о чем даже Господь молчит? Постепенно в привычку это переходит. Много видела: кто думает об этом, перебирая рис, кто-то, глядя

белье, кто-то, готовя обед, кто-то, стирая, а кто-то вяжет и как петли дни свои вывязывает. А мужики своим делом заняты...

Наверное, когда женщины гладят белье, они разглаживают жизненные рытвины и ухабы, складывают стопкой. Кто-то варит обед и вываривает мысли. Кто-то, стирая белье, выстирывает горечь судьбы.

Та, кто вяжет, вывязывает свою жизнь так, как она есть. Белые петли по белому краю, черные петли по черному краю. И молчит, не ропщет. А кто-то не молчит, ропщет. Их тоже надо понять. Невозможно понимать только одну сторону. Женщину, которая мстит своему мужу ценой чести. Говорит, «встречался с другой, вот и я из-за этого повстречалась с другим». Пусть простит наши грехи Справедливейший. Ложь все это! Если бы это не было в ней с самого начала, так бы не поступила. На первый взгляд, все так и есть. Но на самом деле – это иллюзии: обманывают самих себя и других. А Господа не обманешь. Господь внутри каждого из нас. Всепрощающ Он к тем, кто признает свой грех...

Женщины тоже прощают. Но почему до конца не могут простить своих мужей? Есть боль у них, которая не дает им покоя. Боль сравнения – сравнения с кем-либо. Сравнивает себя с женщиной, которую знает муж. После этого все тяжело. Полная или худая, ласковая с мужем или груба. Ухаживает за собой или неопрятна. Как только начала сравнивать с себя другой, после этого ни день, ни час, ни минуту, ни мгновение она не будет такой, как прежде. Это либо повергнет ее в пучину печали и страданий, либо, наоборот, она начнет вытворять то, что раньше себе не позволяла. Ломает и крушит все рамки, рушит все правила.

Вмешалась в разговоры, от которых всегда держалась подальше. В этом вопросе любая высказанная мысль незавершенная, – либо, правда, либо нет. Не имеет смысла размышлять над тем, что даже Господа не интересуется. Видно, и в самом деле, лучше Господа, никто его творений знать не будет...

Сын женщины закрыл окно. Взяв в горсть перебираемый матерью рис, рассыпал повсюду. И в детстве поступал также.

– Что ты делаешь? Ты, что, ребенок? – закричала женщина. Посмотрела на пол: – Собери, что рассыпал!

– Подметешь. Как же я их соберу?

– По одному собирай в горсть. Нельзя сметать рис. Будь осторожен, не наступи. Покойная бабушка говорила, что «наступить на одну рисинку, все равно, что семь раз на Гулхуваллах¹³ наступить».

Юноша подобрал несколько штук, оставшиеся несколько штук собрала сама женщина. Не могла она оставить ни одной штучки.

– А ты говорила, что нельзя перебирать рис, на ночь глядя.

– Для этого хорош дневной свет. Просто дел было много. Не хотела оставлять на завтра. Может завтра твоего отца из больницы выпишут.

... Он был готов обнимать и целовать любую вещь в доме. Квартира была прибрана так же аккуратно, как и раньше. Как хорошо, что многие не знали о его выписке из больницы. Посетителей было очень мало. Медленно он прошелся по всем комнатам. Сердце не трепещет за этот дом. Когда он только женился, то очень беспокоился. Возвращаясь, все везде внимательно осматривал, чтобы проверить, не появился ли здесь какой-то чужой предмет, чужой след. Задавал жене кучу неуместных вопросов. А она на все вопросы исправно отвечала. Один раз из ста она выходила из себя. «Сердце у тебя нехорошее, – говорила. – До сих пор не знаешь меня и не научился доверять». Прошли годы. Теперь он знает, что другая сторона железной сейфовой двери – неприкосновенный

¹³ Сура 112 «Ихлас» («Очищение(Веры)»), в народе «Гулхуваллах» по начальному слову суры, Священной Книги всех мусульман, «Корана»: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! 1 (1). Скажи: «Он – Аллах – един, 2 (2). Аллах, вечный; 3 (3). не родил и не был рожден, 4 (4). и не был Ему равным ни один!»

мир. Деловой Человек хотел сказать, что «Благодарен Богу». Поднял голову и... ему показалось, что на лбу стекло разбилось. «Что это? Почему сняли люстру?» позвал жену. Жена прибежала на зов. Опередив его, спросила:

- Что ты делаешь в этой комнате?
- Что вы сделали с люстрой? – это спросил муж.
- Потом скажу
- Почему потом? Говори сейчас.
- Имей терпение
- Продали?
- Нет!

Сын вошел в комнату. Только сейчас оба обратили внимание, что сын вырос.

Женщина торопливо сказав:

- Послушай, что говорит отец, – вышла из комнаты.

Муж, наехал на сына, как наезжают на виновного человека.

- Что вы сделали с люстрой? – спросил он

- А, это... – посмотрел на отца. – Ты садись. Почему стоишь? Садись, расскажу.

Через три дня после твоего ухода позвонили и сказали, что ты взял товар. Обещал, что через день отдашь деньги или вернешь товар. Мы и не знали, что делать... – Юноша вначале посмотрел на след от люстры на потолке, потом взглянул отцу прямо в глаза, но быстро отвел взгляд. – Спросил, когда ты взял шубу? Сказали, что в этот же день. Предложил обратиться в уголовный розыск. Если взял в этот день, то шуба должна быть при нем. Где же тогда? Мать не позволила, – вздохнул.

Деловой Человек только сейчас осознал все, что тогда произошло. Бесшумно закрыл дверь комнаты:

- Что стало с машиной?
- Машину забрали сразу же. Как только все произошло.
- То есть как это «забрали»?
- Ты же был на служебной машине!
- Да, на ней.

– Те, кто на улице, сразу узнают эти машины. По знаку определили, какому управлению принадлежит. Позвонили, выяснилось, что твоя машина. Позвонили домой, что, мол, придите и посмотрите, нет ли чего вашего. Сдаем. Я и пошел. Ничего не было. Забрал только кассеты. Кроме того к тебе в кабинет зашел. Мать сказала, чтобы посмотрел, может себет в кабинете. И его там не было.

Деловой Человек хотел обнять и поцеловать сына, хотел зарыдать. Но только ограничился тем, что пригладил усы. – «Ту девушку лишил ребенка ради двух этих детей... А Солтан-то. Подлец! Шуба таких больших денег стоит? Зажал бы я их, что ли? Отдал бы. Заставил продать люстру. Гмм... Подумал, наверное, что отдам Богу душу. Не хотел терять».

Сын взял его за руку:

- Хочешь, приляг, – сказал.

Чтобы лечь, надо было пройти в другую комнату. Не хотел сталкиваться с женой лицом к лицу. «Ах, если бы не было этой истории с себетом» – подумал он.

... В памяти возник образ очага. Согбенная старушка-бабушка ворошила головней погасший очаг, дула, пыталась его заново разжечь. И одновременно приголубливала внучка: «Слава Даровавшему тебя. Дитя моего дитя медок для меня, слаще меда для меня, сыночек, конфетка. Тот, кто его даровал после пяти девочек, пусть его хранит. С неба в себете спустился мой малыш».

Вспомнил и то, что в их деревне тем, кто вел себя высокомерно, задиристо, говорили, «ты себя считаешь лучше всех, ты, что с неба в себете спустился?».

Это очень старая поговорка. Интересно, какая связь у себета и у небес? Что это за себет такой?...

Человек этого не узнал...
Многое на этом свете человек не знает...

ЧУТЬ РАНЬШЕ, ЧЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Был берег моря. Все вокруг окутала тьма. Ни зги не видно. Сын Земли за всю свою жизнь не видел такой тьмы. «День померк, солнце померкло. Не двигайтесь!». Пошевелившись, куда ногу поставишь? Все словно на краю воды, ноги промокают. Вода залила весь мир. Вода до щиколотки доходит. «О, Аллах, если воды будет больше, до горла дойдет, захлебнемся». Воды прибавилось. Сказали, идет корабль. Кто-то сошел с корабля. Та сторона немного осветилась. Пришедшего было не видно. Появился свет, потом пропал. Раздался какой-то голос. Сторона, откуда голос доносился, осветилась. Кто-то пришел, трижды посохом об землю ударил. Не увидел, кто это был. И он как свет утек. Мир окутала тишина. Тьма не рассеивалась. Кто-то пришел. В руках держал меч. Меч осветил ту сторону. Все охнуло. «Наверное, мечом разрубит тьму». Все посмотрели на него. Пришедший вложил меч в ножны. Свет пропал. Начался сильный ветер. От его свиста уши закладывало. Вода до пояса... ветер словно из воды выдувал человека. Не за что было удержаться. Кто падал, тот тонул. Та сторона немного осветилась. Кто-то там стоял, освещенный этим светом. Только он непоколебимо стоял во время этой бури. Ему было словно все равно. Все хотели пойти в его сторону. Буря, ветер не давали возможности. А стоящий просто смотрел. Он был высок, но лица не было видно. Кто он - такой выносливый? Никто не понял - увидел он, что его не узнали. Ушел широкими шагами. И свет там пропал.

Богатые окликали друг друга. А для чего тогда богатство? В трудный день нам подспорье. Собрав все вместе, что-то делать надо. Богатые окликали друг друга. Пусть хоть сто раз кличут друг друга. Разве можно было что-то услышать? Шум воды перекрыл вой ветра. Свой голос невозможно было услышать, не то что чужой. От гула уши закладывало. Некто в чалме, держа ее руками, чтобы ветер ее не унес, стонал: «Если вода забурлит, пропадем». В этот миг наступила тишина. Раздался звон. Потом показалось несколько полосок света. О, Аллах, что за чудо? В серебряных тазах сверкали золото, алмазы, яхонты, янтарь, топазы, бирюза, изумруды, белое золото. Как эти тазы держались на поверхности воды? Их несли черепахи. Пока черепахи плыли, тазы раскачивались, блеск драгоценностей освещал все вокруг. Люди, не могли сдерживать свою алчность и горстями захватывали каменья из проплывающих мимо тазов и пытались высыпать себе в карманы. Руки в карманах утонули в воде. Кто владелец этого богатства? Только он может спасти нас. Никого не было видно. Черепахи предупредили своих хозяев: «не приходи, не приходи!!!». Столько богатства было рассыпано, что и свет их погас, рассыпавшись на звезды. Непроглядная тьма, гул снова охватил все вокруг. Человек задыхался в непроглядности тьмы. Показалось прекрасное лицо. Настолько прекрасное, что род человеческий такой красоты не видывал. Лицо сверкало ярче, чем драгоценности в тазах. Настолько прекрасно было лицо, что все рыдали. И лицо зарыдало, поглядев на них. И как только зарыдало, сразу погасло. Вновь раздался плач и стенания. Плач и стенания хуже, чем звуки бури.

Овен заблеял... Овен заблеял и все замолчали. И ветер затих. Что за овен! Хвала Создателю! Овен во тьме шел по воде. Вода расступалась. Достаточно он прошел. Были и те, кто на суше оказался. Вдруг овен пропал. Украли! Украли! Как украли, куда увели? Неизвестно. Одним словом, украли! Джинны, ифриты, черти стояли, скрывшись в самой непроглядной части тьмы. Обескуражены были. Глаза от удивления на лоб полезли. Этого овна они знали давно. Даже близко к нему подойти не могли. Как же так случилось, что люди в мгновение ока его поглотили.

Огромные волны вновь нахлынули. Вода по пояс поднялась. Буря завывала. Летучие мыши заполонили все вокруг. Летучие мыши хуже, чем вода и ветер, стали расправляться

с Человеком. Другого выхода не было. Все опустились в воду. Тот, кто держал чалму руками, чтобы вода ее не унесла, застонал: «Если вода забурлит, пропадем...».

Появился свет. Первой его увидела Женщина, завернувшая в келагайы исписанные бумаги и прижавшая их к груди. Узнала этот свет. Совершила салават. Глаза наполнились слезами. Раскрыв келагайы, постелила его. У пришедшего в руках была Книга. Книгу положили на келагайы. Кто-то охнул. «Книгу принесли. Заставляя клясться на Книге, вора найдут». Летучая мышь, сев на его лицо, осквернила его рот. Книгу завернули в келагайы. Были видны только руки хозяина Книги. Руки до запястий. Как самшит¹⁴! Пальцы источали свет. После него никто не придет. Если и сейчас тьма не рассеется...

Женщина прижимала завернутую Книгу к груди. Не знала, куда ее положить. На поверхности воды плавал новехонький себет. Вынула его из воды. Завернутую Книгу положила в себет. Прижала себет к груди. Человек в чалме стонал, стоя на коленях: «Лишь бы вода не забурлила». Самшитовые пальцы протянули Женщине келагайы. Потом погладил Ее по голове. Этого было достаточно...

«Мир не возвращает того, что взял». Это сказал кто-то (Слава Ему). Люди ищут то, что потеряли... Молоко струится по белоснежной груди небес... Мир не смотрит на молоко, как ребенок, оторванный от груди... Себет раскачивается как колыбель... Господу знаком раскачивающийся полный себет. .. «Судный день грядет, Судный день!». Голос какой-то стонет... «Если Создатель вновь создаст меня, буду в озеро превращаться каждый день и сливаться с пучиной,». Это говорит Деде Алескер (да возрадуется его Душа). Мир исходит из чилле... Огромная корзина раскачивается, как колыбель... Господь смотрит на свои творения...

Небеса далеко, очень далеко...
А Господь - в сердце Человека...

1997

¹⁴ Южное вечнозеленое дерево или кустарник с очень твердой, плотной и тяжелой древесиной, идущей на различные поделки. Здесь используется в качестве сравнительного оборота.

СИРОТА

У каждого есть кто-то, у меня нет никого,
Одинок теперь я, заступись за меня,
О, Хранитель одиноких.
Некто.

Господь мой Единый!
Сто одно имя у Тебя, но Един ты сам!
Не обездоль меня собой!
Горе сотрясло - пришла беда, отворяй ворота.

Горе сотрясло... «Испытать беду суждено лишь человеку, прочим не суждено» – сказал. «У тысячи бед, тысяча одно спасение» – сказал. «Только смерть неминуема». Смерть – самое тайное из всех сокрытых!.. Почудился ей звук какой-то, словно камнем на дно колодца грохнулась. Как приятно падать, будто летаешь. Вот только боль сердечная, да страх не давали покоя. «Смерть всегда безвременна». Окликнула себя. Очнулась. Стала искать того, кого видела лишь раз за всю свою жизнь и о котором ничего не знала. Только однажды случилось это: помнит лишь широкую спину, прямые плечи, широкую грудь, высокий рост, выше лица, на которое не смотрел, на макушке, пару маленьких рожек, мощные и сильные колени, расставленные, но крепко упиравшиеся об землю ноги. Если б не пара рожек, можно было бы его принять за могучего юношу в серебристых доспехах.

Сочла, что это существо больше никогда не увидит. Кроме смертного дня. По крайней мере, так она думала. Очнувшись от смертельного сна, оглядела все четыре стороны. Поискала его. Не было никого. Но откуда доносился этот голос?..

– Я изведу тебя!

– Будь ты проклят Богом! Не в твоей это воле. Не «Азраилом»¹⁵ ли зовут того, в чьих это руках?

– Вначале прихожу я, а потом уже Он.

– Будь ты проклят Богом!

– Не говори этого! Только этого не говори! Пощади! Не поддавалась ли ты моему искушению? Скажешь теперь, что нет?! Говорю тебе: созданные из Праха и в Прах обращающиеся не минуют меня. Не было еще такого.

– Будь ты проклят, было дело. Сплетничала. И о знакомой женщине сказала, что она «птица не того полета»

– Знаю. Ты сказала то, что есть

– Есть или нет! Все плохое в том и заключается, что говорить о нехорошем, которое известно всем. Или называть «дураком» того, кто и известен как дурак.

– Тебе не нужен Азраил. Да и я тоже. Ты сама себя изведешь.

– О себе побеспокойся... Проклятый Богом!

– Что ты знаешь о Боге?

– Бытие Его!

На мгновение воцарилась тишина. Может и меньше, чем мгновение – взмах ресниц. Повернув обледеневшую шею, взглянула назад. Может кто-то есть сзади? Никого нет. Вблизи снова раздался голос:

– Обреку тебя на страдания. Знаешь, что такое страдание?

– Знаю, конечно. (вздыхнула). Страдание – это то, когда дитя без родителей, а пожилой человек – без детей и внуков. А еще большее страдание, чем эти, осиротеть без Аллаха.

На этот раз вздохнул хозяин голоса:

– До встречи – сказал и исчез тот бестелесный, не облаченный плотью, голос.

¹⁵ Азраил – ангел смерти

Та, которая всей своей сущностью пыталась сопротивляться тому голосу, взяла в руки ручку и для начала написала эти слова:

«Памяти сестры моей Вафы, при воспоминаниях о которой всю мою душу охватывает трепет».

Зашел во внутрь через открытые ворота. Почувствовал что-то родное. Так не должно было быть. Но так случилось. Была ранняя весна, мелкая травка только зазеленела. Запах земли и травы опьянил его. О, Боже, какое же здесь все родное. Он вспоминал далекое-далекое прошлое. В стороне валялось колесо от телеги, чтобы бараны-овцы и ягнята не смешались между собой, ягнята были отделены перегородкой. На очаге дымилась кастрюля, седобородый мужчина сидел на пне, нацепив на колено свой тасбех¹⁶, поодаль петух, собрав вокруг себя кур, копошился в земле. Вечерние сумерки окутали этот тихий двор еще большей тишиной.

Он застыл, поразившись тому, что все здесь такое родное, а старик – приходу неожиданного гостя. А старуха, которая собиралась выйти с застекленного балкона, так и застыла на пороге. Сколько времени прошло... У всех троих глаза уставились в одну точку. Напротив дома, под талваром¹⁷, пес, сидящий на цепи, склонив голову в бок и часто моргая, смотрел таким жалобным и кротким взглядом! Эта собака в это мгновение, в эту секунду, в эту минуту была самым необъяснимым чудом в мире. Собака, от страха перед которой у всей деревни волосы дыбом вставали, смотрела с глубокой скорбью в черных глазах. Гость слышал о ней. Но когда вошел в открытые ворота даже не задумался об этом. А теперь, если собака, оборвав цепь, бросилась бы на него и разорвала его на куски, о которых говорят, что «самый большой кусок был размером с его ухо», пути назад не было. Он пришел. Старик посмотрел то на темный силуэт в проходе, то на присмирившего пса, и понял, что это не случится. Собака не залаяла на гостя. Визит гостя, собака, сидящая с жалким видом – все это словно приковало старуху к месту. В это время собака поднялась на задние лапы, прижала передние к груди и, задрав морду к небу, трижды протяжно завывала. Потом, вновь опустив голову, вновь улеглась с еще больше жалким видом. Моргая глазами, заскулила. Все уставились друг на друга. Это случилось в мгновение ока. А может еще того меньше. Что надо сделать? Старуха, оторвавшись, наконец, от порога, пошла вперед. Спустилась по ступенькам. Раскрыв руки в стороны, делала какие-то движения. «Проходи, почему в дверях стоишь?». Но голоса не было слышно. А старик «Ты должен был однажды прийти, наконец-таки, пришел. Я ждал тебя, проходи» – сказал. Но и его голоса не был слышен. А гостю нечего было сказать...

Это случилось позже. А что было раньше?! Правду знает только Создатель. А он почему-то постоянно вспоминал то, что помнил, что видел и то, что уразумел силой своего ума.

Арык тек наверх, арык тек вниз. Арыку не нравилось течь вниз. Вода подталкивала сзади, от спешки пальцы цеплялись за камни, болели. Ради того, чтобы течь наверх, арык тек вниз. Арык снова «скакал» наверх. Вода, поднимающаяся выше колен,

Бабушка послала его за дикой мятой. Он давно ее нарвал. Завязав горло мешка, бросил его на траву на краю арыка. Солнце перевалило за полдень и вода согрелась. Было лето, и потому мята уже была жесткой, жухловатой. А по берегам арыка, там, где плескалась вода, всегда была хорошая мята. Наигрался вдоволь: опустив лицо в воду, посмотрел открытыми глазами на дно арыка; зацепив на палку, приплывший непонятно откуда, кусок шерсти, стал размахивать им в воздухе; набрал для игры в «бешдаш»¹⁸ для

¹⁶ Тасбех – четки; широко распространенное приспособление для отсчета прочитанных молитв, совершенных поклонов и т.п. религиозных действий мусульман в виде шнурка с нанизанными на него 99 бусинами или с 99 узелками и разделенными на три равные части (количество бусин и узелков соответствует числу "прекрасных имен Аллаха").

¹⁷ Талвар – навес из виноградной лозы

¹⁸ Бешдаш - детская игра, заключающаяся в подбрасывании и подхватывании на лету камешков.

девочек круглых, гладких камней, положил на лист мать-и-мачехи на краю воды; выровнял следы десяти человек, отпечатавшиеся в грязи; нарвав травы, спустил ее по реке – «оторвался» по полной. Вдруг вспомнил, что бабушка его ждет...

Бабушка сидела под тутовым деревом. Почему-то молчала. Он еще.... Но нет, на него никто внимания не обращает. Пройдя вперед, положил мешок. Услышал голос бабушки. Старуха иногда вытирала глаза тыльной стороной руки, тихонько шмыгала носом. Когда бабушка пела, пела так печально и нежно, что хотелось плакать. Но он не мог плакать. Понарошку кое-как старался увлажнить глаза. Знал, что бабушка оплакивает кого-то.

Значит, никто его ругать не будет. Но, честно говоря, он предпочел бы, чтобы бабушка вместо того, чтобы плакать, отругала его. Потому, что хоть он не мог ни слезинки пролить, когда бабушка плакала, но сердце его в это время рыдало. И еще, когда бабушка плакала, ему казалось, что на всем белом свете кроме них никого не осталось. Это одиночество пугало его. Для того, чтобы бабушка успокоилась, ему достаточно было показаться ей на глаза.

– Почему ты играл один? – спросила бабушка

– Никого не было. Я был один.

Играть одному ему было несложно. Наоборот, сам с собой он играл еще лучше. Играл и за себя, и за «Джыггы» – соседского ребенка. Как будто вдвоем играли. Если один «сгорит», то другой начинает. Игра с самим собой его не утомляла.

Молла Фейзуллах говорил, что у этого ребенка есть положительная аура. Добрые силы покровительствуют Ему. Если ребенок не может играть сам с собой, его надо вести на святые места, пиры¹⁹, надевать на него обереги. Значит, он восприимчив к порче. Дети, которые могут играть сами с собой, хорошие дети. Даже если он и не понимал то, что слышал, все равно запоминал. Так он и рос среди взрослых.

На самом деле, их двор был такой, что там нельзя было жить одним. Целый род жил в этом дворе. Таковы были правила деревни. Издревле у каждого рода-племени был свой квартал. В дальнейшем, видать, когда род стал разрастаться, это стало невозможно. Каждый род стал жить отдельно в своем квартале. Например, сколько у человека было сыновей, столько и строилось домов в одном дворе, но между ними не было оград и заборов.

Потом дети перестали ладить между собой, невестки переругались, и каждый мужчина в своем дворе оградой поставил. Так, что и сами не заметили, как отделились друг от друга. Между домами сначала протянули проволочные ограды, а потом построили каменные заборы. Это им и нравилось, и не нравилось. Это не нравилось только этому ребенку. Потому, что Он остался один. Если бабушка выходила куда-нибудь, он трясся от страха до ее возвращения. Обычно это было по вечерам.

Ребенок, когда чувствовал, что боится, несмотря на запреты бабушки, шел то к одному, то к другому дяде. Сразу начинались расспросы. У каждого был свой вопрос. Женщины спрашивали: «Что нового купила бабушка?». «В этом году будет ткать ковер или килим²⁰?». «Когда приходила ее сестра, что вам принесла?». И так он был вынужден отвечать на раздражающие его вопросы.

Часто, когда он шел к соседям, попадал больше в руки детей, нежели взрослых. Они сразу начинали просить его: «Пожалуйста, спой что-нибудь из «Аршин мал алана». Не хочешь петь? Тогда изобрази Башира Сафароглу²¹».

Этого хорошенького, сладкого ребенка любили все – и взрослые, когда беседовали с ним, и дети, с которыми он играл.

¹⁹ Пир – почитаемые народом святые места, мавзолей-могилы святых. Также, в исламе, а конкретнее, в суфизме, «пир» на персидско-таджикском означает «старец»; в *тасаввуфе* (суфизм) пир – это шейх, дающий учение соискателям и мюридам.

²⁰ Килим - палас

²¹ Башир Сафароглу (11.03.1925-23.03.1969) – Народный Артист Азербайджанской Республики, прославленный актер театра и кино, известен своими комедийными ролями.

А вечером, когда пугаясь одиночества, он шел к соседям, то не мог ни толком отвечать на вопросы, ни играть с детьми. Все время ждал. Как только приходила бабушка, убегал. Соседи со всех четырех сторон были родней. Их было много. В этом квартале жило несколько семей: муж Бабушки – старший брат, кроме него трое из прочих четверых братьев были женаты. Каждый построил себе отдельный дом. Только самый младший ходил в холостяках. До рождения этого ребенка свекор и свекровь скончались. Самый младший брат жил в родительском доме. Не хотел жениться. И с ним было невозможно говорить на эту тему. Сразу злился, «Кому я мешаю» - говорил. Но его одинокая жизнь унижала их. Когда он развешивал белье, невестки убегали в дом. Говорили, что и невестки скоро в дом невесток приведут, нехорошо ведь.

Кроме того, Молла Фейзуллах дал всем понять, что если кто-то стареет, оставшись холостым, то доля его грехов передается окружающим, родственникам. Жените холостых.

Не сегодня-завтра женятся нынешние мальчишки, а дядя, видишь ли, до сих пор упрямится. Самой старшей невесткой была бабушка, самым старшим внуком – ее сын. Самый старший из внуков создал семью. Этот ребенок был памяткой о той семье. Что было, что прошло – об этом ребенок узнал позже. А пока он сорокадневный младенец и все эти разговоры не проникают через его пеленки.

Невестка, которая была младше бабушки, жена ее деверя, спросила у жены другого деверя, которая с утра пораньше пришла к ним:

– Ну, что, помер пацан?

– Нет – это сказала четвертая невестка. Пока ее называли младшей невесткой. Самый младший деверь никак не женился, чтобы она перестала, наконец-таки, быть младшей.

– Живет?

– ...

– Мне что-то послышалось, что за звуки? Пойди, погляди, помер ли, жив ли?

– Эээ... Сама иди.

– Ох, камнем бы тебе по щеке. Что ж такого произойдет, если пойдешь. Может, показалось мне. Почему мне что-то слышится?

– Ааа, вспомнила я. Голоса из Наимыного дома доносятся. Невестка Наимы скончалась. Когда к вам шла, услышала.

– Ох, то есть как, невестка умерла? Разве ее невестка не дочь ее сестры?

– Ну и что, что дочь ее сестры? Умерла!

– Дай мне мой келагай²². Вот это дела! Рожать ведь должна была. Наверное, при родах и умерла. Интересно, ребенок жив?

– Нет, ребенок во время родов умер.

– Избавился от сиротства, несчастный.

Последние слова повторила несколько раз. Потом, повернув голову в эту сторону, еще раз громко сказала:

– Избавился от сиротства, несчастный.

Бабушку вдруг озноб пробрал словно. Утешая саму себя, сказала:

– И у сироты тоже есть Аллах, что страшного? – не смогла это громко сказать.

И потому, когда позже построенные заборы, не нравились ребенку, бабушке они были очень уж по душе. Говорила, что с глаз долой – из сердца вон. Глаза бы мои их не видели, уши бы мои их не слышали.

Что могут поделывать каменные заборы. Ведь для звука преграды нет.

Многие склоки начались еще до постройки заборов.

²² Келагайы - тонкая шаль, национальный головной убор азербайджанских женщин.

Отца ребенка убили. В одно осеннее утро, до его рождения, когда он был еще в утробе матери, рассвет начался трагедией.

Бабушка, беспокоившаяся о сыне, не вернувшимся домой, не спала всю ночь до утра. Была вынуждена лгать невестке, которая, крадучись выходила на веранду. Говорила, что «Когда он уходил, сказал мне, что может быть, поздно вернусь, не беспокойтесь за меня, ложитесь спать». Невестка нехотя прошла в свою комнату и легла спать. А женщина встретила рассвет, так и не сомкнув глаз. Ночью, тайком пару раз проведала невестку. Боялась, что беременная невестка испугается и раньше времени от бремени разрешится. Невестка спала. По тому, как сердце трепетало, словно листик мяты²³, бабушка поняла, что произошло нехорошее.

В предрассветном сумраке вышла к калитке. Никого не было. Чуть позже, издали увидела, что идет Мустафа, живший поблизости, которого в народе в шутку прозвали «сын». Когда Мустафа приблизился, она увидела, что на нем нет верхней одежды. «Интересно. Зачем он снял одежду? Почему в такой лютый мороз он в одной рубашке?» - подумала она. Мустафа приблизился к своему дому. Женщина подалась чуть назад, чтобы он ее не увидел. Мустафа зашел к себе во двор. Но зашел так, словно сейчас вернется обратно. Так и случилось. Вывел лошадь, ведя ее за узду. Снаружи запряг лошадь в телегу. Снова забежал во двор и вынес охапку свежей травы и бросил в телегу. Снова вошел во двор. Женщина не выдержала и, поднявшись на носках, заглянула к ним во двор. Мужчина оглянулся вокруг, задумался, снял висевшее на бельевой веревке одеяло, бросил в телегу, и тронулся в путь. Женщина догнала сзади телегу.

– Доброе утро, Мустафа, – сказала, – я тоже еду с тобой. Несчастливого Мустафу озноб пробрал. Что он мог поделать, как ее заставить с телеги сойти. Потом «что делать, пусть пойдет сама все увидит. Потом разбирайся с властями, с судом» - подумал.

– Ты почему раздет? Где твоя одежда? Замерзнешь? – сказала женщина. Мустафа не ответил. Сил не было отвечать. зуб на зуб у него не попадал. Подъезжая к человеку, идущему впереди, замедлил ход, кивком головы сделал знак, мол, «садись в телегу». Это был Умуд с квартала Дерев²⁴. Она увидела, что Мустафа был бледен. Взяв стеганку, которая служила попоной для лошади, когда она потела, набросила ее на плечи Мустафе, который сев в телегу, сидел теперь без движения. Лошадь словно чего-то испугалась и замедлила шаг.

Умуд, садясь в телегу, не сказал ей «доброе утро». Даже Мустафе не сказал. Это не ускользнуло от ее внимания. Сердце трепетало, руки-ноги были холодны как лед.

Лошадь скачет, телега движется...

Бабушка рассказывала до сих пор, потом ее глаза наполнялись слезами, рыдания душили ее, и она сдавленным голосом заканчивала свое повествование:

– Пошла, увидела, где он, словно мир рухнул. Привезли домой. Дай Бог, чтобы Мустафа в раю оказался, чтобы род его не угасал. Рано утром, когда он гнал скотину на выгон, телка вдруг вниз в овраг поскакала. Мустафа, бранясь, побежал за ней. Вдруг несчастного (не приведи Господь кому-то несчастным быть) увидел. Снял одежду и накрыл его. Умуд, Аллах ему в помощь, услышал эту весть, когда скотину на выгон гнал. Поэтому, садясь в телегу, ничего не сказал. Клубком свернулся Умуд в телеге.

Бабушка всегда наказывала:

– Дитя мое, ежели, где увидишь кого-то из их рода хоть с царапкой, помоги, не раздумывая.

Он знал это. Он хотел знать, как и почему убили отца. А этого бабушка никогда не говорила. Только однажды, закрыв лицо руками, бабушка громко, навзрыд заплакала, и сквозь рыдания проговорила:

– Пусть все твои беды ко мне перейдут, зачем тебе это знать? Пришла, увидела, что он от ногтей до кончиков волос кровью залит.

²³ Аналог оборота «трястись, как осиновый лист»

²⁴ Дерев - овраг, долина, ущелье

Тогда Ему было лет десять-двенадцать. В тот день и он расплакался вместе с бабушкой. Бабушка, осознав, что допустила промах, прижала его к груди:

– Не плачь, родимый, – сказала, ты уже мужчина. Я рассказываю тебе это, чтобы ты знал. Ты должен знать это. Правда, я сама много чего об этом не знаю, но знаю одно, что мой сын ни в чем неповинен. Если бы и был в чем-то виноват, я бы об этом знала. Не плачь, дитя мое, не плачь.

И он перестал плакать. Но с тех пор, иногда выводя ягнят пастись, он спускался в овраг и словно чувствовал там дух отца. Наплакавшись от души, облегчал себе сердце.

Спустя дни, месяцы, бабушка прознала об этом и уже не позволяла ни ягнят пастись, ни в овраг спускаться. А те места словно тянули его. Когда он шел туда, будто вырослел.

Однажды бабушка сказала ему:

– Сынок, и у ребенка бывают и друзья, и недруги. Но ребенок – это одно, взрослый – другое. Скоро ты повзрослеешь, у тебя будут друзья, недруги. У тебя есть сложности. Те, кто посягнули на твоего отца, и твои враги тоже. Кто они? Мы этого не узнали. Может судьба, рок сведут его с тобой. Что ты будешь делать тогда, решать тебе. Но найти врага – покой в сердце, отомстить ему – цена жизни. Жизнь дается человеку всего лишь раз. Вторично ее еще никто не проживал. Проживи ее достойно.

Почему-то с годами такие завуалированные призывы бабушки к мести заменяли призывы к уму, терпению, науке.

За наукой он прошел долгий путь. Наконец пришел в столицу. В городе он увидел такие же каменные заборы, которые он так не любил в деревне, но только еще больше, еще выше. И какие каменные заборы! Охватывающие три стороны, а иногда все четыре стороны двора. Дворы казались неприступными как замки. Потом он узнал, что эти каменные заборы, на самом деле, соседские дома, комнаты. В старых кварталах Баку в основном такая планировка: дом одного, стена его дома для других является забором. Захочешь залезть на забор, окажешься на крыше соседского дома, залитого киром²⁵ и заваленного всякой старой рухлядью и хламом.

В одном из таких дворов они сняли квартиру. Их комната была очень скромной. В комнате были три кровати и один большой книжный шкаф. В пристроенной позднее комнате был обеденный стол, стулья, одно старое кресло и один старинный шкаф.

В этой квартире жили три молодых человека. Учились в одном институте. Так как их квартира была удобной и не шумной, иногда накануне экзаменов ребята из их группы собирались у них. Но собиравшиеся с целью занятий, они разговаривали о чем угодно, но только не об экзаменах. Время закончилось. Книжки-тетради отложились в сторонку. «Разговор телку к волку завел».

Что ж поделаться, ведь поговорить тоже хочется. Когда вместе парни собираются, разговор лишь на одну тему – девушки.

Во дворе была девушка – внучка хозяйки дома. Ее отец работал в продуктовом магазине, а мать была болезненной домохозяйкой. Когда во время экзаменов запах кушаний, приготовленных девушкой, заполнял желудки и мозги ребят, то тему бесед о девушках дополняла и разговор о ней. Кто-то называл ее «счастливой», кто-то – «несчастной», кто-то – «неинтересной».

Один говорил-говорил и вдруг вышел из себя:

– Жалко мне ее. Молодость ее зря проходит. Заботы о семье раньше времени состарят ее.

Другой старался казаться еще умнее:

– Она облегчила себе сложности, с которыми ее придется столкнуться в жизни. То, что другим придется еще узнавать, она уже знает.

– На самом деле то, что она умеет, для женщины – качество, приобретаемое после определенного этапа, стадии, – говорит другой и высокопарно добавляет: – Для девушки,

²⁵ Кир – род асфальта

женщины на первом месте должны стоять качество, умение завоевать любовь по отношению к себе.

Кажется, «открытие» последнего оказывается удачным. Появляется много сторонников его теории. Первый, высказавший свою мысль, подтверждает его слова:

– Ты прав.

А один возражает остальным:

– Что вы говорите? Нет женщины, у которой в потенциале не было бы любви. Возможно, у женщин единственный общий кодовый ключ связан с любовью. Но многое зависит от того, на каком этапе у той или иной женщины можно обнаружить эту любовь. Женщина, девушка – не имеет значения, у которой не удалось обнаружить ее, остается эмоционально окаменевшей. И такие превращаются в крайне опасных созданий. Одним словом, «змея подколотная».

Разговор, начавшийся с обсуждения девушки-домохозяйки, вместо того, чтобы угаснуть, разгорается еще с большей силой. Начинают разговор об «особых девушках», с которыми часто сталкиваются в городе. О девушках, привлекающих внимание юношей, и даже мужчин, у которых удобная спальня и красивая жена. Один считает:

– Жалко отцов и дедов наших, таких они не видели. Даже и сейчас это не коснулось тех, кто живет высоко в горах и ни разу не был в городе.

Рассмеявшись, стали шутить над ним: – Их даешь. Позаботься лучше о том, чтобы тебя не пожалели.

У следующего другой приговор:

– В откровенной одежде тоже есть своя закономерность. Разве не говорят, что самая большая красота, созданная Господом, женщина? Так пусть эта красота будет видна и будет доставлять удовольствие.

Юноша, каждый раз говоривший больше всех, вновь возвращается к теме отцов и дедов и на сей раз выражает свою мысль более лаконично:

– Не надо сокрушаться об отцах и дедах. Самое большое удовольствие испытали они. Женщина, не имеющая общения, связи с внешним миром – накопленная энергия, не затраченная энергия. Наши отцы и деды владели именно этим.

В часто возникающих такого рода разговорах, наш старый знакомый, юноша-Сирота, не принимал активного участия. Но, как правило, не успокаивались, пока не узнавали его мнения. Так случилось и на сей раз. Он легко донес свою мысль. Причем не для спора, он говорил лишь для того, чтобы выразить свою мысль:

– В отличие от наших мужчин, счастливы те, кто встретил настоящих женщин. Естественных во всех отношениях! Движения, голос, взгляд... Сколько можно жить с женщиной с искусственно созданным лицом? Пожизненное общение с ней может изнурить. Естественность – красота всех людей.

Разговор, завершившийся на сегодня, в следующий раз возникает снова. Почему-то женщины остаются для мужчин основополагающей и вечной темой. К тому же мужчины любят разговаривать о женщинах исключительно в мужском обществе. А женщины, ставя свой точный диагноз, вынося свой самый беспощадный приговор и лелея свою самую большую любовь, обсуждают это с самой собой в самых глубинах своего сердца. Никто не знает женщину так, как она сама.

Почему женщина, которая запросто черта обдурит, сама поддается на его происки? Вот это тайна! Быть может, если лукавый (будь он проклят) с самого начала себя выдаст, женщина ему не поддастся. Все дело в том, что лукавый всего добивается, не выдавая себя.

Сначала он проявляется в виде алчности. Алчность, страсть заманивают женщину. Потом обещает хорошую жизнь, комфорт, любовь! Это фаза идеала, мечты и желаний для женщины: хорошая жизнь, комфорт и любовь! Сделав всего лишь шаг, женщина сможет объять то далекое пространство, о котором она денно и ночью мечтала.

Один шаг... Один шаг... Один шаг...

От этого шага многое зависит. Сделав шаг, к которому призывает соблазн, она с легкостью достигает того, за что боролась. И именно в этот момент Лукавый проявляет себя и начинает затягивать сеть, в которую женщину завлек соблазн, как только она сделала тот самый шаг.

Потрясения, слезы, позор, обман начинаются после. Наслаждающаяся в объятиях любви, хорошей жизни, комфорта, женщина сначала не ощущает, как затягивается сеть. А потом уже нет пути спасения. Нет и шага!

Один шаг... Один шаг... Один шаг...

Женщина сильнее Лукавого. Но если только сможет его увидеть... Что должен сделать человек, чтобы будучи в соблазнах, страстях, увидеть Лукавого? Должен дружить с хорошими людьми, раскрыть сердце для света мира, а не для зависти и алчности. И еще должен много читать, прислушиваться к словам старших, мудрейших.

Лукавого (да будет он проклят) можно не только увидеть, но и даже разговаривать с ним. Для этого нужно быть стоять высоко. И это может предоставить только судьба. Стоять так высоко, чтобы можно не только увидеть, но и услышать его. Он сам находится слишком низко. В углах, под столом, за дверью, в темноте. А голос можно услышать только в вышине.

Тишина...

Мне нужна тишина. Меня не интересуют ни мнения юношей о женщинах, ни чьи-то желания. Меня заботит только сирота.

Дела Сироты шли неплохо. Словно молитвы бабушки хранили его. «Пусть Аллах хранит тебя так, как хранит небеса без подпорок».

Сирота нашел «Большого Сироту».

Чем он так покорила Профессора? Что нашел, что увидел в нем Профессор. Он не знал. И никогда не узнает. старый профессор полюбил чистые глаза юноши. Его сердце прониклось никому не видимой болью, которая отражалась в глазах юноши. И старый ученый знал, что именно эта боль – причина прозрачности, чистоты и глубокого спокойствия этих глаз.

Только однажды он спросил, что кто есть у тебя в деревне? Сирота спокойно ответил: «Бабушка». Вот и все, другого разговора не было. И один раз Профессор обратившись к нему, сказал: «Соберешь курсовые работы и принесешь на кафедру».

В длинной, узкой комнате профессор был один. О чем говорили с профессором, он не помнит. Только помнит те слова, которые никогда не забудет. Их старый профессор сказал неожиданно:

– Я тоже сирота. Сиротства стыдиться не надо. Лишь бы человек умным был.

Потом, вздохнув, серьезно сказал: – Я никогда не ощущал своего сиротства так, как сейчас. Теперь я настоящий сирота. – Помолчав, добавил: – Поколение меняется. Дети не понимают. Человек жаждет родителей, братьев и сестер.

Он смотрел на профессора, не веря своим глазам. Университет трепетал перед ним. А он рассказал о своем сиротстве.

Интересно, почему профессор был сиротой? Можно и это у него спросить? Вдруг страшная мысль пронзила его. Профессор спросит, почему ты сирота? Почему у тебя нет родителей?

Знал только то, что отца убили. Тогда мать не произвела еще его на свет. Во время родов у нее помутился рассудок. А чуть позже скончалась и она. Младенец, которому было несколько дней, остался на руках у бабушки. Бабушка назло всем плохим и всему плохому назвала его именем отца.

Младенец рос с именем отца.

Время текло как вода, годы, толкая друг друга, вели вперед. Человек, подозреваемый в смерти отца, был арестован. Ему дали пятнадцать лет. Еще до того, как мальчик закончил бы школу, его срок истек бы. Но он вновь был осужден еще на

пятнадцать лет. И будто этот срок его адвокат заставил сократить на пять лет. Итого двадцать пять лет.

В деревне говорили, что следующие пятнадцать лет он получил за то, что в тюрьме человека убил.

Правду же знает лишь Аллах.

Как же он хотел бы знать всю эту правду!!! Иногда ему казалось, что люди, которые не задаются такими вопросами, самые счастливые в мире.

Для того, чтобы человек был счастлив, достаточно того, чтобы в его жизни не было темных пятен. Если тебе не надо что-то выяснять, значит, ты можешь жить спокойно. Ему же было суждено через трудности проходить.

Как ни странно, но и профессор говорил о том же:

– Все равно, жить очень мучительно, – говорил. – Нет для человека постоянного счастья. Никто не мог его приобрести и сделать собственностью своей. Потому, что границы счастья неведомы. Иногда видишь, что человек живет внутри него, но ему кажется, что он несчастлив. Те, кто достигли того, чего не достиг он, счастливы. Но на самом деле и они не счастливы. Счастливые бывают счастливыми только в одной или в несколько сторонах жизни, те, кому не повезло, тоже.

Ты здоровый, толковый юноша. Симпатичный, умный, воспитанный. К тому же и молод. Молодость – половина счастья. Человек не осознает полностью своего счастья и вечно ищет счастье.

Юноша глубоко вдохнул и выдохнул. Старый профессор многозначительно улыбнулся:

– Ты согласен или нет, можешь высказать свое мнение.

И он высказал свое мнение:

– На самом деле, если человек находится в поисках счастья, то он счастлив. Так как у него нет других проблем. Он не размышляет о том, как избавиться о той или иной проблемы, избавиться от мучений. Ему хорошо, но он хочет, чтобы было еще лучше. Повторюсь, если человек ищет счастье, то он счастлив

– В твоих рассуждениях есть здравый смысл. А то, что касается, повторения мысли, то старайся в разговорах не допускать повторений. «Повторение – мать учения», но убийца речи. Во время разговора повторение убивает логику. – Профессор, улыбнувшись, повторил: – Я все еще занят своим воспитанием. Это очень сложно. Вообще-то, человек вместо того, чтобы обрести счастье, должен стараться совершенствоваться. Тогда можно, хоть и в малом количестве, но, все-таки, добиться удачи. Полностью усовершенствоваться невозможно. Одной жизни на это не хватит. Здесь нет последней грани. Есть отдельные стадии. При достижении стадий, становится проще увидеть счастье, осознать его. Враги совершенствования – лень и происки лукавого.

Беседа с профессором была дороже всего на свете. даже можно было обсудить и новые темы. Студенты иногда очень умело пользовались этим методом. На некоторых семинарах, на которые приходил профессор сам, «удальцы», пришедшие на семинар не подготовленными, заводили разговор на какую-то тему и тем самым «убивали» время урока. Профессор, «не оставшись в долгу» в конце говорил: «Все это, конечно, хорошо, но в следующий раз не приходите на семинар неподготовленными».

А сейчас профессор сам завел разговор. Какой темы он хотел избежать или наоборот, прокладывал дорогу к этой теме?

А юноша хотел сказать профессору кое-что другое. Но он не смог сказать это ни сегодня, ни потом, во время нескольких личных встреч.

Те слова, которые он не смог сказать профессору, остались недосказанными в душе. Их во время деревенских свадеб, на некоторых мужских посиделках рассказали ему мужчины. Бабушка, если получала приглашения на свадьбу, всегда отправляла его. Поэтому уже пригласительные на свадьбу чаще адресовались ему. Чтение

пригласительных хоть и доставляло ему тайную радость, но и напоминало и об отце. В походах на эти свадьбы было что-то мучительное. Потому, что ему приходилось сидеть среди приглашенных. Не мог присоединиться к сверстникам. Его ровесники ели-пили на свадьбах, танцевали до упаду, от души любовались девушками на свадьбе.

Только то и было хорошо, что не ровесники не осуждали его за то, что он сидит с мужчинами.

Он вел себя среди взрослых очень воспитанно. Было еще лучше тогда, когда кто-то вспоминал его отца, деда, деда отца, и рассказывал что-то о них. В таких случаях мужчины обязательно пили за его здоровье. Порой предлагали и ему. Тогда находился и тот, кто обязательно говорил: «Пить ему еще рано».

Однажды, он сам того не зная, был в гостях там, где присутствовал и его учитель литературы. Видно, для того, чтобы как-то рассеять его скованность, учитель умело завел какой-то разговор. Разговор шел о его дедах:

– Было время, когда армяне опять бушевали. Для того, чтобы иногда поугубить деревни, края, устраивали набеги на сады и огороды. Молодые парни края решают поставить вопрос ребром, что это должно прекратиться. Надо сейчас их приструнить, чтобы неповадно было. Забрав с летних пастбищ скот армян, приводят его в деревню. Армяне поднимают крик, казаки бросаются за юношами. По дороге их догоняют. Юноши без оружия. Казаки их уводят. Твой дед – прадед был очень храбрым, богатым человеком. Услыхав новости, садиться на лошадь и скачет. Видят, что скот забрали, а ребят арестовали.

Говорит:

– Мой внук арестован, хочу с ним повидаться.

Армянин возмущается:

– Ара, басурманин, какая встреча? Они только арестованы. Встреча будет потом. Сейчас не разрешается.

Дед говорит:

– Правильно сделали, что арестовали. Я только увижусь с ним и сразу уйду. Арестовали, посадите в тюрьму. Только дай сейчас с ним увидеться.

Армянин говорит:

– Че

Дед дает ему золотую десятку, говорит:

– Можно. Иди и приведи внука.

Армянин быстренько прячет золото, говорит:

– Ара, только разговаривать нельзя. Ради Аллаха, не оставляй деток моих без хлеба. Посмотри на него и уходи.

Старик говорит:

– Он мой внук. Вырос на моих коленях. Когда он был маленький, я ему песенку пел. Только ее спою, не бойся, ни слова не скажу.

Армянин приводит внука. Старик сидит на пне и постукивая посохом по земле, поет:

– Сынок, медник изготавливает кастрюли,

Дан, даранг, дан, дан, дан.

Хорошее от плохого отделяет, а железо от меди,

Дан, даранг, дан, дан, дан.

Нусрет бек, чьим именем был назван твой отец, на лету схватывает то, что хотел сказать дед. Говорит «Эй, ты словоблуд», дед говорит «Дан²⁶». Речь не о меднике и о кастрюле. Значит, я должен все отрицать.

Старик уходит. Через некоторое время вновь возвращается. Кое-как узнает, что один из арестованных свою вину отрицает. Говорит, что я не из этой группы. Я скакал с

²⁶ Здесь игра слов – «дан» - звук, раздающийся, при постукивании молотка о металл и «дан» - «отрицай». Для надзирателя это песенка, а для внука – толчок к действию.

Кюрговушана. По дороге встретился с ними. Конь мой не отставал от их коней. Я и отделиться не усел, как нас арестовали.

Стари узнает, что и товарищи его не выдают. Он с наших мест, но не знаем, откуда едет. Старик уже знает, что ему делать. Дождается темноты. Находят этого армянина. Дает ему пустой мешок, говорит – Держи это – потом бросает мешочек золота на колени армянину, говорит:

– Этой ночью я приду и заберу ребят. Будь готов проводить меня! Будет что-то не то, твою голову вот в этом мешке увезу.

Ночью возвращается, забирает ребят, и для того, чтобы запутать следы, едет в Грузию. Возвращаться с пустыми руками ребятам не хочется. По дороге внук просит позволения, мол, дед у нас здесь есть небольшое дельце.

С ближайшего хутора забирают троих армян. В тот период, пока они остаются в Грузии, армяне им прислуживают, обстирывают их.

Из присутствующих гостей кто-то пошутил:

– Эй, учитель, а захваченные мужчины или женщины были?

И учитель литературы тоже улыбнулся:

– Нет, ни то, и ни другое, а просто армяне.

Все рассмеялись. Учитель не забыл о том, к чему вел этот разговор. Повернувшись к юноше, завершил свою речь:

– Ты последователь таких людей. Им царствие небесное, а тебе здоровья. Если сказать обычными словами, будь в жизни храбрым. Не дождавшись, чтобы враг тебя поборол, побори его сам.

Все выпили за здоровье юноши. Учитель подняв свой стакан, положил его обратно. А он из-за своего стакана с любовью посмотрел на учителя.

Тот, кто недавно сказал «эй, учитель» и неуместно шутящий, мужчина средних лет, поднял руку как ученик:

– Учитель, разреши, расскажу историю одну, всего несколько предложений – сказал он, и, не получив разрешения – правда, здесь есть и те, кто старше и те, кто, младше. Но, клянусь, я должен высказаться. Не выскажусь – умру. На хуторе слышал. Мужики рассказывали. Один армянин сказал: «Ара, мало нас было, семеро армян. В лесу ели-пили. Вдруг, откуда ни возьмись, появился басурманин, с запавшими от голода глазами. Ара, поел шашлык, выпил тутовку²⁷, глаза разгорелись. В конце взял Хахчых Сирануш и пошел вглубь леса. Ждали, ждали, ни басурманин не появился, ни Сирануш. Ждем, неждемся! А нас было мало, семеро армян. Немного нас было, чтобы пойти за басурманином, поглядеть, что он с Сирануш сделал».

Рассказчик, покраснев, сел. Учитель улыбнулся. Мужчины засмеялись. Кто-то сказал:

– Выпьем за того басурманина.

Учитель тихонько ему сказал:

– Ты уже иди к своим товарищам.

Он только этого и ждал. Пошел туда. Не рассказал ребята то, что там слышал. Лишь позже рассказал друзьям-студентам.

Профессору бы рассказал! Но как?! Хотел рассказать профессору то, что он слышал от своих земляков о дедушке, об отце и деде дедушки, о том, какие они были храбрые, образованные, смелые, щедрые, мудрые. Дать понять, что они известный род. Он не сирота без роду и племени. Но каким путем можно было это сказать, донести?!

Однажды профессор сказал:

– Сынок, ты из хорошего рода. Надумаешься жениться, возьми девушку из хорошего рода.

²⁷ Тутовка – водка, из тутовых ягод.

Он словно к месту прирос. Откуда профессор это знает. Он говорил только то, что у него есть бабушка.

Через несколько лет и бабушка покинула этот мир. Он остался совсем один.

Бабушка знала, что однажды он останется один. потому торопилась его женить. Каждый раз, когда он закончив очередной курс, возвращался в деревню, бабушка ставила вопрос ребром. «Либо покажи мне девушку, либо же я пойду и выберу сама» – говорила. «Бабушка, где ж я девушку найду?» а бабушка, посмотрев искоса, смеялась: «Разве в таком большом институте нет девушек». А он клялся, что «Нет такой девушки, какую я хочу».

Однажды бабушка спросила, «Говоря та, которую я хочу, что подразумеваешь?». От бабушки у него не было секретов. Сказал: «Чтобы красивая была, образованная, воспитанная, умелая, чтобы ты осталась довольна ее умением». Женщина задумалась: «Ты хочешь и умную, и умелую, поняла я. А я думаю, что пусть характер хороший будет». Покачал рукой: «Что характер, сама адаптируешь! Красота такая вещь, что потом не появится, образование – я же не буду потом ее образованием заниматься, а воспитание – генетическое».

У бабушки была девушка на примете. В городе они жили. Бабушка-дедушка были из деревни. Летом приезжали все они в деревню. Намекнул о ней: «Она внучка моей двоюродной сестры. Пару раз видела ее. Не знаю, какой у нее характер, но смотреть на нее приятно. Пойди и посмотри. Понравится тебе, посмотрим, что делать будем, Бог в помощь». Впервые в жизни засмутился перед бабушкой. «Зачем мне смотреть, ты одобрила, значит, хорошая» – сказал. Бабушке понравился его ответ. Но возразила. «Нет, сынок, «Красива лишь та, которую любишь». Если она тебе будет не по душе, то мне это не надо» – сказала.

Нашел возможность и посмотрел на девушку. несколько раз ее увидел. Как бабушка и говорила, она ему понравилась. Если, как бабушка и говорила, и характер будет хороший, то это и будет счастье.

У нее был очень сложный характер. Упрямая, любила настаивать на своем, неуживчивая. Но было и много хороших качеств. Хорошая воспитательница, домохозяйка, желанна как женщина. За все время, прожитое вместе, он ни разу не пожалел. Только ару раз очень сильно разозлился на ее слова. Да так разозлился, что больше не стал возвращаться к этой теме. Это случилось намного позже. Жена сказала ему, что «Ты меня больше не любишь». Задели его эти слова. «Недостойные себя слова говоришь» – сказал. На его взгляд, в семье нет необходимости в этих словах. Живешь в одном доме, лежишь под одним одеялом, ведешь совместную жизнь, надо завоевать чувство родственности. Непокоримую родственность.

Бабушка в тот же год на Новруз Байрам²⁸ одела девушке на палец обручальное кольцо. Три годы они были обручены. Юноше, заканчивающему в тот же год институт, посоветовали поступить в аспирантуру. Правда, была своя «такса». Юноша не согласился. Некто из их деревни работал в том же институте. Бабушка нашла его. Продав несколько драгоценностей, заплатила требуемую сумму. Он так об этом и не узнал. Однажды прибежал домой, не чуя ног от радости, что наконец-то справедливость восторжествовала. Меня отправили в аспирантуру. С одной стороны, радовался за учебу, с другой, что семья невесты живет в Баку. Будет с ней. Договорились, что если он поступит в аспирантуру, то пожениются через три года. До тех пор и она закончит учебу в институте, устроится на работу. Но в начале третья года «сахар» у бабушки подскочил до невозможности. Решили срочно сыграть свадьбу. Так и сделали.

²⁸ *Новруз Байрам – Первый день весны, отмечается 21 марта, уходит своими корнями в Зороастризм. Своего рода Новый год.*

В тот же год и освободился обвиняемый в убийстве отца. Бабушка доживала последние дни. Бабушка сказала: «Ты пошел за знаниями. Женился на городской девушке. Но только не забывай о том, что народная мудрость гласит: «Пусть хвалится тот, у кого есть родной очаг, да тот, кто не покидает свой очаг». Не забывай нас. Не отворачивайся от родного очага». Это были ее последние слова.

В деревне говорили, что именно после того случая у бабушки сахарный диабет развился. А теперь и этот возвращается. Почему-то за эти годы ни разу под амнистию не попал. В этом году ровно двадцать пять лет исполнилось. Женщина, наверное, годы считала. А в этом году не выдержала.

Об этих разговорах Сирота не знал. Он только женился. Справили по бабушке поминки. Отметили и сороковины. Надо было идти на занятия. Теща хотела, чтобы молодожены у ни оставались. «Три комнаты. Одна у нас дочь. Давайте вместе жить» – говорила. У девушки был брат. Учился в Москве. Не стали жить у ее родителей. Да и тесть зятя поддержал. Сняли квартиру.

В деревню поехали, когда справляли годовщину бабушки. К тому времени у них уже был один ребенок. очаровательный мальчик-карапуз. «Если бы меня не назвали именем отца, сейчас бы я так сына назвал» – подумал он. «Как же его назвать?». Вдруг вспомнил. «Интересно, как хотели назвать меня папа с мамой? Бабушка говорила, что та трагедия случилась незадолго до моего рождения. Значит, муж с женой придумали для ребенка и мужское, и женское имя. Что делать, видать судьба такая была». Когда он задумывался над этим, ему казалось, что грудь от невыносимой боли разрывается. Как хорошо, что в мире бывают и радостные события.

В роддоме жена при встрече у окна сказала: «Давай назовем сына Тогаем. Это было имя отца властвующего над большей половиной мира тюркского полководца Амир Теймура²⁹, сказавшего, что «Мир не так велик, чтобы у него два властителя были». А у него родится сын, такой же, как Амир Теймур, который сделает, иншааллах³⁰, Азербайджан властителем многих стран!»

Растрогался, «да будет так» – сказал.

После того, как забрали ребенка из роддома, поехали к ее родителям. Несколько дней спустя перевезли все вещи из квартиры, которую снимали, туда же. Пожили здесь немного. Он закончил аспирантуру. Защитился. Стал кандидатом наук. Отправили в Гянджу в Институт Народного Хозяйства. Несколько лет проработал там. Там дали жилье, как молодому специалисту. Потом устроился на работу в Баку. Квартиру в Гяндже у них забрали. Взамен дали многокомнатную в Баку. К тому времени у него уже было трое детей. Остался в Баку навсегда.

Дети выросли. Порой он считал их самыми близкими собеседниками. Говорил с ними на любую тему. Например, говорил:

– Я работал в Гяндже. Гянджа – один из древнейших городов. Когда-то был столицей Азербайджана. Очень выгодное для столицы местоположение. Почему-то потом ошибочно перенесли столицу в Баку. Из-за Каспия Баку не может быть столицей. Во-первых, что за столица на берегу моря. Во-вторых, посредством Каспия расположен на границе нескольких государств. С этой точки зрения это нецелесообразно.

Жена знаками намекала, «Прекрати политические разговоры. Разговариваешь с ребенком на любые темы». Пользы никакой, муж словно ее не видел. Наконец жена, не выдержав, сказала:

– Тебя в конце концов снимут с должности. Хватит против государства выступать.

²⁹ Амир Теймур (Тимур, Тамерлан, Амир Тимур, Тимурленг, Желёзный хромец) — один из великих мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Средней Азии и Кавказа. Выдающийся полководец, эмир. Создатель крупной державы со столицей в Самарканде.

³⁰ Иншааллах – Дай Бог, с Божьей помощью

– Почему против государства? Говорю то, что есть! И что, нельзя своему ребенку свои мысли высказывать?

– Ты прекрасно знаешь, что можно, а что нельзя

– Да, ладно. Снимут, пусть снимают. Что заработал, то заработал наукой.

Старший сын Тогай сказал:

– Отец, я заметил, что ты тоскуешь о научной деятельности. Почему ты не пошел по этой стезе до конца?

– Во-первых, я проделал грандиозную работу. Во-вторых, уже не выдерживали нервы. Видишь ли, я не писатель, чтобы взяв ручку и бумагу, в тихом месте сесть и писать. Не художник, чтобы был только я и мой холст. Я энергетик. Для научных открытий нужны деятельность, опытная территория, средства, возможность для внедрения. Проси у этого учреждения, убеждай того директора. Нервы не выдержали. Семейные проблемы затянули. Блеск должности ослепил. Вот так! Но есть утешение, что сказал свое слово в науке. Электрификация агрегата для стрижки овец в сельском хозяйстве – мое открытие. Параллельно со мной в России один ученый тоже работал над этим. Но как самое совершенным, самое профессиональным было признано мое открытие. Это научное открытие было внедрено в каждой республике бывшего Советского Союза. Мне этого хватает. А теперь твоя мать говорит, «тебя снимут с должности». Пусть снимут, что хорошего в должности. Жили хорошо. И к тому же... – Сжав руку в кулак, ударил по колену, – к тому же, страх, подхалимство, нервы.

– Отец, если тебе не нравится, напиши заявление, дай понять, что не хочешь работать.

Отец заткнул сына. Горько улыбнувшись, сказал:

– Как потом твои проблемы решать. Живешь себе, ни о чем не ведаешь. До окончания школы всего-ничего. Моргнуть не успеешь, как окончил. – Отец, повернувшись к старшему сыну Тогаю, сказал:

– От должности отказаться невозможно. Пока молод, хочешь должность получить. И думаешь, что это сложно. Это сложно, но намного легче, чем уйти с должности. Говорите, чтобы написал заявление, что не хочу работать? Знаете, что со мной сделают? – Долго молчал, вздохнул. – Сажают человека на электрический стул, крутят туда-сюда, в результате, ни одного живого нерва. С занимаемой должности меня могут снять лишь «сами». Если захочу уйти сам, в лучшем случае вызовут и скажут: «Обнаглел? До такой степени обнаглел, говоришь, увольте меня, отдохнуть хочу?! Ты у нас отдохнешь». Безусловно, в лицо мне этого не скажут, но за спиной именно так и произойдет. И сделают то, что сказали.

Жена раздраженно покачала головой:

– С ребенком разговариваешь так, словно это взрослый человек.

И он повторил то, что говорил много раз:

– Чему учишься, тому учишься в детстве. Повзрослев, человек ничему не обучается. Решая проблемы, накапливает опыт. И учится плохому, чтобы справляться с плохими. Вот и все.

Жена была его самым сильным оппонентом. Ни в институте, ни в науке, не было такого человека, как его жена, который рискнул бы в открытую выступить против него. Вот и теперь она не преминула вновь также поступить: – А может, тебя в детстве обучили тайнам должности, работе в должности? – сказала

– Все дело в том, что большую часть своих знаний я приобрел на практике. Если бы я знал это все раньше, то меньше мучился бы в жизни. А я всю жизнь маялся.

– Сам же и говоришь, что жизнь – мучение, мучаешься для жизни...

– А я хочу, чтобы мои дети не мучились столько же, сколько и я.

– Это судьба, не в наших это руках.

Всегда последнее слово говорила жена. Если бы он что-то сказал в ответ, то этот разговор затянулся бы.

Многие черты характера жены были ему по душе. Так же, как он был благодарен бабушке за все то, что она для него сделала, и за эту женщину он благодарил бабушку:

– Спасибо бабушке, какую жену мне выбрала, – говорил.

Жена больше всего не любила шутки на эту тему. А он почему-то, когда хотел пошутить, начинал именно с этого.

Жена злилась на эту шутку, и каждый раз пыталась проявить обиду. А однажды сказала:

– Ну, да... Бабушка выбрала ему невесту. А он увяз в своих бумагах (Ее мучило только то, что ее он выбрал и полюбил не сам. Воспользовавшись тем, что затронули эту тему, она решила высказаться).

Муж ее опередил:

– Потому теперь берегу тебя, как зеницу ока, – сказал. Те, кто, полюбив друг друга, встречаются, теряют свою любовь по дороге, на потом ничего не остается.

Жена улыбнулась:

– Можешь ты все в свою пользу засчитывать – помолчав немного, добавила – Несколько дней назад учительница детей заявила, что не понимает, как те, кто женились не по любви, как спят вместе?

Муж, повернувшись, косо посмотрел на жену. Жена его сразу поняла:

– Что делать... – говорю то, что сказала учительница...

Муж снова на нее также посмотрел.

Женщина постаралась обелить себя:

– Почему-то учительницы, видя меня, начинают сразу со мной дружить. Иногда за детьми иду сама. Невозможно довериться шоферу.

– А ты, наверное, сказала, что и ты учитель

– А почему бы и нет? Пять лет училась в университете, преподаватель языка и литературы. Зря не стала работать. Что поделаться, родители работали. Каждый вечер рассказывали дома о своей работе. Каждый день раздоры, прения, сплетни, тот этого выдает, этот того выдает, интриги, зависть выше крыши, представила себе то же самое, дурно стало. Сама не захотела работать. На тебя могу обидеться только из-за своих стихов. Я, правда, хотела стать поэтом, покуда за тебя замуж не вышла. Ты посмеялся над ними, не воспринял всерьез, я и запустила.

– Нет, здесь ты не права. Если бы ты хотела стать поэтессой, стала бы ею еще до замужества.

– Когда я вышла за тебя замуж, мне было года– Когда я вышла за тебя замуж, мне было года– Когда я вышла за тебя замуж, мне было года– Когда я вышла за тебя замуж, мне был 21 год или 22 года.

– Молодец. Именно до 21-22 лет становятся поэтами. Потом просто продолжают. Ты до свадьбы должна была быть на таком уровне поэтического творчества, что ни я, ни ты сама, не могли бы противостоять. Не хочешь стать поэтом, а, глядишь, уже стал им. Так же, как и ученые не знают, когда становятся учеными. Те, кто хотят стать учеными, бывают демагогами.

– А те, кто хотят стать поэтами, кем бывают?

– (Рассмеялся) Тебе виднее

Иногда с женой возникали споры. Но, в целом, они прожили хорошую жизнь. Дети выросли, отучились, женились. Много лет прошло... Много всего случилось...

Одному сыну купили отдельную квартиру. Средний сын вынужден был жить с ними. Младший – женился на девушке, которая была единственным ребенком в семье. Ее родители настояли, и младший был вынужден переехать к ним. Отец девушки перевел

всю свою собственность на имя зятя. Отец юноши не соглашался. Хотел сам купить своему сыну квартиру. А сын старался взять у отца деньги и купить себе самую дорогую машину. Странно было то, что все считали поступок его сына правильным. В результате, отец вынужден был согласиться. Видать, годы летят, критерии, ценности меняются.

Когда-то жить у отца жены считалось позором. Говорили, что «притолока дома тестя низка, зять зайдет-выйдет, на голове будет шишка». А теперь говорят, что если есть у девушки квартир, то почему лишний раз тратиться, жилье искать. После того, как он привел в порядок дела всех и каждого, передним встала проблема, которую он не решал годами и тянул из года в год.

В этом году вышел на пенсию. И в этот же год его самым бессовестным образом сняли с должности. Сейчас он был свободным человеком и мог идти туда, куда захочет. Мог заниматься всем, чем хочет. Проблема в том, что сейчас есть время, но нет денег в требуемом количестве. Были деньги – не было времени. Можно было послать деньги и что попросить сделать. Но туда, к тому очагу, он должен был поехать сам. Были причины, которые не позволяли ему привыкнуть к этим местам, по которым он так тосковал. Надо разорвать этот заколдованный круг и поехать туда.

Приняли решение, что сначала поедет он сам. Так как сложно привыкнуть к дому, в котором ты не жил годами. Иногда они ехали в деревню. Но тогда, родня, руководство деревни не давало им возможности что-то делать, приводили в гости к себе, устраивали поудобнее. А они к тому же очень скоро возвращались в город.

А сейчас надо было ехать, чтобы вновь восстановить родимый очаг. Жена беспокоилась о нем. «Что ты там будешь делать? Заболеешь, ты не в том возрасте» – говорит. Его невозможно было переубедить. «Там я вам такую дачу устрою, что о бакинских дачах просто забудете. Никакие санатории вам не понадобятся. Поймете, как надо лето проводить, пробуждать дух, сливаться с природой». Жене сказал: «Ты не обижайся, но я должен все увезти. Деньги решают все». А жена сказала, что ты сам все заработал, тебе и решать.

В деревне ничего от старой деревни не осталось. Черешня не успевает созреть, как черви ее изнутри точат. Сажают картофель, раньше картофеля жуки появляются. Когда нужен дождь – светит солнце, когда нужно солнце – во время жатвы или сева – идет дождь. Целый огород огурцов посадишь, а ведро не соберешь. Одну сторону сели размывают, другая сторона от засухи гибнет. Сколько лет подряд овцы не ягнятся, выкидыши у них.

Небо и Земля не ладят. Как люди. А с другой стороны еще и безработица в деревне... Света нет, газа нет... Будь ты проклят, кто деревню до такого довел.

Мужчины не заботились ни о гневающихся женах, ни о судьбе детей. С утра до вечера только о политике и говорят. И некому им сказать: «Какое тебе дело до политики? Ты о семье совей заботиться обязан. А ты и с этим справиться не можешь! Ты этим свое умение прояви. Вместо государства мнение высказываешь, «дела делаешь». Они до правительства доходят? Пользу какую-то приносят? Нет! Тогда чего ты глотку дерешь?».

Пять мужиков деревни вместо того, чтобы вместе собравшись, придумать, как семью прокормить, обсуждают пользу партий, за которых «болеют». Чуть ли друг другу глотки не перегрызают.

Господи, Господи, что же это такое с нами происходит?

Слабый свет лампы затрепетал. Слегка закоптил. «И в такое время мы без электрического света сидим. Закончился двадцатый век. Цивилизация подходит, чуть ли не к последней стадии. Наука, техника, культура развились до такой степени, что человек боится, что мир разрушится. Небо, Земля, Земные глубины вошли в сферу могущество человека. Достижения приводят человека в ужас. А эти люди электрического света не видят. Дети учатся при свете нефтяной лампы. Свет три часа в сутки??? И все! Кого казнить за такое?».

Лампа опять закоптила.

«А эти нефтепереработчики, продавцы нефти! До чего нефть довели, что она горит, но света никакого. Раньше нефтяные лампы ярко горели. Испортили нефть. Черные дни черного золота».

Слабый язычок пламени затрепетал, немного закоптил, сажа закружилась в воздухе и осела перед Ним.

– Как ты?

– Будь ты проклят! И ты в свете можешь прятаться??

– Хаааааах..... хаааааах....хаааах... Почему бы и нет?!

– Уфф... – бросил ручку на стопку бумаг местами исписанных, местами перечеркнутых. – Будь ты проклят. (Безмолвие). Но хорошо, что пришел, с тобой разговор...

Прервал его:

– Хорошо, что пришел? – Снова захохотал. – Почему не желаешь мне смерти? В то время, как все человечество желает мне смерти...

– Ты мог бы быть убит, когда был один. А этого Творец не сделал. А сейчас ты с сотнями, тысячами, миллионами. Каждый может убить тебя внутри себя. Даже если ты и не убит, ты побежден.

– Ты хотя бы сам веришь тому, что говоришь?! подумай немного, время у тебя есть!

– Сам верю тому, что говорю. Внесу коррективу. Ты пасуешь перед самыми сильными людьми.

– Есть такие? Может, по пальцам перечислишь!

– Есть, конечно. Пальцев столько у меня нет.

Безмолвие.

– Кого ты называешь сильным человеком?

– Ученого, умного, терпеливого, чистого и честного человека. Если в человеке объединены эти пять элементов, то ты перед этим человеком ничто.

– Как человек может объединить в себе эти пять элементов?! Кто ему это позволит?

– Границы между наукой и умом, чистотой и честностью очень близки. Потому можно их объединить и свести значение к трем. Ты не можешь подступиться к умным, терпеливым и честным людям.

– Их очень мало!

– В любом случае они сильнее.

Безмолвие. Длительный смех... Следом:

– Ты сойдешь с ума! Ты еще не видел, как сходят с ума те самые ученые, умные, чистые и честные люди?! (пауза) Видел, видел. Не надо думать, видел, очень много видел.

– Я думаю о другом. Я говорил о пяти элементах. Ты не назвал один. Ученость, чистота, честность и терпение! Ты не назвал терпение.

– Дай терпение мне. Умоляю, дай терпение мне! Заклинаю тебя теми, кто тебе дорог, отдай терпение мне! Пусть мертвые, живые будут твоими, терпение отдай мне! Пусть любимый тобой Аллах будет твоим, отдай мне терпение!

– «Терпение – имя Аллаха» – говорила бабушка. Как я отдам тебе терпение?

Сжался, стал таким жалким. Но умолять не переставал.

– Отдай мне терпение! Больше ничего не хочу. Не приду больше. Не буду мешать написанному тобой. Отдай мне терпение! И не будешь больше видеть меня, когда будешь писать! Обещаю! Отдай мне терпение.

– Я не могу отдать тебе терпение. Ведь мое дело – это не только записи! Я работаю в большом коллективе. Знаешь, сколько там таких, как ты?! Достаточно мне взглянуть на них, чтобы узнать. Терпение сдерживает меня, иначе они сведут с ума. Бабушка говорила, что Лукавый и из джиннов бывает, и из людей. Лукавый из людей – более упрямый и несговорчивый. Будьте все прокляты. Прокляты, тысячу раз прокляты...

Как появился из копоты лампы, так и скользнув по ее стеклу, исчез. Он понял, что Лукавый спрятался в оскверненной человеческой алчностью нефти. В это время зажегся свет. Все осветилось как днем. Протянув руку, погасил лампу. Положил зажигалку рядом. Посмотрел на часы. Половина четвертого. Веки словно свинцом налились. Но последние слова должен был написать. Написал:

«Значит, все сложно покуда у человека терпение не отнимешь. Я видел, конечно, как сходят с ума, умные, ученые, чистые люди. Значит, они потеряли терпение! Потом сложно жить. Поэтому давным-давно сказал: «Сначала прихожу я, потом приходит Азраил».

Часто бывает так...»

– Старуха не помирает, брат. Не приходит по ее душу Азраил, чтобы избавилась бедная женщина от мучений. Или когда приходит, старуха, словно обманывает его. (Пусть Господь простит мне этот грех) – сказала жена двоюродного брата.

– Какая старуха?

– Йетар гары³¹.

– Йетар гары ... Йетар гары ...

Дядина невестка очень удивилась:

– Оййй, забыл, что ли? Жена дяди твоего

– Разве она еще жива? – спросил Сирота – А почему ни слуху, ни духу от нее?

– Какой слух, дух? Усохла вся. Живой труп.

– Как плохо. Сколько времени... А я думал, она давно умерла.

Лежала на древней тахте – на нижнем этаже дома, который зазывали «подвалом». Так как потолок подвала был немного низким, он зашел туда, наклонившись. Сел там, где показали, устроился поудобнее. Здесь не так тоскливо, как казалось. Широко, удобно, чисто. На тахте белоснежная перина, подушка. Ничего черного. Встречающие гостя стояли.

– А почему вы не садитесь? – спросил

– Сядем – сказал двоюродный брат и сел

– Куда это вы мою эмидосту³² дели, а? – он любил обращаться к женам дядей так, как говорили городские.

Ему показалось, что все улыбнулись

– Зачем тебе эмидосту, ежели пришел, считай, что уже увидел, – это сказал жена того же двоюродного брата

Откуда-то послышался детский голос. Капризный, упрямый, строптивый детский голос.

– Хорошо, тетя, хорошо! – Мужчина торопясь проговорил эти слова. Быстро стянул одеяло.

Аллах, Аллах! Что это?!

В белоснежной постели сухая старушка размером с руку! Много всего иссушенного он видел. Это был иссушенный человек.

Старушку можно было завернуть и дать в руки пятилетнему ребенку.

Еле слышным голосом что-то сказала. Двоюродный брат сказал тем, кто в комнате: – А вы, что расселись, делать больше нечего? Голос старухи звучал у него в ушах. Хоть и был голос тонким и писклявым, но с детским голосом его сравнить нельзя было никак. Это был усохший голос. Ужас иссохшего голоса был больше, чем ужас перед иссохшим телом.

– Что она ест? – спросил

– Ничего, воду пьет, иногда фруктовым соком губы смажем. Иногда хлебный мякиш, жидкую еду.

³¹ Гары – старуха по-азербайджански

³² Эмидосту – жена дяди (по отцу), эми – дядя. Так обращаются к жене дяди его племянники, племянницы

Снова раздался голос. Невозможно было поверить, что этот голос из человека исходил. Двоюродный брат хотел притвориться, что не слышал. Но голос упрямо зазвенел.

– Что он должен был привезти, чтобы тебе пусто было! Что у него здесь есть, чтобы он еще и тебе привез.

– Бананы привез. Из дома прислали.

Сверток, который принес, был на столе. Взял один банан, очистил от шкурки, протянул двоюродному брату. Отломил кусочек, размяв между пальцами, протолкнул через губы старухи ей в рот.

– Ешь, несчастная! И до этого дня дожила. С другой стороны света пришло это! Чтобы предки твои в преисподнюю провалились.

Иссохший голос эхом отразился в подвале. На сей раз понял, что она сказала. Кажется, он постепенно привыкал к голосу.

– Не ругай, – сказал голос.

Что это за ужас такой. Он вспомнил слова, которые слышал в далеком детстве: «Чтобы тебе не умереть, а усохнуть с птичье тельце стать». Голосом бабушки прозвучали эти слова в его ушах. Можно, значит, так усохнуть, чтобы с птичье тельце стать.

«Значит, так нужно. Где только я не побывал, чего только я не увидел, Господи! А такого кроме этого подвала я нигде, наверное, не мог бы увидеть».

– Весь мир ты объездил, молодец, не помер еще, – это сказала старуха.

Он нехотя улыбнулся:

– Если и не помер, то, видать, недолго осталось.

– Будет, будет! – снова запищал голос.

Старуха, у которой слегка прорезался голос, сказала двоюродному брату:

– Иди, занимайся своими делами.

Опешивший от ее последних слов двоюродный брат, удивленно воззрился на него. А он указал глазами на другой конец подвала. Почему-то не хотелось ему оставаться со старухой наедине.

– Хорошо, что приехал. Хочу, чтобы простил ты меня за все. Прости мне, если чем обидела, чем-то задела, ежели сердце тебе разбила. Прости.

– Не знаю, не помню ничего. Помню, что бабушка покойная часто на Вас обижалась.

– Да, ждет она меня. Очень ждет. Терпения не хватает у нее уже. Иногда разговариваем с ней. Что мучило ее? Что я ей делаю, говорила?

– А как вы разговариваете? Не говорит сама? – засмеялся.

– Это разговор между мной и ею. Ты ребенок, как я скажу это тебе?

Двоюродный брат громко рассмеялся

– Я не сказала тебе, занимайся своими делами?!

Двоюродный брат ушел, чуть позже пришла его жена.

– Ты ей нужен был, оказывается! Человеком вновь стала, – сказала. И как сказала! Словно гость воскресил того, кого она не хотела бы видеть воскресшим.

– Невестка беспокоится, не думает, что я одной ногой уже в могиле. Мало ли, что я то там, то здесь. Однажды уйду насовсем.

– Нет, не дай Бог. Зачем мне беспокоиться? Еще лет десять проживи.

– Видишь, они за мной присматривают. Одна я.

Он не ответил. Он пытался уточнить: «Эта женщина первого деверя жена. То есть, жена старшего, первого брата, моя бабушка, второго брата жена – эта старуха. Этот двоюродный брат не сын этой старухи и его жена не ее невестка. Это сын и невестка третьего брата. У этой старухи было четыре сына. Этот двоюродный брат ни один из них. А у бабушки был один сын и две дочери. Одну она выдала замуж куда-то далеко, другую – за сына своего брата».

– Бога ради, что бабушка обо мне говорила? В детстве ты был таким ребенком, из которого слова вытянуть было невозможно.

– Говоришь, если в детстве я не допускал таких ошибок, то сейчас надо допустить?

– Я уже не жилец. Пусть все обиды и горести останутся в этом мире. И груз будет легче.

– У меня кроме своего горя другого груза нет, – сказал.

Не хотел он, чтобы старуха прошлое вспоминала. Хоть голос ее и слегка прорезался, он с трудом понимал ее слова. К тому же и отношения с ней не были такими близкими. Точнее, у бабушки не было близких отношений с ней. А он не мог плохо относиться к старухе. Потому, что не она не допускала этого. То, какой она в сердце, с словах, в помыслах – одно. А в основном, она была заботливой, приветливой, радушной.

Бабушка говорила, что я с ней не справляюсь. Враждует, злословит. Но, друг. Если можешь, попробуй, отдались, не разговаривай. Сама заговорит, и еще скажет, какая ты плохая.

– Вечером свадьба сына Наимы. Одеда бы свое красное платье и я бы пошла. Да вот только тогда народ уж очень на меня смотрит. Потому не пойду, – когда старуха сказала это, он очень удивился, зато жена двоюродного брата свободно вздохнула.

– Пойдем уже. Попей чаю, поешь. Опять помутился рассудок. Весь день до вечера будет сама с собой разговаривать. Потом два дня ничего есть не будет. Может и голос пропадет. Голос вернулся, когда она с тобой разговаривала.

– Я ничего не понял.

– А кто, что понимает, чтобы и Вы поняли?

Они вышли из подвала. Снова послышался голос старухи:

– Помер пацан-то?

– ...

– Дышит?!!

– Ну, что, ползает? Сколько ему исполнилось? Боже, как живучи сироты!

Жена двоюродного брата посмотрела ему в лицо. Вообще-то она не только жена двоюродного брата, она к тому же его двоюродная сестра. Младший сын третьего брата женился на старшей дочери четвертого брата. Одна сестра пяти братьев она. Но почему-то он не относился к ней как к двоюродной сестре, а как к жене двоюродного брата. А она очень любила его как двоюродного, причем как знаменитого брата.

Посмотрела ему в лицо:

– Пусть все беды твои уйдут, идем, – сказала – Пойдем, сядем, не обращай на Нее внимания.

Его мысли были далеко – рядом со старухой. Жена двоюродного брата подумала, что слова старухи его задели. Постаралась объяснить:

– Покойная мать рассказывала. Когда ты был младенцем, часто говорили, «Бог знает, этот ребенок останется или нет». Мать говорила, что Йетар часто спрашивала, «помер ли пацан?», если слышала плач и стенания, думала, что с тобой что-то случилось. Однажды что-то случилось. После этого она закрыла эту тему.

Это давно случилось. Скажем еще и то, что старший сын приемный ребенок. Во время кочевья ее забодал насмерть бык. Отец женился, новая жена родила ему четырех сыновей. Так как разница была большая, он был намного старше четырех братьев. Поэтому и его дети старше остальных. Когда он выдал двух дочерей замуж, женил сына, детям других братьев было 1-5 лет.

Бабушка Сироты жена того старшего брата, а Йетар - жена второго брата. Имен других не знаем. А самый младший брат не женился.

Дед Сироты выдал вначале двух дочерей замуж. Потом справил свадьбу сына. Но внука не дождался. И сын умер, не увидев сына. И родившийся ребенок, осиротел, потеряв при родах мать. Вот так, жена старшего брата и осталась с сиротой на руках. И

потому, будучи дядиным внуком для всех детей, он был принят как двоюродный брат. Бы старше других на 3-5 лет. Были и его ровесники, и те, кто родились после него.

Жена этого двоюродного брата была дочерью четвертой невестки. Тогда ее мать была молодухой. Родила только эту девушку. На руках она была еще.

Как мы и сказали, то происшествие случилось давно.

– Умер пацан-то? – спросила Йетар

– ...

– Почему молчишь, зараза! Умер ребенок?

– Нет

– Почему глаза красные? Что случилось, будто голоса доносятся какие-то?

– Нет, иди! К ним иди – это сказала четвертая невестка

Йетар улыбнулась.

– Или баба умерла вдруг? Горе сломило ее. – Накинула на голову шаль, сползшую на плечи. Переступив через упавший плетень, поторопилась вовнутрь. Следом зашла медсестра. Легкая на подъем, улыбчивая, по первому зову спешащая ко всем на помощь, медсестра опередила ее:

– Ах, ты, такая-сякая, – сказала, – что же ты творишь-то? Оставив такую огромную кастрюлю с горячим молоком, куда сама ушла-то?

Словно эту большую кастрюлю с горячим молоком ей на голову вылили. Ошпарилась будто.

– Ох, неужто ребенок в молоко упал? Кто, мальчишка или девчонка? – сил не хватило сорваться с места и побежать в дом, в таком же состоянии повернувшись к медсестре, спросила:

– Заклинаю тебя жизнью брата твоего, пусть все беды твои ко мне перейдут, правду мне скажи.

Медсестра в ответ:

Не дай Бог, не говори так, успокойся. Забыла, кастрюлю оставила без присмотра, вот малышка в нее упала. Но все в порядке, наложила мазь, сделала укол, сейчас спит. Ничего страшного.

Девочку не отвезли в районную больницу. Сильно обварилась она. По настоянию медсестры, вызвали врача из района. Осмотрел. И он не был сторонником того, чтобы отвезти ребенка в районную больницу. «Если бы вы успели в Баку» сказал. Надежда была только на медсестру. Послав человека к районному базару, велела купить средство, похожее на молоко, которое готовил и продавал один еврей. Лекарство было в бутылке из-под воды, а рядом лежало перо. Смазала этим лекарством. Сделал укол, предписанный врачом. Но девочка прожила всего полдня.

Жена двоюродного брата вздохнула. И он вздохнул.

– Эту девочку мы не видели, – сказал сирота.

– Мы еще маленькие были, когда она умерла. Поэтому у тети Йетар нет дочери. Старуха увидела тебя и вспомнила то, что было еще раньше. Она просто кошмар. Довела нас всех. Что поделать, даже Книгу³³ открывали. Говорит, не трогайте. Сам Господь распоряжается ее Судьбой. Но говорит, у Аллаха с ней свои счета! И верится, и не верится. Как это, свои счета?! К скольким специалистам, которые Книгу открывают, мы обращались, советовали, чтобы ухаживали за ней. Нельзя допустить, чтобы умерла, и нам стало легче, и ей самой. Все равно, что ее грехи на себя взвалить. Еще большие трудности возникнут. Терпите, делайте, что хочет. Сколько Аллах захочет, столько она и проживет. Не мало ей все таки. Наши ровесники уже на том свете. Не то, что она.

– Иди, вымой руки и сам умойся.

³³ Под Книгой подразумевается Коран – священная книга мусульман. Обратившись к знающему человеку, просят совершить обряд Истихаре - Испрашивание совета у Аллаха, узаконенное шариатом, выполняется после совершения двухрикатного намаза.

Это было уж очень ему по душе. И он направился к рукомойнику, висящему на шелковице.

Жена двоюродного брата сказала:

– Мы его уже не используем, – и указала рукой на другой рукомойник с новой раковиной.

А он очень хотел умыться у старого рукомойника, прибитого к шелковице.

Но не сказал этого. Вскользь посмотрел на старый рукомойник, а потом взглянул вдаль.

Жена двоюродного брата то ли для того, чтобы предыдущие темы закрыть, то ли из-за того, что он на старый рукомойник взглянул, почему то вспомнила его бабушку:

– Покойная тетя просила, чтобы твои письма я ей читала.

– Царствие всем небесное! – сказала. Я писал письма? Плохо помню, – сказал.

– Ты мало писал. Твоя покойная бабушка говорила, что «я училась старому алфавиту, на новый терпения не хватает, ты почитай». Читала. Глаза ее тотчас наполнялись слезами. «Превратиться бы в птицу, полететь и сесть на его оконце, чтобы посмотреть, что делает, как живет» – говорила. Расчувствовавшись, каждый раз в конце говорила, до сих пор, «чтобы Господь поддерживал тебя, как небеса, без поддержки».

Словно с небес доносился этот голос. Потому что на земле никого не было.

– Говоришь, не страшусь смерти! Из-за того, что умерла и ожила однажды. Помню, умерла ты, когда твой отец был под ножом хирурга.

– Нееет... Испугалась тогда. Очень испугалась.

– Еще один раз ты умирала. Какую-то ошибку на работе допустила. И когда это раскрылось, умерла ты.

– Нееет... Стыдно мне тогда было. Машинистка меня выдала. Мгновенная ошибка и большая боль. Вот, что это было.

– А когда же тогда?

– Искренне разговаривала с тем, кем была побеждена. И в тот же миг я пережила свою смерть. Но потом я нанесла ему поражение.

– Знаю, ты тогда отыгралась.

– Нечего было отыгрываться вообще-то. Моя ошибка сделала его победителем.

– Дааа... Об этом я особо не задумывался. Потому полностью и не знаю.

– Наверное, когда ситуация твоя ухудшилась, ты занималась только тем, что проклинала меня. Когда уже ничего не изменить, что меняется, когда Лукавого проклинаешь? Ваш враг ваш нафс³⁴, он вас губит.

Засмеялся смехом, которого она в жизни не слышала. Звук окутал все вокруг. Волосы встали дыбом, словно миллионы игл одновременно вонзились в кожу. Тело заныло от боли и содрогнулось. «Царствие тебе небесное, Гусейн Джавид³⁵!» «Если бы я не прочла «Иблис³⁶», испугалась бы его». Хотела что-то сказать, чтобы посмотреть, может ли говорить:

³⁴ *Нафс – в исламе, животная (страстная) душа человека. Она всегда следует за прихотями тела, повелевает человеку только исполнение плохих деяний. Она также является домом и источником всего отрицательного, где скапливается все плохое. Нафс даже называют домом, где прячется сатана. Для человека нафс считается большим врагом. Этот нафс является общим для всех людей.*

³⁵ *Гусейн Джавид (Гусейн Абдулла оглы Раси-заде, 24.10.1884, Нахичевань, Российская империя — 1944, Иркутск, РСФСР) - известный азербайджанский поэт и драматург. Является ярким представителем романтизма в Азербайджане начала XX века. Своими произведениями, в которых нашли отражение мотивы философской лирики, вопросы гуманизма и человеколюбия, исторические драмы, Гусейн Джавид открыл новую страницу в литературе и драматургии Азербайджана. Протестовал против социальной несправедливости, буржуазно-помещичьего гнёта: сборники стихов "Минувшие дни" (1913), "Весенняя роса" (1917), драма "Шейда" (1917); проповедовал гуманизм (драмы "Мать", 1910, "Марал", 1912, "Шейх Санан", 1912—14, трагедия "Демон", 1918).*

³⁶ *«Иблис» («Демон») – трагедия Гусейн Джавида. По сути своей сравнима с «Фаустом» Гете.*

– Покойный Гамлет³⁷ также смеялся в роли Иблиса, - сказала.
– Конец обоих известен. Один ты видела. А о Джавиде³⁸ слышала, – сказал голос.
– Я их считаю победителями. Оба бессмертны.
– Тебе виднее. В мире ничего не происходит без причины. Особенно, смерть.
– «Смерть есть истина, Божьего приказа не ослушаешься», человечество мыслит так.
– «Есть смерть, как смерть, есть смерть, как мука», это тоже сказал человек.
– Это так
– Знаешь Юсифа Самедоглы³⁹. Друг твоего отца.
– Великий писатель! «Брат мой», так он называл моего отца. Не поминай имени его.
Его место на небесах.
– Я сказал свое слово.
– Какое слово? Будь ты проклят Господом, отстань от меня!
Нажала кнопку ручки. Кончик ручки втянулся как язык ужа.
– Оййй... Боже, помоги мне!
Посмотрела на час. Было пять часов. Ползком добралась до кровати. «Наступит утро, начнется обычный день».

Нет, сегодня был не обычный день.

Сегодня он должен был получить ответ на вопрос, который раздирал ему душу. С этой целью он зашел через открытые ворота. В полумраке вечера запах земли и травы обескуражил его. Двор, в который он зашел, смутил его чем-то родным. И знакомые таблички напомнили ему далекое-далекое прошлое. Некоторые моменты его жизни вновь воскресли в его памяти. Но он пришел сюда не для того, чтобы вновь пережить определенные моменты своей жизни. Пришел, чтобы узнать, как отец прожил свой последний день в ту далекую осеннюю ночь. Ему казалось, что он не перепутал адрес. О чем думали старик со старухой, увидев гостя, знает лишь Бог. О чем думал пес, которого боялась вся деревня, с глубокой скорбью глядя на гостя, не знал даже Бог.

Знал, что надо сразу перейти к делу:

– Это был не я, сынок! Клянусь, чем хочешь! – это сказал старик. Голос звучал глухо. – Я жалею, что нет на свете ничего, что могло бы убедить тебя, что я не враг тебе кровный. Не смог бы я такого сделать, сынок!

– Так почему же не сказал этого тогда?

– Сказал, не смог убедить, все было против меня. Советский закон был как обоюдоострый меч, обе стороны резали. Нельзя было Коран поминать. Иначе в мусульманских правилах есть путь. Поклянись на Коране, вот и все. Дальнейшее решает Аллах, да буду я его жертвой. Но кому я мог это тогда сказать, как мог сказать?!

– Я слышал, что вы знали, кто убийца и были арестованы за сокрытие убийцы.

– Нет, я был арестован как убийца. Я был вынужден взять вину на себя. Так как это был самый легкий путь. Ты просвещенный человек, сам знаешь, что человеку, который видел убийцу, но не сказал, не дают пятнадцать лет.

– А почему дали следующие пятнадцать лет?

– Как дали те пятнадцать, так дали и эти. Не спрашивай ты у меня ничего, сынок!

Посмотрев на старика, он подумал: «Невозможно сейчас заставить его поклясться на Коране и сказать, мол, расскажи, что знаешь. Надо было придти несколько лет назад. Тогда я по-другому поговорил бы с ним».

³⁷ Гамлет – Гамлет Ханызаде (1941-22.02.1990) – выдающийся азербайджанский актер театра и кино, Заслуженный Артист Азербайджана. Скончался после событий 20 Января 1990 года.

³⁸ Джавид – Гусейн Джавид. В 1937 году, в обстановке начавшихся репрессий и травли передовой части творческой интеллигенции, Г.Джавид был объявлен "врагом народа" и сослан в Сибирь. В 1944 году Джавид трагически погиб в ГУЛАГе, не выдержав суровых условий лагерной жизни.

³⁹ Юсиф Самедоглы – известный писатель, сценарист. Сын выдающегося азербайджанского поэта Самеда Вургуня.

А старик думал с трепетом: «Если сейчас скажет, поклянись на Коране. Не сделаю, ничему не поверит. А идти в мечеть в моем возрасте...»

А он думал про себя. «Если старик решит сам поклясться на Коране, чтобы переубедить меня, это его дело. Если скажет, принеси Коран, поклянись на нем, это другое дело. Нет, если этого он сам не скажет, я ему этого не скажу?».

Старик ждал. С трепетом в душе.

А Сирота ждал, что скажет старик. Молчал.

Потом у старика перестало трепетать сердце. Сейчас дрожали ресницы, грудь, все мышцы лица. Глаза наполнились слезами, а потом он весь задрожал. Старик плакал. Плакал потому, что другой молчал.

Плакал беззвучно. Слезы словно стекали вовнутрь. успокоившись немного:

– Ты сын настоящего мужчины, сынок – сказал. А я не смог проявить себя как мужчина ни тогда, ни сейчас. Но, клянусь Аллахом, я не убивал твоего отца. Я бы не смог этого сделать.

«Интересно, если я спрошу его, на самом ли деле ты видел этого человека, жив ли он, мертв ли, скажет ли он мне правду? Или, считая меня простачком, скажет, что нет он умер и никого из родни не осталось» – думал он так и молчал.

Старик, как растрогавшись, расплакался, та и успокоился.

Старуха хотела дать ему лекарство и воду. Но старик оттолкнул все в сторону. косо посмотрел на жену. Старуха исчезла.

«Ты, и правда, не убивал моего отца, старик! Его убийца был жестоким, безбожным, бессердечным, черной силой был он. В твоих же руках свет, я отчетливо вижу его. Ты не можешь убить человека, но, возможно, ты его видел. Если бы не было оснований, к тебе бы не прицепились. Но почему ты скрыл, кто это был??? Хотя бы мне скажешь, кто это был?!»

Гость молчал. Вопросы свои он задавал про себя. Уставившись в одну точку, молчал.

Старик то хотел разразиться сумасшедшим хохотом, то залиться слезами. Но нельзя было делать ни того, ни другого. Он кусал изо всех сил губы.

Успокоился. Потом стал рассказывать сам.

– Покойный был убит недалеко от моей хижины в степи. Я в тот года посадил там – в неполивном месте огород. Соорудил себе хижину и по ночам тоже оставался там. Застрелили в близости от хижины. Был один следователь. Вычислив все по минутам, по секундам, по расстоянию, глядя мне в глаза, сказал, что ты в это время ты либо только лег спать, либо был в полусне. Ты слышал звук выстрела, вышел на звук и видел убийцу. Ты должен сказать! Перед глазами тали его огромная семья, инвалид-брат, больная мать. Сказал, что я никого не видел. На следующий день принес фотографии. Сказал, что это следы. После выстрела ты выходил из хижины. Ты побежал на звук и на таком расстоянии столкнулся с убийцей. Потом его следы идут в сторону деревни, а твои в сторону хижины. Правда, я на самом деле видел на обратном пути убийцу, а точнее, стрелявшего. Но только я не знал в кого он стрелял, жив ли тот, в кого он стрелял, или умер там же – этого я не узнал. Я не мог назвать стрелявшего. Так как я его знал. Потом, что сделали, как сделали, но получилось, что покойного убил я. Что стало с тем следователем я не знаю. Но дело стал вести другой следователь.

Старик помолчал.

Он с трепещущим сердцем ждал, что старик назовет имя того, у кого была большая семья, инвалид-брат и больная мать. «Я не должен спрашивать. Он сам все говорит. Если сочтет нужным, назовет имя тоже. Если же нет, спрашивать неуместно».

Старик хотел, чтобы Он не спрашивал, кто тот человек. Почему-то ему казалось, что Он не спросит. «О чем думает, почему не спрашивает?». Взвесил все про себя. «Наверное, вычисляет, кто в деревне подходит под это описание».

А он думал о другом: «Если бы сейчас на моем месте был кто-то другой, то схватил бы старика за горло и задушил его. Сказал бы: «не тяни, старик, скажи, кто это был». Видать, наука, знания, хоть и дают человеку многое, но есть такие ценности, с которыми они не согласуются. Совсем мало остается для мести. Но это не для меня. Я даже не смогу найти того человека. К тому же, что это изменит. Словно, если я найду этого человека, он признает, почему это сделал. Причина стопроцентно выяснится? Не верю!» Последнее слово сорвалось с языка. Старик, сжавшись, с жалким видом сказал:

– Не веришь? Клянусь единым Аллахом, в моих словах нет лжи. Не смотри, что ты седой, ты еще молод. В этом мире даже у клочок земли есть хозяин, ни то, что у живого человека. Не знаю как ты, но я верю в суд Божий. Если бы я был причиной слезы Сарии гары... – старик что-то говорил.

А он глядя на постаревшее, усохшее тела старика, на его тихое, чистое лицо, добрые руки, хотел заплакать так же, как недавно этот стари. Заплакать навзрыд, так, чтобы плечи тряслись.

Вдруг спросил:

– Дядя Сойун, говорят ты хорошо на сазе играешь. Твой саз дома?

Старик вдруг:

– Хайй???... – сказал. В этих местах этот возглас означает «что ты сказал? Я не расслышал, повтори еще раз».

Больше что-либо говорить было нельзя. Ни один ничего не сказал.

Гость хотел уйти через те же открытые ворота. Но дверь была заперта. Старуха нагнала его у дверей.

– Чай, не из вражьего дома уходишь, сынок, выпей стакан чаю, а потом уходи, – сказала.

Он посмотрел на старуху ничего выражающими застывшими глазами.

Закрытые ворота на сей раз открыл сам, а выходя, за собой не закрыл. При свете луны темень вечера немного рассеялась. Несмотря на это, глаза плохо видели и он ел еле-еле. А старик оглох от собственного же возгласа. Поэтому он и не услышал ни голоса старухи, ни шагов гостя, ни звук закрываемых затем ворот.

У старика сначала уши заложило. Почувствовал, что ничего не слышит. Стала мучить жажда, захотел воды. Это было его последнее слово. Жена принесла воды. Что-то почувствовав в состоянии старика, уложила его прямо во дворе на тахту. На дворе под деревом была древняя тахта, покрытая килимом, а нем небольшой матрац, подушечка. Перед им небольшой круглый стол – приданое старухи, и несколько табуреток из дуба. Положив старику под голову подушечку, уложила его. Лоб старика покрылся крупными каплями пота. Вытирая их рукой, старуха вздрогнула. Пот был холодный.

– Успокойся, сейчас я вызову врача, – сказала.

Старик не услышал то, что сказала старуха. Видел ее губы в тумане. Несмотря на это, по движению губ он понял, что она хочет сказать. Рукой отмахнулся.

Старуха закричала:

– Кто-нибудь, помогите! Ооохх, Аллах...!!!! Ваййй... помогите, – когда первые поспешили на помощь, последние пришли с муллой.

Через некоторое время раздался голос муллы, читающего «Йа-син⁴⁰».

Еще полностью не стемнело. Глаза старик принесли тьму. Стемнело, но он все видел в свете. В этом сиянии и уши стали слышать. В этом свете ему навстречу ему шел тот, у которого была большая семья, брат-инвалид и больная мать. Дойдя до него, поздоровался. И еще сказал, что «Амироглу, на том свете я буду носить тебя на спине».

Старик словно вновь дар речи обрел. Нашел в себе силы спросить:

– Зачем ты сделал это, злодей! Что тебе сделал тот тихий, спокойный человек?

⁴⁰ Йа-син – 36 сура Корана, священной книги мусульман.

Кажется еще до того, как он спросил, тот, у которого большая семья, инвалид-брат и больная мать, сказал:

– Не спрашивай ничего, Амироглу, не спрашивай ничего. Не губи. «Что было, то прошло», говорят.

Хотел сказать, что «можно ли о крови сказать, что, то, что было, то прошло?!». Но промолчал

Мулла читал...

Грудь старика вздымалась, как кузнечные мехи. На губах появилась небольшая пена. Старуха-соседка вытирала платком пену с его губ. Грудь старика вздымалась, как кузнечные мехи. Словно сейчас раздуется так, что трещинами пойдет. Вдруг он захотел сесть. Младшая дочь старика, которая была замужем по другую сторону деревни и прибежавшая в мгновение ока, услышав новость, хотела его приподнять. Мулла движением руки легонько оттолкнул девушку в сторону.

Старик поднялся. Девушка обрадовалась. Старуха-соседка сказала, «принеси платок». Когда старик приподнялся, грудь его, в последний раз поднявшись, остановилась. Упал на кровать. Кто-то закрыл ему глаза. В последний миг перед глазами предстал тот, у которого большая семья, инвалид-брат и больная мать. Хотел сказать «Сын его приходил». Губы и язык окаменели. Кто-то завязал старику подбородок платком, который принесла его дочь.

Мулла читал...

Издали доносился звук Корана. Сирота был дома. Не мог заснуть. И не знал одно, какая новость ждет его завтра в деревне!

Заснул под утро. Утренний сон сладок. И мозг его к тому же устал. Спал как убитый. Его внешний вид никак не вязался с его сном. Спал в одежде, в обуви, потому что ночью не мог заснуть, оделся, спустился во двор, вернулся и снова лег, опять не смог заснуть, одевшись, снова спустился во двор. В конце концов, лег прямо в одежде в постель и заснул как убитый.

Ложась спать, ночью он не запирает дверь. Запирал лишь ворота и все.

С утра пораньше, еще до рассвета, двоюродные братья и сестры, родня, самый близкий сосед – в детстве его называли Джыгты, старый Махмуд, его жена заходили-выходили, хлопотали во дворе; а он спал.

Жена двоюродного брата и жена Махмуда пришли раньше всех. Жена двоюродного брата «чтобы мне умереть, он прямо в обуви заснул» – сказала. Осторожно сняла с него туфли.

Он бы меньше удивился, если проснувшись, застал бы себя в обуви, чем удивился, когда видел такое скопище народу у себя во дворе. Но не подал виду. Но, откровенно говоря, любопытство одолевало. «Почему они все пришли, что случилось?!». Но ничего не спросил. Умылся. «Добро пожаловать» сказал. Сказал жене двоюродного брата:

– Приготовь чай.

– Чай готов, – быстро ответила двоюродная сестра. Они поели. Словно эти люди были на поминках. Говорили тихим голосом, были грустными, задумчивыми. И он, глядя на них, переживал те же чувства. К тому же не спал ночь, выглядел усталым. Он хотел вновь вспомнить с ясной головой встречу со стариком, беседу с ним. Из-за родни, соседей не мог сосредоточиться.

А в деревне уже написали дастан той ночи.

Вначале начали женщины, которые пришли к роднику за водой: «Вчера под вечер видели как он заходил в ворота Амироглу». А внук слепого Солтана говорит, что было темно. Я, вызвав ветеринара, чтобы он дал курам лекарство, возвращался и увидел, что муаллим⁴¹ вышел из дома Амироглу, положив левую руку на левую сторону груди. Дав

⁴¹ Муаллим – учитель. Здесь, уважительное обращение ко взрослым, уважаемым людям, имеющим отношение к науке, либо занимающим какую-то должность.

курам лекарства, пошли к бабушке, чтобы и ее курам дать лекарство. Только закончили, сели пить, проводили ветеринара, как услышали, что жена Амироглу подняла крик».

Это были факты. И чтобы убедить слушателей, рассказчики клялись самым дорогим. Не забывали и про Аллаха, Коран и двенадцать имамов⁴². Это были факты. А еще больший факт был тот, что сказала жена Махмуд киши⁴³: «Как только услышали эту новость, муж стал меня торопить, что, мол, давай пойдем к соседу. Клянусь Пропавшего брата, пришли и увидели, что он ни пиджака не снял, ни обуви. Спит как убитый. Двоюродная сестра его сняла с него туфли. Укрыла его. Он еще пару часов после этого спал. Проснулся к полудню».

К полудню новость облетела всю деревню. Все – женщины-мужчины, старые, молодые, дети, больные и здоровые – все говорили о нем. Говорили, что видели его пришедшим туда под вечер и ушедшим ночью, держась за сердце. Пришел и уснул прямо в одежде. Это еще что. Перешли и к анализу. Говорили, что он, поэтому приехал в деревню. Строительство дома просто повод. Пришел, разобраться во всем. «Лучше поздно, чем никогда». Отомстил за отца.

Кто-то говорил, что «власти не будут смотреть на его авторитет, выслугу. Обязательно посадят». Кто-то говорил: «Какая власть, до сих пор работал на хороших должностях, золота набрал видимо-невидимо. Заплатит и заткнет «ментам» рот».

Кстати, а где была собака. Как он зашел, убил старика, а пес его не тронул? Собака жива-здоровая и на цепи во дворе. Эту тайну потом раскроет сын Умуд киши. Пока он пасет овец на той стороне Куры. И люди пока об этом ничего не говорят.

Но люди знают или не знают, все равно говорят обо всем. Даже соседские дети, услышав новость, бросили игры и о чем-то шептались.

Новостей деревне хватало. После полудня выяснилось, что хоронить старика сегодня не будут. В чем причина, почему не хоронят, ведь у этого покойного нет ни детей, ни братьев нигде. Все спрашивали друг у друга. Никто не знал ответа. Даже жена покойного сказала: «Я не знаю. Спросите у муллы». А мулла ответил: «спросите у родни». Истинная причина была вот в чем. Когда новость стала распространяться, она дошла и до райцентра. Даже прокурор обратил внимание на это дело. Посоветовал «Туда нельзя отправлять людей», – сказал, «не обратив внимания на то, кто прав, а кто виноват можно настроить всех друг против друга. Может и кровь пролиться. Создастся неразрешимая ситуация, поэтому этот вопрос надо решить точно, и не попадая ни на кому на глаза».

А начальник, вызвав к себе, бывшего портного, ныне пенсионера, который всю жизнь был тайным агентом, но при этом его и в открытую называли агентом, Кое-кого, дал ему задание: «будь среди обмывальщиков, осмотри внимательно, отчитаешься».

Мечети в этой деревне не было. Здесь есть правило; покойников обмывают в собственном же дворе, устроив место, где обмывают и обертывают в саван. Мужчин обмывают мужчины, женщин обмывают женщины.

Этот Кое-кто, стал одним из обмывальщиков. В своем отчете четко и категорично заявил: «На трупе следов насилия не обнаружено».

С женой старика поговорил человек, который был прислан, когда еще покойник был не похоронен. И она, рассказав ему всю историю, сказала, что Старик умер своей смертью. Муаллим не ушел недовольным. Даже уходя, про саз спросил Старика.

Но это не смогло успокоить ведущих следствие. Что же делать?! Кое-кто посоветовал, мол, «поговорите с муллой». До похорон и с муллой поговорили. Труп должен быть осмотрен. Но как? Нельзя, чтобы люди об этом знали. Мулла сказал, что для него это шанс. Я не могу объяснить этим людям, что покойники должны обмываться в одном месте – в мечети, а не во дворе у каждого. Пусть будет закон, что покойники должны обмываться и обертываться в саван в районной мечети.

⁴² Имамы – продолжатели дела пророка Мухаммеда (с.а.с), апостолы.

⁴³ Киши – мужчина. Обращение рядом с именем к мужчине в возрасте.

Так и случилось. Врач следственной экспертизы осмотрел труп в мечети. Констатировал, что нет состава преступления. Покойник умер своей смертью.

На следующий день, когда солнце начало клониться к закату, Старика предали земле.

Несмотря на то, что он был похоронен на день позже, на поминки пришло много народу. Один из них был сын Умуда, пасший овец на той стороне Куры.

С его приходом начали развязываться узлы закрытой уже темы.

Сын Умуд киши стал, как и все его односельчане, клясться и божиться, что пес Амироглу никогда не стал бы лаять на муаллима.

– Пес Амироглу щенок собаки отца муаллима. Особенный пес был у его отца. Когда был убит отец Сироты, пес почуяв в воздухе запах, оборвал цепь, по запаху пришел в то место, где был убит Нусрет. Отец говорил, что пес, обнюхав место, где была пролита кровь, помешался. Лая и воя, бегал по степям и полям. В конце залез в хижину Амироглу и не вышел оттуда. Амироглу арестовали. Пес остался там. Дети Амироглу стали присматривать за псом. Отец говорил, что хороший был пес. Когда нам понадобился щенок, отец спросил у пацана Амироглу, чья сука во время течки была с этим псом. И он взял в тот год щенка именно той суки. Отец говорил, что пес обнюхал кровь и этот запах теперь у него в голове. Многие поколения псов, порожденных этим псом, будут узнавать этот запах. Я не верил. Но жена Амироглу сказала, «так и остались мы смотреть на пса, не облаял пес муаллима».

Сын Умуд киши понизив голос, сказал, что отец покойный говорил, «пес побежал и залез в хижину Амироглу. Могу на Коране поклясться, на могиле отца поклянусь. Нусрета убил не Амироглу. Эти в погонах не знают и одной сотой того, что знает собака».

Сын Умуд киши, вздохнув, сказал и это: «Мужчины пришли и ушли из этого мира. Знали язык и собак, и лошадей, и трав, и еще не знаю чего».

Царствие небесное всем покойным... После слов сына Умуд киши, сельчане еще один дастан сочинили о собаке. Но ни рассказать, ни выслушать его у нас нет времени.

А наш герой не мог терпеть таких разговоров. Хотел уехать. «У каждого региона есть своя психология и чтобы там жить нельзя на долгое время отлучаться оттуда» – думал он. «Куда бы ни поехал, через пять, максимум десять лет, надо возвращаться. Иначе потом привыкнуть бывает сложно» – говорил он сам себе. «Общество, народ – великая сила. У них свои законы. «Будь среди народа, умри среди народа», говорили мудрецы. Тот, кто родился в народе, должен жить среди народа до самой смерти своей. Иначе будешь выглядеть, как заплата».

Хотел уехать. В этот период, наконец-таки, отдала Богу душу тетя Йетар. Подумал, что пусть пройдут семь⁴⁴ дней, потом уеду.

В это время в деревню приехали жена, сыновья, невестки, внуки. Причина была не в смерти тети Йетар. Они и не знали о существовании такого человека. Будучи в Баку, они узнали обо всем, что происходило здесь. Не только Они, вся родня сельчан, жившие в Баку знали обо всем, словно им была разослана магнитофонная запись. «Новость быстро долетает до самых дальних и потаенных уголков» – говорят.

Вся семья приехала. Узнав правду, успокоились. Заинтересовались именем, обещанным отцом. Жена обрадовалась, «Хорошо, что ничего не начал, перестань упрямиться. Нам тоже тяжело. Беспokoимся о тебе» – сказала. Но назад пути не было. Будет там жить или нет, но дом строить должен. Искал пути. Мастер, с которым он договорился о строительстве, приходил на поминки тети. Спросил:

– Муаллим, слышал я, что вы передумали и решили уехать?

Промолчал. Глядя на мастера, подумал: «Тебе то что, одного клиента упустил. А мне через что проходить приходится». Глядя на мастера, вдруг решил:

– Здесь есть инженер-строитель? – спросил

⁴⁴ Мусульмане поминают умерших на третий, седьмой, сороковой дни и справляют годовщину. Также покойный поминается каждый четверг до сороковин.

– Почему нет? – мастеру стало смешно. – Мы и инженеры, и мастера, что надо?

Задумчиво сказал:

– Во сколько обойдется мне дом, построенный из новых камней и из камней дома моего отца? И за какой срок? Например, мне надо за год.

Мастер сказал:

– Муаллим, это не сложно. Мастер по дереву, маляр и я, сядем, поговорим так, как вы хотите. Назовем сумму, а через год приходите и получайте готовый дом. Все честным путем, без единой украденной копейки.

– О чем вы говорите?! Все нормально. Погорим. Иногда буду приезжать, мелочи, вопросы будут, будем решать.

Так и порешили. Потом сам сказал:

– На поминках вопрос о хорошем не решают.

Мастер улыбнулся:

– Во-первых, мы обсуждали этот вопрос, когда вы приехали в деревню. Мы пока основание не закладываем. Во-вторых, эти поминки все равно, что праздник (прости Господи). Бедная женщина столько лет никак помереть не могла. Наконец-то, отмучилась.

На поминках он почувствовал то, что не мог почувствовать раньше – уважение, почитание и любовь односельчан. Не только на поминках, но даже после известия о смерти Старика, народ смотрел на него как на героя.

И каждый раз он словно умирал и заново воскресал. Дело было не в том, что люди не любили Амироглу. Желали ему смерти. Нет. Здесь все было связано только с психологией. Здесь присутствовали нюансы психологии общества, народа. Потому-то он и мучился, хотел уехать отсюда.

А пока он на поминках. У стоял у калитки. Встречал и провожал проходящих и уходящих. В это время пришел и Гасан киши, разменявший девятый десяток.

Он, взяв старика под руку, провел его в дом. Гасан киши посмотрев на него со слезами на глазах, спросил:

– Ты сын Нусрета?

И он подтвердил эти слова, сам будучи Нусретом.

– Присядь, поговорим, – сказал Гасан киши.

А он:

– Ваши беседы всегда запоминаются, – сказал.

По тому, как увлажнившимися глазами Гасан киши посмотрел не него с головы до ног, он понял, что старичок начнет рассказывать о его «удальстве». Быстро перевел русло в беседы совершенное в неожиданное русло:

– Дядя Гасан, – сказал, – В то время ты рассказывал о семи армянах. В студенческие годы рассказывал, ребята смеялись. Истинное лицо армян раскрывает эта история о семи армянах.

– А то! Есть у дяди твоего еще нерассказанные истории. В то время летом на йайлаги⁴⁵ мы ехали на Делидаг, Чайговушан. Там от мужчин слышал. Еще одно мог бы тебе рассказать, да не могу. Ты у нас учитель, неудобно немного, непристойная слишком история.

Гасан киши вздохнул грустно и улыбаясь одновременно:

– Хотел бы я узнать, муаллим, как закончится эта история с армянами? Сколько наших земель они захватили. Зачем мы их не перебили?

– Знаете, наш народ очень милосердный. Совести у Азербайджанцев больше, чем следовало бы. Мы не любители кровь проливать. Правда, крови не боимся. А армянин

⁴⁵ Йайлаг - дача; дачное место; горное плато.

крови боится. Вспомните, в наших краях, если вдруг ребенок порежется, или голову себе разобьет, говорят: «что случилось, армянин кровь увидел!». Слова просто так не появляются. Опираются на истину. Армяне – трусливый народ. А земли заполучили не кровью и боем, а хитростью и ложью. Зангезур, Гёйча, большая часть Карабаха, аппетит даже на Нахичевань разыгрался. Для того, чтобы земли завоевать, надо кровь проливать. Это тяжелый и плохой путь. Но что поделаться, в крайнем случае?! Армянин знает: не надо испытывать терпение мусульманина. Чаша терпения переполнится и все. Ни на что смотреть не будет. Есть и другая поговорка: «Последующие поступки мусульманина». Армянин боится этого как огня.

Нусрет муаллим вздохнул так же, как и Гасан киши. Но с уверенностью сказал:

– Армянский вопрос – большая историческая проблема для нас. И испытание, ниспосланное Аллахом, что дал нам таких соседей. У тысячи бед, тысяча одно спасение. И для решения армянского вопроса есть тысяча и одно решение. Рано или поздно, мы турки, выберем один из этих путей.

Гасан киши поддержал его слова:

– Когда я был маленький, отец рассказывал, что муллы говорили: «В одной из Великих книг написано, что у азербайджанцев есть нехорошие соседи. Они такой хитрый, подлый, нечестный народ, что у них нет будущего. Собственная злоба и погубит их». Отец говорил, что это армяне.

Для того, чтобы встречать проходящих, он хотел отойти от Гасана киши. Гасан киши, поднявшись, растроганно сказал:

– Сынок, позволь поцеловать тебя в лоб.

Он хотел спросить почему. Увидел, что Гасан киши расчувствовался. На лице явственно читалось, что он готов заплакать и еле себя сдерживает, потому и не стал что-либо спрашивать. Наклонил голову. Невысокий Гасан киши, поднявшись на носки, поцеловал его в лоб. Не надо было ему говорить тех последних слов. Их он сказал, глядя в глаза человеку, которому перевалило за шестьдесят, и которого он называл «сынок»:

– Все, что ты сделал, сделал правильно? Кровь – эта такая вещь, которую нельзя оставлять неотомщенной. Вот, говорили с тобой недавно об армянах. Когда армяне захватили Карабах, напали на приграничные области, мой внук добровольцем ушел на фронт. Грудью встал на защиту. Пал смертью храбрых. Как можно оставить эту кровь неотомщенной? В могиле же за это покоя не найдем. Так или не так?

– Правда, – согласился и кивком головы подтвердил. Хотел о другом спросить. Спросить: «Дядя Гасан, Амироглу после возвращения из тюрьмы с кем не стал разговаривать, с кем враждовать стал? Может, знаешь?». «У кого в нашей деревне большая семья, брат-инвалид и больная мать? Жив ли, мертв ли этот человек?!».

Ноне спросил. Потому, что Гасан киши ушел в такие дебри, что уже нельзя было говорить о собственной проблеме, о кровной мести. Потому, промолчал. Гасан киши сказал:

– Кровь – сложная вещь, пролитая кровь не должна оставаться без возмездия. Кровь, оставшаяся неотомщенной, вызывает о мести. Если кровь не прольешь, надо заставить искупить ее.

Он хотел сказать, что «Ай, дядя Гасан, е убивал я этого человека. Не смог бы я этого сделать». Почему-то не сказал, не смог сказать.

– На самом деле, человек не должен убивать человека, – сказал, а потом добавил:

– Человек человеку друг, брат, все нужны друг другу на этой земле.

– Верно, сынок, верно, – сказал так Гасан киши.

Поток проходящих не иссякал. Двоюродная сестра, бегающая туда-сюда, сказала между словом. «Они из-за тебя приходят. То, как ты выстоял перед ударом судьбы – великая вещь».

До вечера мало оставалось. Вот-вот должны были отнести покойника на кладбище. Покойник был в своем мире...

– Помер пацан-то?

– ...

– Жив еще?

– ...

– Послышалось что-то мне. Что-то слышу. Что это?

– Коран. Дай мне мой келагайы.

Келагайы развевался на катафалке по ту сторону ворот... Сколько поминок видел этот келагайы. Кончики впитали много соленых слез, пролитых хозяйкой. Черного цвета, а поверх белые горошки. Был еще один келагайы. Белый, а на нем черные горошки. Сколько поминок видел черный келагайы, столько же свадеб видел белый. Хозяйка видела и то, и другое. Белый келагайы не знал, что за черные горошки на нем, а черный не знал, что за белые. А хозяйка, зная или не зная, одевала в праздничные дни белый келагайы и идя на праздник какого счастливца, знала, что среди белых дней и черные попадают.

В черные дни, одевая черный келагайы, разматывая клубок дорог, знала, что и черных дней есть белые дни. Но на этом пути ничего Старуха не знала. Потому, что это последний путь. Идущие по этому пути ничего не знают... (Мы тоже жили и умерли, но так об этом мире ничего и не узнали...).

До нее голос Корана доносился.

И Сирота, который держал катафалк спереди, и те, которые с уверенностью держал катафалк с другой стороны, только потому, что он держит – знали, что катафалк легкий, как перышко. Но не знали, что гроб пуст...

Старуха, отбросив в гробу саван, превратившись в птицу, прилетела и села на письменный стол того, кто пишет эти строки.

Тем же глухим, скрипучим голосом, который Сирота слышал в подвале, спросила:

– Зачем тебе надо ворошить старое?!

Устала. Бросила ручку на бумагу. Кончиками пальцев потеряла глаза. Столько терла, что чуть глаза себе не выколола. Только одно спросила:

– Ты разве не умерла? Ведь Старуху похоронили?

– Старуху похоронили. Это их дело. А у меня еще много дел здесь.

– Оййй, будь ты проклята!

– Открою тебе одну тайну. Но если напишешь это, пальцами своими глаза тебе выколю.

Невольно посмотрела на длинные ногти, высохшие пальцы. Эти пальцы видела в подвале, на белом одеяле.

Пальцы потянулись к ней. Но на полдороге сомкнулись в кулак. Будто каменный, кулак стукнул по столу:

– У деревни был хозяин. Абдулкерим! С ним видел меня отец Сироты. Но не узнал. Вот он тот узел!!! Если проговоришься, обещанного дождешься!!!

Глаза, писавшей эти строки, говорят, были красивыми с детства. На столе было зеркало. Посмотрела в зеркало... Посмотрела в зеркале на глаза... Сохранится разве красота до сих пор! Несколько лет назад товарищ по перу сказал: «Ой, блеск твоих глаз до сих пор сохранился. Посмотри, как сверкают».

«Чтобы тебе ослепнуть». Последнее, о чем подумала, написала на бумаге:

«Я должна написать это. Если даже убьете меня, все равно расскажу. Если не напишу, умру. Слово сама себя убила. Покончить собой – это суицид. А суицид Господь не прощает. А мертвые не здороваются с покончившими с собой. А земля вынуждена принять таких. Так как из земли человек произошел. Что же делать земле, как не принять обратно. «Фальшивый товар хозяин достанется».

Хотите убить, убейте меня. Грех мой на вас падет. Грешник греха не боится. «Намокшему ливень не страшен».

Сомкнутый кулак покоился на столе.

Она продолжала писать:

«Если посмотреть, не страшно когда один обездолен Аллахом, всего один. Сирота, род о нем позаботится. Свадьбу справит один родственник (ради выгоды своей). Поминки - справит другой (ради славы своей).

Если род обездолен Аллахом, тоже не беда. Ведь один род среди народа – всего ничего! Его горе близко. «Будь среди народа, умри среди народа» сказали мудрецы! Среди народа умереть легко. Сиротство – легче легкого.

Страшно то, чтобы целый народ не был обездолен Аллахом.

Господи, Господи, путь такое никогда не случится. Если случится, весь мир этому народу помочь не сможет. Так избавление народа от страданий в руках Бога этого народа.

Сомкнутый кулак был на столе...

«Сироту свое горе сломить, согнуть не смогло, но страдание народа ломало его постепенно...»

Сомкнутый кулак был на столе.

В это время четырнадцатидневная луна появилась на чистейшем, без единого недостатка и изъяна, красивом небосклоне... Невольно посмотрела на стол... Кулак исчез...

МНОГОТОЧИЕ

*... В эту ночь не сплю лишь я, да Бог,
Нет никого ниже меня, и выше нет Его...*

ШАХРИЯР

*Посвящаю памяти всех предков, мудрейших,
потомков, которые были, есть и будут.*

- ГОРЮ, ох, Боже! Ой, горю!

Этот крик будто за горло его держал. Душил его. Он поднес руку к горлу. Хотел сорвать, разорвать этот крик, словно обмотавшийся вокруг горла и изматывающий его. И избавиться, наконец-таки, от него. Поднес руку к горлу, поднес еще раз... увидел, что в руках собственная кожа, сорванная с горла. Отложил кожу в сторону. Он задыхался. А руки делали свое дело. А сейчас он разрывал себе грудь. Вдруг он выпучил глаза. Этот крик шел изнутри, из него... Дымясь и не прекращаясь. «Горю, Господи, горю! Горю, горю!». Наклонив голову, заглянул внутрь себя. Увидел свое сердце. Точнее, вместо сердца на его месте горел костер величиной с кулак. Горел с треском. Сердце горело, но руки и ноги были холодны, как лед. Он замерзал. Захотел обогреть ноги и руки. Зашел через открытое горло, спустился себе в грудь. Сел у костра, горевшего в груди. Поднес руки к огню. Ноги тоже стали постепенно согреваться. Вот только плечи и спина леденели. Хотел повернуться к огню спиной и согреть ее тоже. Но почему-то не смог повернуться. Пламя костра, и тепло, исходящее от него, разморили его. С каким удовольствием он бы поспал! Вот только в горле першило...

Открыл глаза. Костер с треском горел. Он раскрыл глаза еще шире. В пяти шагах был еще один костер. Справа поблескивал еще один. Слева, на приличном расстоянии разгорался еще один. А хозяева костров сидели у огня. При свете костров он явственно различал их лица. Небо было очень черным. И все вокруг было окутано мраком. Только было светло там, где горели костры. Кто-то сказал: - «Наступает заря, надо погасить костры». А что случилось потом? Он до сих пор не говорил об этом никому. Если бы сказал, может и снял бы груз с души. А теперь он тащил за собой это тяжелое бремя. И каждый день шел по этому пути...

Он дал десять манат женщине, подметавшей двор. Женщина быстро засунула деньги в карман халата. Она растрогалась, тихо прошептала: «Бог тебе в помощь». Тогда еще никто не знал, что скоро этот «червонец» просто утратит себя...

Он в ужасе проснулся. Сел на кровати, спустив ноги. Холодный воздух, коснувшись его босых ног, успокоил его немного. Но сердце стало сжиматься еще больше. Подумал, что надо обязательно немного позаниматься. Иначе задохнется. Господи, что это было?

Встав с постели, сел за письменный стол. Обмотался шерстяной шалью жены. В комнате было холодно. Прикоснулся рукой к обогревателю. «Ледяной, опять не топят. Эх, к черту, лишь бы поработать немного смог». Взял ручку.

«Задыхаюсь, брат, задыхаюсь. Если бы за один раз задохнуться! Я несколько раз день задыхаюсь. Либо я должен написать все и освободиться, либо задохнуться и умереть. Словно испытать облегчение, рассказав кошмарный сон. Должен я избавиться от этого кровавого сна».

Все начинается с того голоса. Кажется, это сотрудник полиции. Включив сирену, разъезжает по улицам. Приставив громкоговоритель к губам, кричит: «Люди, вставайте! Перебили народ! Да буду я вашей жертвой, не бойтесь! У кого есть возможность, выходите на улицу, чтобы помочь раненым. Не бойтесь, успокойтесь. Выйдите на улицу, помогите раненым... Люди, вставайте!». Голос то усиливался, то отдалялся. Машина мчится, несется по темным улицам».

Мужчина, как ни старался, ничего другого, кроме написанного выдавить из себя не смог. Мысли в голове были в разброску, не мог он сосредоточиться. Левой рукой потер поясницу. Почувствовал, что замерз. Опять начнутся боли. Вложил бумаги в папку. Повесил шаль на спинку стула. И лег в постель. Жена, лежащая на соседней кровати, повернувшись с одного бока на другой, проворчала: «Ты так скрипишь стулом!». Промолчал. Подумал только о том, что если бы дали квартиру, был бы у него свой рабочий кабинет.

... Жена окончила журналистику вместе с ним. Не писала. Просто так училась, ради популярности, славы. Хотела стать телевизионным диктором. В прошлом году не смогла пройти по конкурсу. Сказали, что по-русски говорит с акцентом. Но он все равно не позволил бы ей стать диктором. Но об этом он никогда жене не говорил. Жили в чужой однокомнатной квартире. Жена, когда злилась, говорила, что за границей окончившим факультет журналистики ключи от однокомнатной квартиры дают. Говорят, иди, живи и работай. А наши? Наши умерли, где наши?! Жена говорила, что тот, у кого нет квартиры, никогда нормально жить не сможет. Нет ничего хуже на этом свете, чем быть без жилья. Но муж знал, что есть вещи, которые намного страшнее, чем отсутствие жилья. И потому, зная это, не мог спать спокойно в теплой постели.

Жена положила голову ему на грудь. Что-то говорила. Шепотом говорила. Иногда запрокинув голову назад, смотрела на него и улыбалась. Когда она улыбалась, глаза словно затуманивались. А муж улыбаясь, сказав «гмм», движением ресниц подтверждал Ее слова. Жена, полусонным движением перебросив руку через него, замолчала. Дышала сладко-сладко. Муж начал потеть. Хотел, повернувшись набок и устроившись поудобнее, заснуть. «Заснуть не получится!» – подумал. Аккуратно переложил руку жены. Встал и оделся. Ополоснул лицо холодной водой. Пришел, сел за стол. привел в порядок бумаги. Немного написал:

«Ребенок принес колбасу. Мама, нарежь. Не хочу хлеб с сыром. Женщина взяла колбасу и высоко подняла: «Нет, если будешь кушать это, то сладкий чай не допьешь. Иди, чай допей. И от этого отрежу кусок и дам. Иначе нельзя». Ребенок нехотя сел за стол. Отец ребенка отвел взгляд от телевизора и взглянул на колбасу. И вдруг, резко вскочив на ноги, в мгновение ока выхватил колбасу из рук.

– Нет, нельзя. Не ешьте ее. Где кошка? Кис-кис.

Открыв дверь балкона, бросил колбасу дремлющей кошке. Кошка быстро подбежала к колбасе. Сначала открыла рот. Потом обнюхала этот маленький кусок колбасы с обоих концов и отошла. Блестящими глазами взглянула на хозяев.

Глаза отца вылезли из орбит.

– Видишь, даже кошка знает. Не ест. Выкиньте ее, выкиньте ее, – наклонившись, подобрал колбасу и выкинул с пятого этажа вниз. Потом схватившись обеими руками за голову, положил локти на металлические перила.

Молодая женщина была в шоке.

– Что ты делаешь? – посмотрела с балкона вниз.

Муж все еще держался за голову:

– Откуда ты знаешь, из чего она изготовлена? – сказал

– Ну и черт с ней, что теперь делать?

– Может из человеческого мяса изготовлена? Будете кушать, вы дикари?

Женщина нерешительно промямлила.

– О чем ты говоришь?

– Правду говорю. Видел! Все видел. Увидел, что всех раненых, мертвых, собрав, погрузили в машину. Долго бежал за ними. Всю ночь бежал. Увидел, что машина подъехала кое-куда. Здесь изготавливали колбасу. Сняли со всех одежду и бросили всех в мясорубку.

Жена поежилась. Застонала. Только одно смогла сказать:

– Прекрати, ради Аллаха.

Но он уже бушевал:

– Убежал оттуда. Улицы были забиты раздробленными костями, мясом. Шлангами мыли улицы. По асфальту текла сгустившаяся черная кровь.

Женщина дрожала всем телом. Хотела подойти к мужу, успокоить. Но боялась. Что-то должна была сказать. «Твои глаза покраснели», – сказала.

– Конечно, покраснеют. Кровь я видел.

И правда, глаза были красные. А лицо было бледное, без кровинки.

Женщина задрожала. Еле высказала то, что пришло в голову:

– Успокойся, Бога ради, с ума сойдешь ты так.

После этих слов он словно немного успокоился. подумал, что человек может многое увидеть. Не стоит все раздувать. С ним-то ничего не будет, но жена перепугается. По возможности спокойно сказал:

– Иди в комнату, я тоже иду.

Жена покачала головой. Мол, нет, «Нет, ты проходи». Он прошел в комнату. Снова пришел и сел на прежнее место, стал смотреть телевизор. Жена тоже вернулась. Мальчик, воспользовавшись тем, что родители заняты, вылил чай под умывальник. Показал стакан матери:

– Мама, а сейчас дашь колбасу?

Женщина не ответила. Увидела, что белая раковина пожелтела от чая. Повернулась к ребенку:

– Чтоб тебе пусто было. Зачем чай вылил? Не видишь, что сахар трудно достать? Совсем большой, неужели ты ничего не понимаешь? Голодными останемся, знаешь? – схватила мальчика за ухо. Мальчик заорал:

– Мама!

Отец как ястреб ринулся на ребенка:

– Что ты сказал? Повтори. Что ты сказал? – Женщина встала между ними:

– В чем дело? Что случилось, почему кричишь? Ничего не сказал

– Ничего не сказал? Ты, что, глухая? Не «мама» сказал? Те, кто говорят «мама» сели на танки, БТР, приехали и разрушили наши жизни. Не пожалели ни матерей, ни детей⁴⁶. Не стесняешься ты этого? Забудете все? Научи ребенка. Научи, пусть на своем родном языке разговаривает этот несчастный. Пусть «Ана⁴⁷» говорит, коротко и ясно».

Оттолкнул бумаги. Сцепив пальцы за головой, потянулся. В голове была тупая боль. Тихонько встал и подогрел чай. Выпил темного чаю. «Эх, я же еще для работы должен был написать? Ничего, встану пораньше, набросаю что-нибудь». Но спать не пошел...

... Висел на том свете. Как не пытался, не мог достать ногами этот мир. На семь этажей вытягивался, вытягивался, вот-вот коснулся бы земли. Еле опустив глаза, взглянул. И увидел, что ошибся. Он не висит на том свете. Наоборот, еще чуть-чуть и он коснется ногами того света. Неизвестно, чем был тот свет, адом или раем. Долго тянулся. Если бы он коснулся ногами земли, то не задохнулся бы. Вдруг нога коснулась чего-то. Ногами крепко уперся туда. Туга натянутые мышцы ослабли. Тело заныло. Перевел дыхание. «Надо ж, это ведь наше здание» – подумал. Висит на верхнем этаже здания. А ногами уперся в окно первого этажа. «А меня, что, никто не видит? Хотя бы помогли? Где люди с соседнего здания, ушли, что ли?». Осторожно оглянулся. Никакого здания. Вокруг белоснежная пустота, взгляд утопал в пустоте. «Боже, что это я вижу?». Пот градом стекал с него. Не единой живой души. Собрал все силы, взглянул на землю. Где земля? Это же небеса. Голубая пустота, белоснежные, пушистые облака. Открыл и закрыл глаза, снова оглянулся. «Да, нет, самая настоящая земля.. Подожди-ка, так ведь все соседи здесь. Все лежали. Вкривь и вкось, прямо, на спине, на боку, на животе. Тело трепетало. Проверил раму окна под ногами. Ноги затекли. Но кое-как почувствовал, что стоит на крепком месте. Хотел закричать и позвать кого-нибудь на помощь. От тех, кто на земле,

⁴⁶ Намек на 20 января 1990 года – «Черный январь» - массовое убийство, расстрел мирного населения Баку.

⁴⁷ «Ана» - «Мать» на азербайджанском языке.

помощи ждать не приходилось. А семиэтажное здание безмолвно, словно мертвое, окно темнели, как выколотые глаза. Соседи лежали в глубоком, словно бездонном, месте. «Очень интересно, они померли или спят в таких позах?» Подумал немного, и закричав, стал звать кого-нибудь. В тот же миг веревка на шее натянулась, и голос его прервался. Словно ослеп на мгновение. Потом почувствовал, что с щиколоток стекает вода. Пот, градом катящийся по лбу, лицу, сделал веревку еще более скользкой. Больше никуда не смотрел. И не посмотрел бы. Если бы голос не услышал. Собрал все свои силы, наострил уши. Раздавались детские голоса. Побоялся посмотреть вниз, взглянул наверх. В месте, которое он считал небом, играли дети пяти-шести лет. На больших железных бочонках что-то рисовали, потом смотрели на картинки и поднимали гвалт.

Он узнал эти бочонки. Одно время сосед, живший на первом этаже их дома, продавал в этих огромных железных бочонках «подсолнечное масло». Этим путем зарабатывали «золото». Было два двоюродных брата. Один из них, идя однажды с ним по одной дороге, с сожалением сказал:

– «Нет у этого народа благодарности. Продаем чистый товар. Опять недовольны. Говорят, что не доливаем. Сказать, ах ты, сукин сын, переливать, что ли? Каждый раз по пять капель на землю проливаться будет, где же тогда моя выгода? Отделаемся мы от этого масла. Не нужно нам это. измазались с ног до головы».

Так и случилось. Спустя некоторое время те, кто приезжал из самых дальних частей города, стали возвращаться с пустыми бидонами.

Двоюродные братья привезли во двор маленькую будку. Начали продавать там всякую мелочь. Через некоторое время, как-то вечером эта будка исчезла куда-то точно так же, как и появилась. На этом месте построили магазин. Двоюродные братья на только купленной новенькой машине привозили и отвозили товар. Через некоторое время и машину поменяли. Начали чистить подвал здания напротив. В магазине уже работали посторонние. Братцы превратили подвал в бар-ресторан. Сюда такие женщины, такие мужчины на дорогущих машинах приезжали, господи! Самих их было почти не видно. До рассвета уезжали на машине, приезжали далеко за полночь. В последнее время вообще их видели в машинах без номеров, со шторками. Потом уехали насовсем. Эти бочонки валялись в дальнем углу двора. Это были те самые бочонки».

... Положение его ухудшилось. Спина словно разламывалась. Но любопытство не отпускало. Что же эти чертенята рисуют там? Внимательно взглянул. Дети рисовали человечка. Да, вот и человечек. Вначале кривая окружность – голова, маленькие полукружия рядом – уши. Потом продолговатая окружность – тельце. Две линии в стороны – руки, две линии вниз – ноги. Кончики рук украсились пятью палочками – пальчики, – получился человечек. Как только закончили, подняли гвалт. Радовались. Пририсовали рядом второго. Настоящие детские рисунки. А может и ручная работа первобытного человека. Первобытный человек! Ну и название! Назвали бы лучше – человек прошлых веков.

... Глаза стали полностью все различать. Бочонки словно наступали на него. Катясь, гремели. Вот это был грохот! Непонятно откуда – из глубины земли или небесной вышины. Знал, что звук все ближе и ближе. Ой,... узнал, это звук Гавалдаша⁴⁸ с Гобустанских⁴⁹ скал. Бочонки – это Гобустанские скалы, выстроившиеся в ряд. А почему

⁴⁸ Гавалдаш – Камень-бубен или Камень-барабан - музыкальный инструмент, один из самых интересных древних памятников на территории Гобустана. Постукиванием обточенным камнем-голышом по установленной плашмя огромной плите известняка, из нее можно извлечь ритмически четкие музыкальные мотивы. Диапазон звуков исходящих от «Гавалдаш», очень широк и разнообразен – все зависит от уровня «ударника» – музыкального слуха, ритмичного таланта. В разное время года «Гавалдаш» звучит по-разному, это можно объяснить влажностью воздуха и самого камня – бубна.

⁴⁹ Гобустан - район на окраине города Баку, название которого было переведено как "Земля ущелья", окружен пещерами и скалами. Знаменит своими наскальными рисунками, самые ранние из которых датируются XII в. до н.э.

приближаются? Глаза пеленой затянуло. Почувствовал как изо рта вода потекла. А вдруг это кровь. «Господи, не оставляй меня на полпути».

Вспомнил жену. Когда они беседовали, сидя вдвоем, жена иногда говаривала: – «Лучше бы мы не поженились. Сохранили бы любовь. Живо было бы наше далекое, недоступное желание. Поженились, и что с того? Счастливыми-то не стали. Толку-то? Все и ничего... Вот это мы...»

Странно, что и он преподносил, как новую, мысль, которую повторял сто раз, тысячу раз:

– Если это не счастье, то, что же тогда? Здоровое сердце, замечательные дети, кусок хлеба всегда есть, есть во что одеться

А жена отвечала точно так же, как и всегда:

– «Замечательные дети». Посмотри, в каком они виде. Почему мой ребенок должен жить в семье моего брата? Ну и что с того, что за ним хорошо смотрят. Думаешь, не отделяют его от своего? Еще как отделяют. Выхода у нас другого нет. – При разговоре на тему жена никак успокоиться не может – Каждый ребенок где-то в чужом месте. Не занимаемся их воспитанием, никакой заботы не видят.

А он, чтобы выкрутиться, обвинял жену:

– Все твои выходки. Почему мой ребенок в семье твоего брата? Другого отправила к родителям своим, зачем? завтра же приведи всех домой. Пусть едят то же, что и я. Поняла?

Стоило ему так заговорить, как жена сразу умолкала:

– Ладно тебе, успокойся, – и закрывала тему.

Много разговоров возникало на эту тему, и самый спокойный из них протекал в таком русле. Однажды, после очередного разговора, он сказал жене: – «Если я умру, не купив дом, не устроив детей, не приходи ко мне на могилу и детей не приводи».

Кажется, после этого жена уде стала следить за своей речью. Иначе, каждый раз говорила: – «Ты не семейный человек, семья не для тебя. Ты не знаешь о своем долге перед детьми, передо мной. Одним словом, ты не человек. Тебя нельзя назвать главой, мужчиной этого дома, понимаешь ты это?». А он молчал. Он не только понимал это, он проживал это. Каждый день, каждый час, каждый миг.

У него было трое детей. Старший ребенок – дочка 10 лет, жила у его шурина. Когда она родилась, они жили в квартире, похожей на подвал. Во влажном месте ребенок заболел астмой. Поэтому жена оставила ее у своего брата. говорит у них сухо, жизнь нормальная. К тому же дочка ходит в музыкальную школу. На класс пианино. Как ни старается, не может пианино купить. У племянницы есть пианино, она и ее обучает. А обучение сына шурина на его шее. Он на последнем курсе технического университета. До сих пор все проблемы, начиная со вступительных экзаменов вплоть до остальных, решал он. И в этом году, наверное, оценка дипломной работы, госэкзаменов тоже на нем. Если бы это была его сфера – гуманитарная – было бы проще. А так, совсем другая область. Пока нашел знакомых, пока попросил помочь, все нервы себе истрепал. Да же это не могло уменьшить количество колких слов со стороны благоверной.

После девочки – мальчик. А за ним присматривали теща и теща. Только младший ребенок с ними жил. А он в детстве желтуху перенес. Из-за ребенка долго по больницам скитались. И в том, что двое других детей живут не с ними, был в какой-то мере и младший повинен. В общем.. Он создал семью, какую хотел. А жизнь наладить не мог.

А сейчас подумал, что изо рта идет кровь и подумал о жене. Человека, женщину, которую он мучил, и которая мучила его, но та которую он любил больше всех на свете. Вспомнил слова, которые сказал ей: «Если я умру, не купив дом, не устроив детей, не приходи ко мне на могилу и детей не приводи».

Он не хотел умирать, совсем не хотел. Каким-то образом умудрился руку ко рту поднести. Вытер жидкость, стекающую на подбородок. Подумал, как хорошо, что не связаны руки. Хотел на руки посмотреть. Широко раскрыл глаза, очень широко. Но рук не

увидел. Снова посмотрел вниз. незадолго до этого двор семиэтажного здания был отчетливо виден. Сейчас ничего не увидел. Словно земля исчезла в бездонной пустоте. И вдруг он увидел в этой бездонной пустоте, тапки, которые он носил дома. Там, где недавно лежали соседи, аккуратно лежали его тапки. «Это мои тапки, а где мои ноги?». Ноги затекли. Что-то больно вонзалось в подошву ног. Подвигал ногой. Стул заскрипел. Он уперся ногой в стул, стоящий в стороне. Сон сморил его. Он был в полусогнутом положении, а лбом уперся в край стола. Еле-еле поднял голову. Спустил ноги вниз. Чистые листы положил в папку, лежащую на столе. Старался не шуметь. Как бы осторожно он не двигался, женщина повернулась на другой бок. Странно она спала. Когда спала, выглядела такой милой. Оставалось только самое лучшее, красивое. Злоба, гнев куда-то исчезали. Мужу казалось, что злоба, гнев появились у нее после того, как они семью создали. Он принимал любой ее недостаток, кроме раздражительности. Без нее его женщина становилась желанной. Раздевшись, и он лег...

Он и не знал, сколько проспал. Проснулся от голосов. «Да буду я твоей жертвой, Господь мой! За что? Что за кошмар? Наказываешь меня потерей сына?».

Казалось, сейчас его голова разлетится на куски. словно распинали его. Хотел сосредоточиться, собраться, но голос покоя не давал. Себя, других – всех обругал, проклял:

– Что за нация, что за народ, слезы его не иссякают. Рот откроет, только на судьбу жалуется. Тронешь саз, стенания до небес, тронешь кеманчу⁵⁰ - кровавые слезы проливает, нэй⁵¹ – тихо и жалобно плачет. Все, кому не лень, страдают. Словно эта нация внутри себя только страдание и боль возвращает.

Утро еще не наступило, а уже воют. Будто мертвый меньше их знал? Не знал, умереть ему или жить?

– Кажется, ты совсем с ума сошел? Ты посмотри, Бога ради, что за чушь он несет. Вставай, вставай, одевайся, быстро.

– С утра привезли? (говорил об умершем юноше)

– Да, говорят, с четырех утра. Было около пяти, услышала голоса. Взглянув в дверной глазок, увидела, что дверь настежь распахнута. Бедная женщина плачет. Надела халат и вышла. Увидела, что трагедия произошла. Не стала тебя будить. Подумала, что работал всю ночь, может только лег? А сейчас вставай. Вставай, быстро. Нехорошо, все-таки соседи напротив. Будешь выходить из дома, увидят, скажут, дома был, а не зашел. Народу собралось видимо-невидимо.

– А какая польза от того, что собрались?

– Уфф...- жена встала. Поставила чай. Муж умывшись, сел за стол. К маслу, хлебу не притронулся. Выпил стакан чая. Одел пиджак. Посмотрел на обувной шкаф. Поискал что-нибудь приемлемое, чтобы одев, пройти к соседям. Не нашел. Взял туфли. Посмотрел в дверной глазок. Дверь соседей была открыта. Отец умершего юноши стоял в дверях. Бледный был, как смерть. Подал руку тем, кто здоровался, прощавшимся кивал головой в знак благодарности. Мужчина опустил заслонку глазка. Положил туфли. Пошел в комнату. Достал из нагрудного кармана пальто военный билет и вынул из него вложенную пачку денег. Их он получил вчера. написал радиоспектакль. Деньги получил по смете. Впервые он получал столько денег. Дома не знали. Подумал, что пойдет на базар и отоварится на полмесяца, месяц. Пусть радуются. Открыв дверь, вышел. Протянул соседу руку.

– Не спасли?

Сосед ответил:

– Нет

⁵⁰ Кеманча - смычковый инструмент

⁵¹ Нэй - музыкальный инструмент вроде флейты

– Дай Бог жизни, – независимо от себя сказал. У соседа задрожали ресницы, сморщилось лицо. Быстро отвернулся, мужчина уже не знал, что и делать. В квартире запричитали «Посмотри, кто пришел, удалец ты мой, – сказал. Такой-то с золотым пером. Напишет дастан⁵² о тебе, о крови твоей алой, на камни пролитой, о жизни твоей восемью ранами загубленной». Дрожь пробрала его. Был готов бежать, куда подальше от этого голоса, от соседа, рыдавшего, отвернувшись к стене. Но поел в сторону голоса. Обнял соседа, прижавшегося лицом к стене, за плечи. Сосед будто успокоился слегка. А его сердце будто из груди вылезало. Самое сложное – передать то, что в кармане. Как-нибудь должен передать. Не теряя времени, запустил руку в правый карман соседа. Сосед сказал:

– Что это, ничего не надо

– Не обращай внимания, мелочи это.

– Клянусь...

– Понадобится, оставьте, – словно камень с души упал.

Уже мог спокойно стоять. Снова спросил:

– Не смогли врачи спасти, значит?

– Врач тоже в шоке. У него еще ран было много. Не знают, что произошло с другими застреленными.

Другой сказал:

– Многие еще мертвых своих найти не могут. Не знают ранен ли, мертв ли, жив ли? Говорят, после того, как солдаты их перебили, ехали машины и подбирали трупы. Представь себе, что никто не обращал внимания ни на мертвых, ни на раненых, ни на упавших. Всех хватили за руки-ноги и бросали в кузов грузовиков. Друг на друга.

– Да, собрали, чтобы следы затерять. Скрыть следы перебитых.

– С моря ужасные вести поступают.

– Да, я тоже это слышал. Но только мне не верится.

Мужчина посмотрел на соседа. Ему показалось, что эти люди поступают неправильно. У этого несчастного сын погиб, он в ужасном состоянии, о чем они говорят? В это время и сосед присоединился к разговору.

– Бедный ребенок (он говорил о своем сыне). Откуда он это, не знаю. Все говорил без конца: – «Отец, на море кошмары творятся. С острова видели, что когда дует ветер, вода хочет выкинуть что-то на берег. Выловили, посмотрели, расчлененные трупы внутри. Не успокаивался». Однажды, придя к нему, сказал, что, машааллах, выздоравливаешь уже, давай быстрее. Не обратил внимания на мои слова. Сказал, отец, в море кровь видели. Удивились, что это такое. Поискав, увидели, что к большим мешкам привязали камни и бросили их в воду. Волны бьют, мешок рвется. Кровь стекает в море.

Так как все смотрели на него, мужчина сказал:

– Много еще скрытого есть, тайного есть.

Спросил у рядом стоящего время. Ни у кого не было часов. Рыдания не прекращались. Сосед:

– Рано еще, хоронить в четыре будем, вы занимайтесь своими делами.

– Не беспокойтесь, таких существенных дел у меня нет. Подумал, вдруг...

– Ребята все проблемы решат. Вы занимайтесь своими делами.

– Сами знаем, у вас государственная работа, – сказал другой

Жар обнял его. Ни слова сказать не давали. Сосед:

– Вы занятой человек. Спасибо, что пришли, – сказал

Другого выхода, кроме как согласиться, у него не было.

– Спасибо. Пойду, а к похоронам приеду, – сказал

До метро он думал о юноше. «Да, и это не выжил. Большинство раненых умрут. Пули ядовитые были. Скольких инфаркт ожидает. Если и не в этом году, то лет через пять

⁵² Дастан – в тюркской литературе эпический жанр, сродни эпосу, легенде, балладам и сказаниям.

проявится. Людей довели сукины дети. Сукины дети, дикари. Что эти проклятые наделали. Как разъяренный бык взять этот строй на рога и разбить на куски».

Вспомнил предыдущие слова: «Ты человек государства. Не ждем ничего». «Человек государства». Его затошнило. «Что за человек государства, с какой стати? Сердце мое под моими ногами, брат. По сердцу своему я хожу. Сейчас есть такие люди? Есть, где же они? А почему мы под ногами? Бог знает, чего сейчас от меня ждут. Говорят, журналист, госслужащий, пусть поможет. Может место на Шехидлер Хийабаны⁵³ хотят? Может, я должен был помочь?» Хотел вернуться назад и схватился за голову. Я же сегодня кадр должен был сдать. В передаче Наргиз у меня же свой кадр. Вот скандал будет. Если не пойду, передача пропадет, – скажет... Бог знает, что скажет. Остановился. Если захотят на Шехидлер Хийабаны, кто будет возражать? Он ведь шехид⁵⁴...

С Наргиз встретился на четвертом этаже прямо на ступеньках.

– Где ты попадаешь? Чуть не сошла с ума от ожидания. Дай записи.

Мужчина очень спокойно ответил:

– Сначала, добрый день. Во-вторых, дай хоть в кабинет пройти, что случилось?

– Посмотри на время. Дай сюда, отпечатать надо. Еще и Он посмотреть должен (Он - руководитель).

– Сейчас дам, не торопись. (Эх, если бы мог избавиться от нее, быстренько бы набросал).

– В два часа должны начать работать

– Поработаем. Сейчас час дня. С часу до двух – перерыв на обед. Ты пообедай...

– Господи! А ты будешь писать, да?

– Через пятнадцать минут будет готово.

Наргиз крепко зажмурила глаза. Значит, от беспокойства поднималось давление.

– В последний раз... – не договорила.

И он ничего не сказал. Взял с полки три листа чистой бумаги. Сел за стол около окна. Устроился поудобнее. Потер лоб.

– Я должен рассказывать о Гобустане.

Лицо Наргиз исказилось от гнева.

– Да, ты должен был рассказать о наскальных рисунках Гобустана, – сказал другой сотрудник.

Начал писать. «Наскальные рисунки в Гобустане – самые древние, самые ценные среди такого типа памятников. Во-первых, из-за древности: сообщает о восьмом тысячелетии до нашей эры. Во-вторых, эти рисунки охватывают длительный период вплоть до XIX века нашей эры. Значит, с VIII века до нашей эры до XIX века нашей эры в мертвой тишине камней замерли и сохранились бытие, жизнь, можно сказать, дух, живущих там людей. Может, и нельзя сказать замерло в «мертвой тишине». Так как безмолвие, немая память камней – самая правдивая, вечная.. 40 000 изображений на 750 скалах свидетельствуют о том, что наши предки жили здесь. И жили цивилизованно».

В таком духе он немного продолжил. Рассказал о «Гавалдаше» - обладателе волшебного звука. Вдруг, позабыв обо всех обидах, посмотрев на Наргиз, сказал:

– Ночью видел кошмарный сон. Вижу, самые маленькие дети с нашего двора рисуют на огромных железных бочонках такие же рисунки, что и в Гобустане. Можно написать фантастического типа рассказ. Железные бочки заменяют собой скалы. Выносливые, крутые скалы и полые железные бочонки. Через ту сторону перевалов тысячелетий кровная память как тонкая струйка воды, как полоска света, стекая, сохраняет связь поколений.

– Пиши, пиши, – как в чем ни бывало, сказала Наргиз

⁵³ Шехидлер Хийабаны – Аллея Павших (или Невинноубиенных), в Нагорном Парке. Там похоронены жертвы «Черного» 20 января и павшие на войне в Нагорном Карабахе.

⁵⁴ Шехид – невинноубиенный. В исламе, мученик за веру, павший за веру, погибший на войне с неверными. В данном случае, павший за Родину.

Он закончил статью именно этой мыслью: «До тех пор, пока наши дети, не идя еще в школу, не проходя уроки рисования, взяв в руки палку, уголь, мел, говоря, рисуя человечка, будут рисовать круглую голову, продолговатое тельце, две руки-палки, на кончиках пять пальчиков-палочек, две ноги-палки, до тех пор мы будем жить памятью Гобустана, сохраним духовный мир наших предков».

Пронумеровал страницы – 1, 2, 3. положил на стол. Откинулся. Юноша-студент, проходящий практику в их отделе, взяв записи, спросил:

– Отдать в печать? – Не получив ответа, ушел.

Все знали, что из-за того, что он принес записи во время обеда, ему влетит от машинистки. Ворча, за десять минут все напечатает, вернет бумаги. Все это знали точно. Поэтому каждый вздохнул свободно.

А мужчине словно полегчало. Гобустанские скалы, смерть юноши, получившего несколько пулевых ранений 20 Января, плач и стенания, а до этого ужас увиденного сна – все это смешалось у него в голове. Дверь открылась. Юноша-студент с бумагами зашел в комнату. Промямлил, смущаясь:

– Не стала писать. Не дадите, говорит, спокойно кусок хлеба покушать.

Наргиз, взяв бумаги, вышла. Юноша без сил опустился на стул. Мужчина, взглянув на него, вспомнил свои первые дни на радио. Писал мелкие сюжеты. Для передачи об искусстве. Чтобы передача не была очень длинной, временами вырезали куски готового материала. Тогда ему казалось, что руки-ноги отрезают. Потом привык. Все стало обыденным. В первый раз, когда он сам подготовил передачу, был в эфире на одну минуту и две секунды больше. Режиссер сказал, что ленту эфира отрезать не может. Чтобы вырезать лишние одну минуту и две секунды, надо записать программу на другую ленту. Сегодня идет в эфир. Поэтому не смогу этого сделать. Ты попроси отдел выпуска, пусть тебе помогут. Если у них есть объявления, пусть уберут, или же следующую передачу выпустят на две минуты позднее.

Редактор в отделе выпуска схватился за голову, что, мол, это невозможно. Как назло сегодня новости из Москвы. Если бы были наши новости, сократил бы одну новость и дал быть тебе три минуты эфира. Или был бы концерт, было бы еще лучше. Но Москва – это не по моей части. Пришел его главный редактор, попросил, что совсем он совсем молодой, это его первый эфир, помоги. Все равно ведь в начале эфира две минуты идет бой московских курантов. Потом диктор говорит: «Говорит Москва. Московское время», и так далее. Подключи Москву чуть позже. Пусть начнется с «Московское время...»

Когда главный редактор это сказал, у редактора, ответственного за выпуск, глаза на лоб полезли:

– «Что вы говорите? Хотите, чтобы мои дети остались голодными? Знаете, что со мной за это сделают? Нет, этого я сделать не смогу. Голову своего ребенка ради тебя отрежу. Но ни одного слова Москвы отрезать не смогу».

В тот день передача вышла в эфир. Ближе к концу закончилось время. Только имя автора не было объявлено. Ровно в двадцать ноль-ноль раздался бой курантов Москвы. Сердце сжалось. Лоб покрылся холодным потом. Позднее вспоминая это, он удивлялся тому, что так беспокоился из-за какой-то ерунды. И сейчас сердце сжалось точно также. Лоб покрылся холодным потом. Руками закрыл лицо. Меньше, чем через минуту, все обернулись и посмотрели на него. Хлопнув в ладоши, захохотал. Он хохотал, а из глаз лились крупные слезы. Лицо было бледное. Наргиз испуганно спросила первой: – что случилось? Ты понервничал? Юноша-студент тоже хотел что-то сказать, но перенесший инфаркт, друг всех, построил ужасные глаза, мол, «оставьте его в покое, не вмешивайтесь». Мужчина безостановочно смеялся! Щеки покраснели, лоб вспотел. Ему казалось, что глаза ввалились. Протер глаза.

– Ой, вот я смеялся, – сказал, – аж голова разболелась.

Потерев руки, подколол Наргиз:

– Ну, что, начальник отдела, твое мнение? Говоришь, нельзя было не рассказать о Гобустане? Эфир бы пропал? Не обиделась на меня?

– Что на тебя обижаться? Это твоя старая, дурная привычка.

– Все будет хорошо, все наладится. Это же Гобустан – он посмотрел на перенесшего инфаркт Друга всех, – но про Гобустан писать надо. Отдельная тема. Надо основательно проработать, – потом сказал Наргиз:

– Я не буду записывать свою передачу про музей. Даю ее этому молодому человеку.

Наргиз с пренебрежением сказала:

– Этот сам сможет записать передачу?

– Почему не запишет? Еще как запишет. Про музей ведь пишет, а не про сердце, – потом юноше, – напишешь, что музей, как сердце. Или же так: сердца – маленькие музеи. Потом смени направление, например, музеи – это наполненные тайнами, словами, сердца, к примеру, города, страны. Если в голову пришла какая-то мысль, ты поверил в нее, настаивай на слове, пусть говорит то, что ты хочешь. Продолжай работать со словом. Словно словами ты вытыкаешь узоры, строишь дома. Стой над головой слова, пусть говорит то, что ты хочешь. Пусть не утомляет тебя работа со словом, но не разрывай ему сердце. Вдруг, смотришь, упрямится, не уходит. Тогда не трогай его, пусть отдышится, придет в себя, потом снова подходи к нему. Скажи, «родной, дорогой, давай сделаем это так-то». Обнимет тебя, сделает это – повернулся к Наргиз:

– Договорились, пусть записывает этот юноша. У меня нет возможности. Спустишь, зачитаю кадр. Иду домой.

– Так рано?

– Да, у меня дела

... Придя домой, увидел, что у соседей царит тишина. Никого не видно. Нажал кнопку звонка. Оглянулся. «Интересно, куда народ делся-то?». Соседская дверь была полуоткрыта. Постеснялся зайти. Вытащив из кармана ключ, открыл свою дверь. Зашел и разделся. На столе увидел записку. прочел: «Здравствуй. Они не смогли похоронить мальчика на Шехидлер Хийабаны. Отвезли в свою деревню. И я с ними еду. Из-за его матери. Постараюсь вернуться с теми, кто будет возвращаться вечером. Если не приеду, завтра ты тоже обязательно приезжай. Ребенок у моего брата. До свидания. Не ходи голодным».

Он только вспомнил, что с утра ничего не ел. Посмотрел туда-сюда. Открыл холодильник. Не хотелось есть. затошнило. Положил в тарелку катык⁵⁵ и поел с хлебом.

Чем же теперь заняться? Спать было боязно. Сны его довели до белого каления. Не мог днем писать. Не было у него такой привычки. Что же делать? Открыл папку, начал читать старые записи.

«Отец выключил телевизор. Позвал сына:

– Расскажи, как у вас дела со съемками? (Сын снимался в главной роли в детском фильме, который снимало несколько киностудий.)

– Отец, сегодня съемок не было. Беседовали. Наш режиссер разъяснил нам следующие части, которые будут сниматься. Значит, мальчик – то есть, я, пройдя необычные места, преодолев все сложности, прошел через невидимые, как в сказках, дороги, и, в конце концов, пришел в самый большой дворец, в самую высокую башню этого государства. Видит, что в большой золотой тарелке выставили голову предыдущего падишаха. Мальчик тайком подслушивает разговоры в том дворце. Узнает, что голову, которая на золотой тарелке, оставят здесь. Все люди этой страны в любое время могут придти и посмотреть на нее. Даже с соседних земель будут приходить, чтобы посмотреть на нее. Поэтому дворцовая челядь в год будет зарабатывать много денег. Отец, режиссер говорит, что в этом фильме будет раскрываться, что этот правитель пролил

⁵⁵ Катык – мацони, кислое молоко, простокваша

столько крови, снес столько голов, что его нельзя оставлять целым. А мальчик слышит все это. Люди говорят о том, что отделив голову правителя от тела, ни правильно поступили. Мы же должны показать людям правду. Садятся. Начинают смотреть на видео резню, кровопролитие, избиение, которое творилось во время правления этого падишаха. Мальчик тоже тайком смотрит, видит во скольких частях страны правитель устраивал бойню, проливал кровь. Приходит в ужас.

– Подожди-ка, где падишах и где видео?

Мальчик слегка покраснел:

– Отец, режиссер объяснил, что в этом фильме, как он сказал, да, да, нет понятия времени и пространства. Говорит, что автор никого не подразумевает, никакую страну не называет. В какое время это происходит, никто не знает. Фильм называется «Жизнь и дети». Здесь есть все. И правитель, и видео, и галстук на шее у правителя. Люди с каменным оружием бегут на танки, а танки переезжают их. Здесь есть и рабы. Работаю с утра до вечера, но не могут прокормить себя. Есть и рабочие. Одним словом, есть все. Режиссер говорит, что на фоне жизни стоят дети и все происходит у них на глазах. Но дети остаются детьми. То есть не могут сделать больше того, что могут делать дети. Но все понимают. И суть в том, чтобы понимали все.

– Ты старайся всегда быть естественным, от начала до конца. В сценарии много вымышленного, неизвестно, какое будет решение экрана? Но в сценарии это есть. Будь естественным, суть искусства, творчества именно в этом».

Столько он написал. Не было начала и конца. вспомнил, что в начале написал именно этот кусок. Все бумаги снова собрал и вложил в папку. Посмотрел на часы. Надо проведать детей. «Что купить? Куплю два-три кило яблок. Нет, яблоки несерьезно. Куплю на обед что-то. Если хватит денег, куплю курицу».

При возвращении ребенка не привел. Вдруг завтра придется уехать, где его потом оставить? – подумал про себя.

... При возвращении увидел, что половик перед дверью влажный. Вытер ноги. Понял, что вернулась жена. «Ну, скажи, кто квартиру успел запачкать, что как только приехала, сразу за уборку взялась?». Открыл дверь своим ключом. Пахло свежеприготовленным обедом. Она даже быстренько приготовила обед. Сама спала. Голову крепко перевязала. Он не стал ее будить. Переделся, умылся, есть не хотел, выпил чаю. Убрал кастрюлю с кушаньем в холодильник. Было девять часов. Можно было как следует поработать. Сел. Хотел за ночь написать и закончить все. Но его занесло совсем в другую степь

«Вовсю идет переезд. Ладно, сели это переезд, то, в первую очередь, должен переехать первый этаж. Дальше по одному следующие этажи. И, наконец, переедет самый последний этаж. Но что это, на верхнем этаже царит какое-то оживление. Все смешалось в могильном доме. Покойники искали свои саваны. Прикрыться саваном, подняться на ноги, решить, как быть дальше. Саванов не было. Истлели, сгнили они. Были и те, кто в белоснежных саванах еще. Они не хотели вставать. Потому, что еще не могли понять, где находятся, что происходит, такой гвалт стоял, что сам себя не слышал. «О, Аллах, позор какой. Да буду я жертвой твоей, Господь мой, что за бесчестье? Что за кошмары с нами происходят, куда нам теперь идти?», «Имейте терпение, о каком уходе вы говорите, кто вам это сказал?» Аксаккал⁵⁶ покойников сказал эти слова таким громким голосом, что на мгновение воцарилась тишина. Оказывается, это сказал покойник, которого привезли вечером. Сказал, что все должны уходить отсюда. Живых предупредили, чтобы тоже подготовились. А они не собираются. Говорят, куда мы пойдем? И если вдруг вынуждены будут уходить, наверное, и нас с собой заберут. Не оставят же они нас здесь! Здесь были и столетние покойники. В такую переделку они еще не попадали. То есть как это, должен со

⁵⁶ Аксаккал – букв. белобородый; в переносном смысле - лицо, имеющее вес, авторитет; почтенный старец, уважаемый человек, старейшина, вождь племени.

своего места уходить? И к тому же ни один, ни пятеро, а все сразу. Снова поднялся гвалт, начали шептаться, кто-то громко сказал:

– Прекратите эти разговоры. Если придется уходить, живые сами уйдут. Кто нас с собой заберет? Ведь живые о мертвых никогда не вспоминают. Это мертвые о живых беспокоятся.

Кажется, это было так на самом деле. Поэтому все замолчали. Никому уже не хотелось разговаривать. У каждого в сердце пробудилась обида. Все растворилось в этом безмолвии. Потому тишина была тяжелой, невыносимой. Земля трескалась. Трескался не верхний слой, трескался нижний. Этот треск нарушил безмолвие. Потом из земных трещин повеял прохладный ветерок. Трещина увеличилась, увеличилась... сначала показалась пара мужских рук. Потом голова мужчины, грудь, потом до пояса, и, наконец, целиком – с головы до ног. Тело состояло из земли. Или одел одежду из земли. И цвет лица был землистый.

– День добрый, – сказал. Все в ответ:

– День добрый, – сказали. В безмолвии распалась и боль. «Земляные глаза, земляное тело» посмотрел всем в холодные, пустые глазницы, на белевшие зубы, на выглядывающие из-под истлевшего савана кости:

– Что за шум и гвалт? – спросил он.

Хотели сказать, что мы и сами толком не знаем. Говорят, что выселяют нас, живые-мертвые все с этой земли уйти должны. Вот уже несколько дней как такое распоряжение отдали и живым.

Не успели сказать то. Старец поднял и опустил руку:

– Пусть все пройдут на свои места. Этого люди не решают. Это знает только Хозяин Земли и Неба. Что смотрите? Не узнали меня? Вот потому-то с нами всякое и происходит. Хоть на Гобустанские скалы смотрели? И там не видели меня? – взял за руку одного из мертвецов, – иди сюда, – посмотрели вниз в трещину, откуда вылез Старец. Там тоже был могильный дом. На нижнем слое покойники были одеты. В землистый цвет, как и Старец. И лица были из земли. Свет лился из глаз. Женщины царственного вида, скромные, украшенные драгоценностями. Мужчины, опоясанные золотыми поясами и с серебряными кинжалами. У покойника защелкали кости. Старец вздохнул:

– Это ваши предки, дедушки и бабушки. Есть еще один слой ниже этого. Я его видел. Также, как и я, взяв тебя за руку, показал тебе все, он взял мен за руку и показал их. Те, не как мы.словно из света они сотканы, сами суть свет. Невозможно на них смотреть. Они владельцы этих мест. И их предки на еще низшем слое. Вы о них не знаете. Потому и трясетесь, как осиновый лист.

Покойник трясущейся челюстью сказал:

– Живые...

Старец из земли поднял и опустил руку. Прервал мертвеца:

– Не говори о живых, ничего не говори о них».

Здесь он остановился. От последнего предложения сжалось сердце. Не выдерживал уже. Прослезился словно. Или что-то раздражало глаза. Хорошо, что жена проснулась. Он собрал бумаги и сложил в папку. Жена, схватившись за голову, застонала:

– Ты уже пришел? А зачем меня не разбудил? Жена, схватившись за голову, застонала:

– Ты уже пришел? А почему меня не разбудил? Голова раскалывается, не выдержала, легла. Детей навестил? Как они? (Спрашивала о семье брата).

– Все живы и здоровы

– Как мама моя, с детьми все нормально?

– У всех все хорошо. Почему мальчика на Шехидляр Хийабаны не похоронили?

– Сами не особо усердствовали. Эх, не знаю, потом расскажу. Голова раскалывается, – взглянула на бумаги, – ты закончил?

– Нет, все растет и растет. Мысли разбредаются. Не одна кручина ведь?

- Не в кручине только дело, у всего есть свой предел. Разве ты не рассказ писал?
- Кажется, будет что-то значительное. Не могу закончить. Словно вдохнув глубоко, не могу отдышаться, успокоиться?
- Смотри сам, разберись уже как-нибудь. Запланируй. Чтобы знал, сколько часов в день будешь работать, сколько часов будешь спать. Так нельзя ведь уже.
- Наладится
- Все время говоришь, что наладится. Посерел весь, глаза ввалились. На глазах таешь. Что тебе за это дадут-то?
- Не говори этого, ничего не говори, – крепко-крепко зажмурил глаза. Словно задыхался. Ноздри трепетали. Снова перед глазами многоточие возникло.
- Все написанное и ненаписанное, все горести сейчас для этого мужчины были всего лишь многоточием. Собственная судьба и судьба семьи тоже были многоточием.
- Дай мне воды
- Жена принесла воды. Выпил залпом все до дна.
- Что случилось, что такого поел, что пить так сильно хочешь?
- Жажду я. Словно внутри меня костер разожгли...

ГОСПОДЬ МИЛОСЕРДНЫЙ, помоги этому мужчине! Пусть скажет то, что хочет сказать. Забота о нем не дает мне завершить этот рассказ. Если бы не, что я услышала утром...

Помните, в самом начале о костре вам рассказала. Эти костры вымела дворничиха. Пепел, смешав с мусором, унесли. Отвезли и высыпали на окраине города. Оказывается, внутри этого пепла еще тлел уголек. Ветер раздувал и он все тлел и тлел. Страшный пожар охватил город. Пока еще никто не знает, чем закончится этот пожар. Ведь это страна Восходящего Солнца! А под землю нефть...

СТОЙКОСТЬ

Он окончательно проснулся. Отчетливо ощущал запах утреннего воздуха, то, как мерзнет рука, слышал шаги матери, доносящиеся с противоположной стороны двора. Но только он не хотел открывать глаза. Он знал, что между запахом весеннего утра, наполнившего его теплую удобную постель и сегодняшним днем небольшое расстояние – один взмах ресниц. Он хотел продлить это расстояние. Сердце трепетало. Что-то было в этом трепете. Иногда ему казалось, что это весенний воздух, струящийся из открытой двери, обволакивает его, а иногда казалось, что наоборот – этот воздух струится из него самого.

Он лежал с закрытыми глазами и биение его сердце увеличивалось. Грудь поднималась и опускалась как кузнечные мехи. Стиснутые губы растянулись до ушей. Он бесшумно потянулся в постели. Шаги его матери стихли около топчана, на котором он спал. Этот топчан достался ему от деда. Несмотря на то, что в деревне уже никто не пользовался топчанами, у них он еще остался. Каждый раз, когда Ашраф возвращался в деревню, мама стелила ему постель на этом топчане. В детстве на этом топчане спали все четыре ребенка. Ашраф, его единственный брат Мурад, который сейчас был в армии и две его младшие сестры. Он всегда спал у стены и поворачивался спиной к остальным. Иногда по вечерам дети шалили. Болтали и смеялись под одеялом, иногда пихали друг друга. А мать по несколько раз повторяла: - «дети, прекратите, спите, а то завтра не сможете проснуться, и дайте спать брату». Но кто ее слушал. Долго не могли успокоиться. Под конец их наказывали. Вот только потом они и засыпали. Как только немного выросли, девочки стали спать отдельно. Они спали вдвоем с Мурадом. Сейчас он очень скучал по Мураду. «Вырос уже, с нами не считается. Давно от него писем нет» - подумал он.

Голос матери раздался прямо около его уха:

- Ашраф, вставай, вставай, сынок.

Он еще удобнее устроился в постели и сказал:

- Ой... Вставай, говоришь?

После смерти отца он всегда просыпался сам. Не любил, когда его будила мать. Почему-то тогда у него портилось настроение. Он и без этого очень рано просыпался. А сейчас, наоборот, он хотел, чтобы кто-то его будил каждое утро. И обязательно ласково и нежно. Он вспомнил Фидан... Закрыв глаза, вздохнул. Открыл глаза, улыбнулся. Мать тоже улыбнулась:

- Чем ты улыбаешься, да буду я твоей жертвой?

Ашраф покрутил головой, мол, ни чему.

Мать не стала задавать больше вопросов.

- Вставай, сынок, да буду я твоей жертвой, после того, как Мурад вернется с армии, все дела по дому будет делать сам. Больше мы тебя трогать не будем.

Слова матери растрогали его. Он сел:

- Мама, ну что ты говоришь? Если не мы, так кто будет выполнять работу по дому - он потерял лицом о мамины руки.

Мать обняла сына. Провела руками по его плечам, спине. Растрогалась. Она и не замечала как вырос ее сын. Прошептала: «Спасибо тебе, Господи, за твой дар!». Сын возмужал. Но он к тому же стал очень отзывчивым. Когда он был маленьким, то был очень замкнутым, мрачным, казался старше своих лет и сейчас, вспомнив слова соседки, сказавшей, что «соседка, этот пацан, повзрослев, детей любить не будет», она им не поверила.

Вдруг мать сказала:

- Сынок, женить бы тебя поскорее

- Нет, нет, давай не будем с утра говорить на эту тему. Есть еще время до женитьбы.

- Почему? У твоих ровесников уже по двое детей.

- Да хоть пять. А нам до этого какое дело?

- То есть как это, какое нам дело до этого? Я тоже внуков хочу
- У тебя, что, внуков нет? Слава Богу, их у тебя целая куча. У каждой дочери по несколько детей.

- Они не мои. Их отец не мой сын. А я хочу внуков от своего сына.

- Слушаю и повинуюсь! Что еще пожелаешь?

- Не шути, я серьезно говорю. До следующего года я ждать не намерена.

Ашраф подумал о том, что если он надумает жениться, то на какие деньги? В институт пока не поступил, нигде не работает, и в кармане ни копейки. Но матери он этого не сказал. Шутя, сказал ей:

- Мама, вот ты каждый раз говоришь «женись», «женись». Допустим, я женился, вот только честно мне скажи, будешь ладить с невесткой?

- Ну что ты говоришь, родной мой? Она для меня будет как дочь.

- Ну а вдруг не сойдется во мнении, что тогда?

- За меня не беспокойся. Главное, чтобы вы между собой ладили, - и, подумав немного, добавила, - тебе не понравились девушки, которых я предложила, и сам никого не предлагаешь.

Ашраф понял, что еще немного и разговор пойдет слишком далеко.

- Все будет хорошо. Но вначале вылечим твои зубы.

- Я старая женщина. Обойдусь. Или ты считаешь, что невестке я не понравлюсь?

- Нет, причем тут это – зубы тебе самой нужны. И еще, больше такого не говори.

- Сынок, я раньше времени постарела. А как об искусственных зубах подумаю, всю выворачивает. Боюсь, не смогу их носить.

- Привыкнешь.

Кажется, сестра вернулась с родника. Полный воды сехенг⁵⁷, сняв с плеча, поставила на квадратную деревянную стойку на балконе. Стойка загрохотала. Мать, повернувшись к дверям, рассерженно сказала:

- Сколько раз тебе можно говорить, ставь сенок⁵⁸ осторожно. Повернувшись к Ашрафу, сказала, а ты вставай уже и иди завтракать, - и вышла на балкон.

Ашраф подумал, что мать совсем о себе не заботится. Все для детей своих старается. «Эх, если бы у меня были деньги. Вылечили бы ей зубы. А то старит это ее. Ну, ничего, все постепенно наладится». Он скрестил руки под головой. И вновь Фидан возникла перед глазами. Он улыбнулся, словно на самом деле видел ее. Будто Фидан бродила по потолку. И следила взглядом за ним. Фидан «побродив» по потолку, «перешла» на стену. Основательно «погуляв» по стене, исчезла в щели стены. А щель в стене увеличилась... увеличилась...

Ашраф только сейчас увидел, что стены потрескались, штукатурка осыпалась. Краска окон и дверей испортилась. Надо отремонтировать дом. Если бы смог поступить в этом году в институт, отштукатурил бы дом. Надо бы и краску купить и привезти, покрасить окна и двери. Помог бы мне кто-нибудь. Обязательно бы потом рассчитался с ним. Работы я и так не боюсь. Буду учиться по вечерам, а днем – работать. Но нет никого. Сестры сами перебиваются кое-как. А кто у нас еще есть из родных? Потом странная мысль пришла ему в голову: «Пути господни неисповедимы. Глядишь, благодаря лотерейным билетам, полученным мною на работе, я машину выиграю. Возьму деньги, отдам матери. Пусть часть использует на необходимое. И к помолвке с Фидан подготовимся, как следует. После проще будет». Но вдруг передумал: «Нет, деньги заработать не сложно. Не сегодня, так завтра. А машину я и через двадцать лет не смогу купить. Лучше машину взять сейчас, воспользовавшись этим случаем. Это было бы здорово. Каждый день отвозил и привозил бы Фидан на занятия. И отец бы ее уже все знал. Спокойно бы встречались».

⁵⁷ Сехенг - большой глиняный или медный кувшин для воды, с ручкой и длинным узким горлышком.

⁵⁸ Сенок - кувшин с длинным узким горлышком и ручкой

Эти мысли ему показались вдруг такими жалкими и смешными! Настроение испортилось. Представил, как Фидан, узнав об этих мыслях, горько над ним смеется и с сожалением качает головой. Хорошо, что в этот момент он вспомнил разговор с Фидан о машине и сразу же настроение улучшилось...

– Здравствуй, ты зачем пришел? Я же говорила тебе, чтобы ты не приходил.

– Здравствуй, как дела?

– Как видишь, – вновь вернулась к предыдущим словам, – к тому же стоишь прямо перед институтом. Нехорошо.

– Почему?

– Как это почему? Потому, что стесняюсь, люди видят. То же не город слепых!

– Ну и пусть видят. Что такого мы делаем?

– Ничего не делаем. Но это тоже плохо.

– Я понимаю тебя. Знаешь, по-другому ведь тоже невозможно, – помолчав, добавил, – если вдруг зайдет разговор, то ты предупреди домашних, что я иногда прихожу, чтобы повидать тебя.

– Мама немного знает. Она чувствует и я не отрицаю. Но вот папа...

Ашраф, чтобы поменять тему и не повторять известную им обоим истину, сказал:

– Что так поздно с занятий вышла?

– Не знаю. Сегодня мероприятие у нас было. Я вышла, не дождавшись окончания. Оглянулась вокруг, – потому что ребят наших не видно. – Потом спросила – Давно ждешь?

...

– Когда ты пришел?

– Уже где-то часа два.

– Ах, ты, – ее глосс смягчился, потеплел: – Клянусь, ты ненормальный!

Эти три слова согрели Ашрафа. Оба замолчали. Фидан спросила:

– Ты замерз, да?

– Нет

И правда, он не был похож на мерзнущего. Только смуглое лицо его немного посинело. Фидан засунула под меховой воротник своего пальто свои руки в перчатках, посмотрела на дорогу:

– Приехал бы автобус, сели, – сказала. Потом с беспокойством добавила: – Нет, ты не сядешь. Ведь сегодня суббота. Короткий рабочий день. В это время папа с работы возвращается.

«Вот и все!» эту ситуацию Ашраф ненавидел всеми фибрами своей души. Ждать три часа и разойтись, поговорив всего пять минут. Мало того, посадить ее на автобус и вернуться. Неохотно спросил:

– Что же тогда делать?

– Ничего. Сейчас приедет автобус. Я сажусь и еду домой. А ты другим автобусом едешь к себе домой.

Он стопроцентно был уверен, что именно этот ответ и услышит. Ведь это было не впервые!

В это время подъехал автобус, на который садилась Фидан.

– Сядешь на следующий, – просительно сказал Ашраф, – тебе не холодно?

– Нет, не холодно.

Поговорили. Следующий автобус приехал поздно, к тому же битком набитый.

Фидан забеспокоилась:

– Видишь, сегодня люди с работы выходят, поэтому автобус такой набитый.

Но Ашраф не позволил ей сесть в этот автобус:

– Как ты сядешь в такой набитый автобус. Нельзя, – возразил он.

Автобус уехал. Фидан обиделась:

– Переполненный автобус – для тебя отговорка, – с беспокойством взглянула на часы.

– Если ты так думаешь, то очень плохо, – Ашраф обиделся на нее, – я и в открытую мог сказать тебе «не уходи». А не искать для этого повод.

– Ладно, не обижайся, – сказала Фидан. Он посмотрел на покрасневшие от мороза щеки Фидан. Фидан в холодную погоду становилась еще красивее. Щеки краснели, черные глаза становились еще ярче. Когда она заправляла под белоснежную шерстяную шаль выбившиеся волосы, лицо открывалось еще больше, становилось еще красивее.

Ашраф, не отрывая от нее взгляда, сказал:

– Запомни, если автобус переполнен, ты в него не садишься. Даже если будешь опаздывать на урок.

– А что тогда делаю?

– Ждешь, приезжает свободный, садишься.

– Почему?

– Потому.

– Ты это серьезно?

– Очень серьезно! – он заглянул в глаза Фидан. Его большие черные глаза, слегка сросшиеся брови выражали серьезность его слов. Эта серьезность усилила улыбку и блеск глаз Фидан.

– Ну, тогда я замерзну на остановках.

– Не замерзнешь. Оденешься потеплее, не замерзнешь.

Вдруг Фидан расхохоталась. Люди, стоящие на остановке чуть поодаль, повернулись и посмотрели на них. Ашраф, увидев, что люди смотрят на них, просто улыбнулся. А на самом деле он ждал, когда Фидан успокоится. Фидан не могла успокоиться, останавливалась и вновь начинала смеяться. Наконец, успокоившись, сказала:

– Клянусь, Ашраф, с тобой не соскучишься

– Как?

– Почему как? – Смеясь, стала загибать пальцы в перчатках, – смотри, нельзя садиться в маршрутке, в такси назад на четырехместное сиденье, спиной к шоферу вообще нельзя садиться, в переполненный автобус, одной в такси, и еще что-то... Скажите на милость, и на каком приемлемом для тебя маршруте я должна передвигаться в таком огромном городе?

Ашраф спокойно посмотрел на нее. Фидан с видимым удовольствием продолжала:

– Нет, так нельзя! Самый лучшее – купи машину и дай мне. В нужное место сама поеду, приеду, можно?

– Можно.

– А здорово я буду водить машину. Не буду останавливать на светофорах. На светофоры терпения не хватает. И глядишь, три-четыре сотрудника ГАИ едут за мной, – остановилась, посмотрела на Ашрафа, – почему не улыбаешься, улыбнись.

Ашраф спокойно смотрел.

– Ну-ка, быстро, улыбнись! Иначе задавлю тебя машиной, бибип, улыбнись, быстро, бибип ... бибип...

И правда, в этот момент у Фидан было очень смешное лицо. Она была похожа на пятилетнего упрямого ребенка. Ашраф, собрав все свои силы, постарался не заулыбаться. В этот миг одновременно со смехом он старался обуздать сильное, непреодолимое чувство любви. Внешне он казался холодным. И эта холодность на мгновение заморозила улыбку Фидан. А Ашраф хотел, чтобы она продолжила стараться его рассмешить. Не оставлять его в покое, пока не добьется своего. И тогда, сама того не зная, словно подарила бы Ашрафу весь мир. Но только Фидан не смогла понять это его желание. Возможно, ей помешала девичья гордость. Он потом она отыгралась на Ашрафе за его такое «безразличие».

А теперь, вспоминая все это, Ашраф, «ах, ты» – подумал. А тогда он сказал Фидан, что ты бессильная, Фидан, очень бессильная, а точнее, нестойкая.

Он не знал, поняла ли Фидан или нет значение этих слов.

Снова слышались шаги матери. Если мать его позовет, то все эти воспоминания рассыпятся по полу, словно разорванная нить жемчуга. Потому вскочил как птица с постели и спрыгнул с кровати. Быстренько оделся.

Вышел во двор. Весеннее утро приветствовало его сиянием солнца, весенними запахами, птичьим гомоном, запахом зеленой травы. Весну он любил больше всех остальных сезонов года. Особенно, весеннее утро. Вдохнул полной грудью свежий воздух. Воздух пах и землей.

Ашрафу всегда было жалко землю в городе. В городе земля казалась ему одинокой, слабой. А в деревне земля сильная, возможно городские жители этого совсем не знают. Любуются травой, прорастающей по весне по краям асфальта, цветущими деревьями. А Ашрафу казалось, что приход весны в городе можно почувствовать лишь по людям, по тому как аккуратно они одеваются весной.

После того, как он уехал в город, каждый год именно в эту весеннюю пору, он приезжал в деревню. Ему очень этого хотелось, и к тому же в это время было много дел, которых надо было выполнить. Каждую весну надо было приводить в порядок двор и сад. Раньше Мурад был маленький, и он его жалел, а теперь Мурад в армии. И он не хотел, чтобы мать и сестры занимались мужскими делами. Весенние, осенние дела выполнял сам. А летом приезжал, косил и заготавливал на год траву, сушил ее впрок.

А на этот раз он приехал ненадолго. Потому и не хотел тратить время зря.

Умылся. Позавтракали вместе с мамой и младшей сестрой.

Чуть позже, взяв вилы, заступ и грабли, пошли в сад. И сестра должна была ему помочь. Поработали до полудня. отрезав высохшие ветви деревьев, связав их вместе ворох, сложил в поредевшие части плетня. Обработали весь сад граблями и почистили. Мелкие ветки, листья собрали в кучу, разожгли костер и сожгли. Костер с треском горел, дым клубясь, уходил в небо. Чистота сада радовала глаз. Сестра сказала: – «Вымоем руки и пообедаем». Мама приготовила обед. Поручив это дочери, ушла к сестре Ашрафа. Та сестра была старше младшей. Только родила. Где-то дней десять назад. Ашраф узнал об этом, когда приехал домой.

Сестра сказала:

– Если хочешь, пообедаем прямо здесь.

– Как хочешь

Сестра принесла и расстелила килим⁵⁹. Накрыла скатерть. С аппетитом поели. Потом сестра стала убирать оставшееся. На тарелке Ашрафа остался недоеденный кусочек хлеба. Сестра, взяв хлеб, протянула ему.

– Не оставляй свою долю хлеба, съешь

Ашраф положил руку на живот:

– Не хочу, – сказал, – переел

– Как бы много не поел, кусочек хлеба оставлять нельзя, – настаивала сестра

Ашраф, оказавшись в безвыходном положении, взял хлеб.

– Словно что-то произойдет, сели я не съем этот кусок?

– Плохо будет

– Например?

– Откуда мне знать. Но слышала, что хлеб, оставшись один, проклинает хозяина.

Говорит, пусть и он останется один, – и быстро добавила, – чур, нас.

Ашраф съел кусочек хлеба размером в половину двух сомкнутых вместе пальцев.

Сестра смотрела на него. Ашраф посмотрела на нее и когда взгляды столкнулись, быстро отвел глаза

Сестра неожиданно спросила:

– А она хорошенькая?

⁵⁹ Килим - палас

Ашраф на мгновение растерялся. А может не мгновение, а полмгновенья была эта растерянность. Понял, о ком спрашивает сестра. Но не подал виду. Спросил:

– Ты о ком, – посмотрел на сестру. Щеки девочки покраснели, в глазах, ждущих ответа, наравне с любопытством было и смущение. Значит, этот вопрос ей дался не легко. Сжалившись над ее кротким видом, улыбнулся, и ... сестра получила такой ответ на свой вопрос, которого вообще не ожидала:

– Нет

Если бы сестра в этот момент заглянула ему в глаза, она многое бы поняла. Но тринадцатилетней девчушке это просто не пришло в голову. Ее глаза скользнули по широкому и светлому лбу брата, по его черным, как вороново крыло, волосам, правильным чертам лица, сильным рукам. Подумала, что брат очень красив. И никогда не полюбит уродливую девушку. Порадовалась этому открытию, лукаво спросила:

– Неправда. Я знаю, что она красивее всех девушек нашей деревни.

По ее пониманию, если ее умный, красивый брат не выбрал ни одну из девушек деревни, которых предлагали ему мать и сестры, а отдал предпочтение именно этой, то она красивее всех. Видно, для того, чтобы понять все сложности этой жизни, человек обязательно должен повзрослеть, набраться опыта.

– Брат, а она беленькая? Волосы длинные у нее? – снова спросила девочка

Ашраф, не глядя на нее, уставившись вдаль, сказал:

– Возьму тебя в Баку. Сама увидишь, – хотел сказать, что и она тобой интересуется, спрашивает, что... - но не сказал. Для того, чтобы сменить тему, сказал: – Покажу тебе город.

– Я слышала, что в городе есть такие красивые девушки, что увидев их, можно голову потерять. Это так?

– От кого ты это слышала?

– От Джейран

– Кто такая Джейран?

– Дочка тети Гюлю. Я не помнишь? Ее брат, Фетиш⁶⁰, с тобой учился.

– Она повзрослела?

– А то? Со мной учится. Им брат рассказал. Рассказывала, что Фетиш говорит, если одну из городских девушек остановить, снять с нее все, – смутилась, – то есть забрать у нее то, во что она одета, знаешь, сколько манат это будет? Правда, что на эти деньги двухэтажный дом построить можно?

Ашраф поразился услышанному. Посмотрел на сестру. Со злостью сказал:

– Глупости это. – Непонятно было, кому эти слова адресованы – Фетишу или другим – зачем ты такие глупости слушаешь?

– Да не слушаю я, просто в классе рассказывала и я слышала.

– Пустые разговоры, убери все, – сказал и сам встал, допив свой чай.

Медленными шагами пошел и взял заступ. Проверил, прочно ли сидит ручка. Прочно. Поточил купленным в магазине точильным камнем. «Да, теперь можно начать работать». В этом году для нового огорода он должен был вскопать новое место. А на предыдущее место насыпал навоз. И в этом году то место, которое он вскопает, обязательно оградит проволочным плетнем и поставит дверцу. Иначе куры клевали помидоры, когда они начинали краснеть, и затапывали рассаду огурцов.

На глаз обмерив размеры копаемого места, приступил к делу. Каждый раз, когда он втыкал заступ в землю, раздавался приятный звук. Словно этот созвучный звук, увеличивая его силу, разливал прохладу по сердцу. Мелкая трава, покрывавшая землю, скользнув по заступу, образовывала зеленую полосу. Это полоса быстро закрывалась, появлялась новая. Вспаиваемая земля была похожа по форме на геометрический прямоугольник. Это зрелище доставляло Ашрафу удовольствие. От жара весеннего

⁶⁰ Сокращенно от Фархад

солнца от земли шел пар. откуда ни возьмись, появился пестрый петух и вместе с курами набросился на землю. Петух быстро хватал ползающих по земле червей и бросал их курам, а те, в свою очередь, с жадностью их клевали. Так петух находил червей, а куры их заглатывали. Ашраф посмотрел на них и ему стало смешно. Петух, трясясь тяжелой тушкой, всюду занимался делом. Ашраф, захватив концом заступа немного земли, бросил его на петуха. Петух, подняв голову, недовольно закудаhtал: - ко-ко-ко, мол, «что за шуточки?». Ашраф улыбнулся. Не поленившись, бросил на него еще немного земли. На сей раз петух рассердился: – ко-ко-ко, то есть, «ты уже все границы переходишь». Ашраф, рассмеявшись, отвернулся. А это означало, «ладно, занимайся своими делами».

Почему-то вспомнил предыдущий разговор. Сначала подумал, что Фетиш очень уж глупый человек, раз такое рассказывает ребенку. Потом ему стало смешно, «как он это все вычислил? Разве на самом деле может быть такая сумма?». И он тоже начал считать по услышанным им ценам, на какую сумму одевается за один раз девушка: Например, допустим, что сейчас зима. Одна дубленка тысяча пятьсот манат, шапка пятьсот манат, платье, сапоги и часы вместе тысяча манат. И оставшееся. Вспомнил золото, сверкавшее на девушках. Сколько? Три тысячи, да две тысячи золото. Ровно пять тысяч манат, а иногда и того больше. Ужаснулся. Вспомнил девушек, учащихся с Фидан, и которых немного знал. Чего только у них нет! И Фидан хорошо одевается. Все в норме. Без слов, что если они обручатся, все должно быть еще больше. Обязательно должно быть именно так. И это должен сделать он. Вот только, что он зарабатывает? Ничего! «На самом деле, я сам простака. А что люди зарабатывают-то? Просто они знают пути. И Алиовсат сказал мне. «Давай я выхлопочу для тебя у врача бюллетень на десять дней, поедem в Москву. Ей-богу, после возвращения то, что купишь, тебе останется, расходы на дорогу возместишь, даже больше останется». Сказал, что я не смогу. Говорит, «что ты не сумеешь? Каким бы простофилей ни был, расходами возместишь свои покупки. Три раза, пять раз поедешь, заработаешь себе все для помолвки». Не согласился я.

Все равно у него еще было время. Однажды он сказал Фидан, мол, почему мы должны чуть ли не тайком встречаться, мучиться. Почему? Я прихожу на несколько минут или на час, чтобы увидеть тебя. А потом ты из-за этого мучаешься. Стесняешься домашних. Лучше уж я сватов пришлю. Другого выхода быть не может. Фидан возразила, что все это зря. Так как отец все равно пока не согласится. У него тяжелый характер. Говорит: – «Девушка, которая хочет учиться, учится. Та, которая замуж хочет, пусть замуж и выходит. Разве то дело, что девушка два, три года в невестах ходит?! Пусть мои дочери толком закончат учебу, а потом за кого за хотят, за того и выдам замуж». И потому и я, и сестра знаем это еще со средней школы. И к тому же, это нам только на пользу. Ты поступишь в институт. «Погоди-ка, что мне сказала Фидан, когда я передал ей слова Алиовсата?». «Если ты пару раз поедешь и что-то привезешь, ты же не станешь сразу спекулянтом. Есть нужда, потому-то ты это и делаешь, а потом не будешь». Боже, как же такое может быть? Кто это все будет продавать, я же не буду стоять на улице и торговать? Зря я тогда ей этот вопрос не задал, – и безнадежно добавил, – почему должен был говорить, может быть Фидан и права? – Вдруг, словно увидев в темноте спасительный лучик света, обрадовался, – но сказала ведь! Сказала, что ты «не справишься», то есть «простофиля ты». А может «ты не справишься», мол, «не твое это, не подходит тебе такое» означает. Эх, короче, сама знает».

Последним предложением он хотел избавиться себя от этих мыслей. Мысли, армией напавшие на него, не давали ему покоя. А теперь и Гасыма вспомнил. «Надо было Гасыма послушаться. Все равно все сотней дел занимаются. Пишут лишние деньги на рабочих, кладут себе в карман, продают все, что поступает на заводы, берут взятки, дают взятки, и никто никого не стесняется, не чурается. Напротив, хорошо зарабатывают. Потому и хорошо живут. И языки у них длинные. И при случае, даже зазнаются, других не признают.

Но Гасым хороший парень. Он работает там же где и я, учится на вечернем отделении института. Какая между нами разница в возрасте? Всего ничего. Максимум на два года старше меня. Пусть будет двадцать семь, двадцать восемь лет. Машааллах⁶¹, создал для себя хорошие условия. И квартиру себе купил. Говорит, что основательно потратился на ремонт. Это еще однокомнатная квартира. И правду говорит, что без квартиры жениться – глупо. Этой осенью его свадьба. Правда, и Гасым иногда с пути сходит. Хорошо зарабатывает. Но нельзя сказать, что Гасым плохой человек. Мне говорит, что, клянусь, Ашраф, по-другому сложно, поздно будет. Пока молодой, надо есть-пить, одеваться. Нельзя от сверстников отставать. Иначе, работая как ты, ничего не добьешься. Говорю, Гасым, то, что ты говоришь, не особо меня волнует. Я думаю сейчас о том, как поступить в институт. После того, как окончу институт, буду таким человеком, у которого все это будет. Смеется. Говорит: – «Нет слов, ты все это наладишь. Знаешь когда? В пятьдесят лет, тогда твои дети будут нашими ровесниками». Говорю: – «Согласен, лишь бы все было так, как я говорю». Задумался. Говорит, «Ай, Ашраф, терпеть так долго слишком сложно».

– Да будут мои родители твоей жертвой! – голос матери оборвал нить его мыслей, – не мучай себя так.

Мать была совсем рядом. Ашраф остановился, оперевшись на заступ. Только сейчас увидел, как много он вскопал. Рубашка на спине, под мышками была влажной от пота. Мать радостно сказала:

– Хорошо, обессилела немного, но, слава Богу, все хорошо. А ребенок-то, машааллах, ребенок, дядя. Узнав, что ты приехал, спросила, «почему дядя к нам не пришел?». Я ответила, что «зачем ему сейчас приходить, пусть твои сорок дней закончатся, а во время своего следующего приезда, придет».

Ашраф подумал, что надо в следующий свой приезд что-нибудь для малышки купить и привезти. Мать сказала:

– Тебе привет передала. Сказала, чтобы я тебя за нее поцеловала.

Обняв сына, поцеловала его.

Ашраф, поцеловав мать, подумал: «В мире нет никого лучше тебя, мама!»

На следующий день он протянул проволочную изгородь вокруг засеянной земли. Сколотил небольшую деревянную дверь. Он был доволен сделанной сегодня работой. К тому же и сестра очень похвалила сделанную им дверцу.

А сейчас начал углублять арыки. Пришла сестра:

– Мама тебя зовет

Ашраф, продолжая работать, спросил:

– Зачем я ей? Иди, сейчас закончу и приду.

– Нет, иди сейчас. К тому же тетя Гюллю пришла, говорит, что хочет тебе что-то сказать.

Скрепя сердце, Ашраф воткнул заступ в землю и пошел вместе с сестрой. Не помыв руки, поздоровался с тетей Гюллю. Потом вымыл руки и присоединился к ним. Сестра и ему налила чай. Поговорили о том, о сем. Ашраф спросил как дела у Фетиша. Женщина ответила:

– А ты не знаешь?

Ашраф сказал:

– Что?

Словно этим словом Ашраф на открытую рану женщины соли насыпал. От боли она закрыла глаза, открыла рот:

– Да буду я твоей жертвой, сынок, – сказала. – Закончив здесь школу, поехал в город. Поступил в техникум. Я помогала, чем могла. Сказал, что будет поступать в институт. Я

⁶¹ Прямое значение – Пусть Аллах от сглаза обережет; Тьфу-тьфу, не сглазить. Здесь еще и «молодец!» - похвала

сказала, «очень хорошо». Потом его забрали в армию. После возвращения, его дядя, мой брат, устроил его на работу. поработал. Потом сказал, что поступать в институт не будет, мол, с него довольноно.

То, что она рассказывала, Ашраф знал. От него самого слышал. Сам говорил: – «Почему я должен ради Института Народного Хозяйства пять лет своей жизни на ветер бросать. Мне хватает и того достатка, что коммерческий техникум дал». Но Ашраф ничего женщине не сказал. Гюллю продолжала:

– Стал работать и неплохо зарабатывать. Правду говоря, я и сама не знала, сколько он зарабатывает. Но когда должна была быть свадьба, сказал: «золото я сам тоже купил». И я ему помогла, и отец, – отец ушел от них, жил в другом районе.

– Женился. Взяли за него дочку Бахадур. Чего таиться. Семья девушки у нас ничего не запросила. Сказали, что можете, то и принесите. Мы сами так богато посватались. Купили все вплоть до бриллиантов. Точнее, он сам купил. Ну и женился. Уехали в город. Жили хорошо. Родился ребенок. Когда поехала к ним, увидела, что периодически он покупает жене золото, драгоценности. И я, сынок, обрадовалась. А сейчас – невезение, попался он. Обрек меня на страдания. Говорю, несчастный, почему ты покупал столько золота этой сукиной дочке. Положил бы в банк, а на сегодняшний день снял бы, расплатился и избавился от напастей.

– Тетя Гюллю, у него, что, недостача?

– Да. Теперь государство говорит, что должны возместить нанесенный ущерб. Сказала, продайте что-нибудь из золота невестки, я доложу сверху, и тот доложит. Кому говоришь! Золота нет, все невестка принесла в отцовский дом, «не даю» говорит. Пошла я к ее матери. А она мне и говорит, «сын твой, сама и выручай». Сынок, я не из тех, кто что-то говорит. Но как гласит поговорка: «беда говорить заставляет».

– Наверное, не все из-за него? – спросил Ашраф

– Трое их было. Он, товарищ его, и директор.

– Плохо. – Ашраф словно самому себе это говорил, очень плохо, – добавил, – сам виноват.

– А то? Конечно его вина, не моя ведь. Клянусь, жизнью брата своего клянусь, ни копейки не видела из этих денег. Как предчувствовала, сказала: «Сынок, не делай так, зарабатывай столько, сколько тебе на жизнь хватает и довольноно с тебя». Сказал: «ты не бойся, встану на ноги, все как по маслу пойдет». Вот так он меня и не послушался. А что теперь поделаешь, сердце материнское, страдаю, горю, в пепел превращаюсь.

Ашрафу стало жалко женщину. Сам не знал, как утешить.

– Все наладится, тетя Гюллю, решится, – сказал.

– Да буду я жертвой твоей. Есть аманат⁶² один, надо его передать брату моему, дяде Фетиша, из рук в руки. Никому кроме тебя я доверить это не смогу. Либо же сама ехать должна. Но не выдержу дороги. Проклятое сердце не выдерживает. Боюсь, по дороге что-нибудь со мной случится. Потому к тебе и пришла.

Ашраф не стал возражать:

– Доставлю, – сказал, – когда тебе нужно?

– Слыхала я, что ты завтра уезжаешь

– Да

– Ну, до тех пор я все подготовлю. Если сможешь передать, как только послезавтра доедешь, будет хорошо.

– Хорошо, не беспокойся

– Бог тебе в помощь, сынок. – Сестра хотела освежить ей чай. Но тетя Гюллю не позволила, выпила холодный чай без сахара, без варенья и ушла...

После ее ухода Ашраф на себе тяжесть такую почувствовал, точно гора на плечах была. Тяжкий камень лег на сердце.

⁶² Аманат – вещь, данная на хранение, или на временное пользование. Здесь: ценность, скорее всего, определенная сумма денег.

Мать бесшумно вздохнула. Ничего не сказала. Ашрафу не хотелось уже что-то делать. Чтобы почувствовать облегчение, сделал пару наклонов. Не полегчало. Сказал:

– Я, пожалуй, пойду ненадолго прилягу. Оставшиеся дела завтра доделаю.

Мать не позволила.

– Сынок, не надо, тяжелое сейчас время для сна. Вся тяжесть времени ложится на спящего, - сказала.

Ашраф посмотрел на часы. Пять часов. Спустился во двор. Вспомнил Фетишову жену. Она училась на два класса ниже. Он не знал, нравилась она Фетишу в школе или нет. Но, наверное, она ему все-таки понравилась, полюбил, вот и поженились. Стали друг другу родными людьми. Роднее родных. Наверное, что-то говорили друг другу об этом. После того, как они поверили в свое родство, их былая чуждость друг другу схоронилась где-то далеко и глубоко. А потом, когда подвернулся подходящий момент, напала исподтишка. «Господи, кошмар какой! Если это жизнь, то жизнь подобна смерти». Тоскливо на душе стало. Поднялся. Чуть ли не бегом пришел к матери. Весь дрожал от испытанного потрясения. Сказал так, словно и мать была в этом виновата:

– Это же просто бесчестность. Иначе это не назовешь. То, что сделали Бахадур, его жена, дочь. Подлость это. Ведь Фетиш для нее зарабатывал, чтобы это золото ей купить. Денно и ночью из кожи вон лез, чтобы ей хорошо жилось. И теперь она это золота для него жалеет. Сейчас муж для нее чужой человек, никто. Никто! Мать увидела, что сын совсем вышел из себя, специально уверенно и немного повелительно сказала:

– Сынок, чужая душа – потемки. Зачем тебе. Сами разберутся. Мать увидела, что эти слова не успокаивают сына, а напротив, еще больше распалют его. Быстро добавила: - Мать девушки вчера, когда мы были на источнике, сказала, что «не все заработанное Фетиш моей дочери приносил. Пусть пойдет у своих содержанок заберет. Сделал дочь мою несчастной, попрошайка, сукин сын».

Сказанное матерью девушки, изумило Ашрафа еще больше, чем рассказанное теткой Гюллю. Ашрафу казалось, что сверстники только-только начинают вести независимую жизнь. О Фархаде – о Фетише говорили так, словно рассказывали о разжиревшем самонадеянном мужчине. Ашраф почувствовал отвращение.

И камень, лежавший на душе, рассыпался на кусочки и исчез. Он почувствовал облегчение. Голова прояснилась. И Ашраф понял, что Фетиш никогда не говорил своей жене, что «ты мне родная, дорогая». И она ему этого не говорила.

... Наступил вечер. Вечерняя прохлада накрыла их маленький дворик. С соседнего двора доносился запах разожженного очага. Он вспомнил Фидан. Затосковал по ней. Человек может так тосковать только по родным людям. Почему-то тоскующий о ком-то человек вспоминает какой-то день, связанный с этим человеком. Вновь переживает то, что когда-то пережил. И это своего рода утешение.

«В тот день благодаря упорной настойчивости Ашрафа, впервые пошли в кино. Фильм начался. Неинтересный был фильм. По крайней мере, так им показалось на первый взгляд, посмотрели немного. Ашраф сказал:

– Расскажи что-нибудь

Фидан спросила:

– Что рассказать?

– Не знаю, что хочешь

– Что хочу? – задала себе тот же вопрос и смеясь добавила: – Эх, ты так сказал, что я все забыла. – Замолчала.

Ашраф хотел, чтобы Фидан поговорила:

– То есть тебе совсем нечего мне сказать? Ничего не хочешь сказать?

Фидан вдруг сказала:

– Давай представим и посчитаем, что сегодня сколько лет, не годы, годы превратим в дни, и посмотрим сколько дней мы друг друга знаем.

Оба замолчали. Разумеется, это молчание не означало, что они считают дни. Первым заговорил Ашраф:

– Знаешь, я об этом думал. Мне кажется, что мы друг друга знаем с рождения, – голос его будто изменился, смягчился. Фидан не только слышала его голос, но даже почувствовала его дыхание, – потому слово знакомство кажется мне смешным. То есть как это, что я мог не знать тебя три года назад. Не представляю.

Хоть мы и родились вдалеке друг от друга, но в тот же миг мы стали существовать друг для друга.

В сумерках нарочно рассмеявшись, сказала:

– Как же! Хотя бы не забывай, что ты родился на два года и десять месяцев раньше меня. Значит, я стала существовать два года и десять месяцев спустя – нарочитая улыбка на лице увеличилась. Этот смех был смехом человека, от всего сердца соглашающегося со всем, в то же время и радующегося, но противоречащего собеседнику, будто старавшегося его победить, но на самом деле, желающего ему победы.

Юноша со всей серьезностью стал защищаться:

– Суть не в том, что родиться раньше или позже. А в том, что когда я родился, вместе с моим сердцем для меня появилась ты.

В это время с экрана раздался оглушительный грохот. Оба посмотрели на экран. Ашраф раньше убрав взгляд с экрана, посмотрел на Фидан. А Фидан все еще смотрела на экран.

– Очень интересно? – Этот вопрос Ашрафа больше выражал недовольство, нежели вопрос.

Фидан беспечно кивнула головой. То есть, «да». Ашраф шутливо закрыл ладонью ей обзор.

Фидан, улыбнувшись, посмотрела на него. Потом, наклонившись к нему, прошептала:

– Иногда мне тоже кажется, что я знаю тебя очень давно. Та давно, что не могу вспомнить с каких пор. Боже, иногда думаю, что знала тебя еще до своего рождения. Всегда думаю именно так, всегда... всегда... всегда...ее слова превратились в повторяющиеся, бессвязные слова. В этот миг она замолчала. Смутилась, щеки заалели.

Ашраф почувствовал это. Тихонько спросил:

– Что случилось?

– Ничего

– А все-таки

– Говорю же, ничего! – подождав, добавила: - Я больше не буду ходить с тобой в кино.

– Почему?

– Потому, не хочу

Каким бы всезнайкой ни был Ашраф, в это время он ни за что не смог бы понять, какие волнения испытывает сейчас Фидан. Фидан видела, что притягательный полумрак кинозала обволакивает их и сближает их чувства, испытываемые друг к другу. Мгновенный взгляд, мимоходное прикосновение поступают к обоим одновременно. Те желания, которые они испытывали, но берегли в себе, не проявляя их, словно всплывали. Фидан этого не хотела. Возможно, быть ближе друг к другу естественное желание всех любящих. Фидан считала, что все происходящее непозволительно до женитьбы.

Ашраф:

– Да, ты не сказала, почему не хочешь со мной в кино ходить, – сказал и легонько схватил кончик ее носа. Фидан отвернувшись, помешала ему.

Ашрафу хотелось, чтобы в этот момент не было ни фильма, ни кинотеатра, ни людей вокруг. Кроме него и Фидан. А Фидан знала, что в этот миг в мире есть и фильм, и кинотеатр, и люди вокруг.

Ашраф посмотрел на нее, а она с свою очередь стала разглядывать свои ногти. И вдруг расплакалась. Потому, что она не уважает саму себя. И Ашраф ее не уважает. Если бы так не было, тайком от ее отца не встречались бы. Не пришли бы тайком в кино. Прослезилась. И еще потому, что мучилась. Сидящий рядом возлюбленный, наверное, даже и не понимал этого. Хорошо, что Ашраф в это время сказал:

– Если тебе не нравится, можем уйти. Пойдем?

– Да, – успокоилась она

Они вышли из полутемного салона. Ушли из кино, в который они пришли в первый и пока в последний раз...»

Сейчас Ашраф, сидя во дворе, вспоминал тот день. Удивительно. Дни, проведенные с Фидан, записывались в его памяти словно на незаметно установленный видеомagneфон. Все, как есть – слова, жесты и движения по одному записывались на ленту. И Ашраф мог прослушать запись в любое время.

Через некоторое время во дворе никого не было. День закончился. Оставался лишь следующий день. И то, вечером он уже уезжал.

... Утром закончил все дела, вечером умылся и привел себя в порядок. Корзины-сумки, приготовленные матерью, положили в соседскую машину. Сосед сказал Ашрафу, что будешь уезжать, скажи мне, и я тебя вплоть до вагонов отвезу. Попрощался с матерью и сестрой. Прощаясь, сказал матери, чтобы следили за собой и ни о чем не беспокоилась:

– Не беспокойся, как будет возможность, приеду. До свидания, – сказал он уже из машины.

Мать плеснула следом водой⁶³.

... Сев в вагон, быстро улегся на свое место. В дороге многое зависит от твоего товарища по путешествию. Вместе с ним в купе ехала пожилая пара – муж с женой. Старики тоже хотели поскорее устроиться. Четвертое место пустовало. Это очень устраивало Ашрафа. Он помог старикам устроиться поудобнее. Потом расстелил свою постель на верхней полке. Залез на полку и улегся. На спину. Руки заложил за голову. Раскачивающийся вагон убаюкивал его. Хотел вспомнить, положил ли в сумку «Пособие по химии»? Да, положил. Ох, поскорее бы закончилась эта подготовка к вступительным экзаменам. «В институте учиться не проблема. Каждый семестр изучаешь что-то новое. Развитие с каждым годом. И средняя школа точно так же. Нет ничего более изнуряющего, утомляющего, чем подготовка к вступительным экзаменам в течение нескольких лет. Нет, в этом году должен поступить обязательно. И так задержался».

Потом он стал мечтать:

«Прошли годы. Он известный в Баку хирург. О нем наслышаны все. Глядишь, вдруг посреди ночи срочно вызывают. Он спешит к больному. Больной при смерти и его надо срочно оперировать. Хирургическая операция длится до утра. Пациент спасен. Говорят, «если бы не доктор такой-то он был бы мертв». Конечно! У доктора Ашрафа золотые руки, в его пальцах благодатная сила».

Еще он представлял себе, что Фидан приносит его самый лучший костюм, выбирает самый красивый галстук, который он еще ни разу не надевал, мол, одень его. После того, как он одевается, она смотрит на него долго и внимательно. Целует его, открывает дверь и провожает.

Садиться в машину, ждущую его внизу, и едет в аэропорт. Он едет куда-то на конференцию врачей мира. Конференция проходит не то в Москве, не то в Лондоне, не то в Нью-Йорке. Здесь собрались врачи со всего мира. Каждый говорит на своем языке, но все понимают друг друга. разгорается спор. И Ашраф тоже выступает. Он говорит о своем новом открытии. Пока он говорит, темнокожие и белые иностранцы сидят с открытым ртом...

⁶³ По поверью, если вслед за уходящим плеснуть воду, то он вскоре вернется живым и здоровым.

Поезд остановился. Его мечты, подмяв под себя весь мир, должны были, наконец, остановиться, вернуться восвояси.

Он глубоко вздохнул. Повернулся на живот. Поезд стоял без движения. Ах, как истощалось его терпение, пока поезд стоял. Хорошо еще, что долго не простоял. Ашраф снова лег на спину. Хотел заснуть. Вспомнил, что на сей раз в деревне Фидан ему ни разу не приснилась. – Интересно почему? Каждый раз, будучи в деревне, он обязательно видел Фидан во сне и по возвращении в город рассказывал этот сон Фидан. Любит Фидан сны толковать. Говорит, что ты не можешь себе представить, какое я получаю удовольствие от логики сновидений. А Ашраф говорит, что не у всех снов есть логика. Столько нелогичных снов. Фидан возражая, говорит: «заблуждаешься, все сны логичны. Просто не все могут воспринять и запомнить сон до утра, либо же не могут выявить логику». К тому же толкование снов требует умения. Вот этому Ашраф возразить не может. Каждый раз он говорит матери, Фидан, что я вижу правильные, верные сны. Обычно сны толкуются наоборот. Обычно сны толкуются наоборот. Например, смеяться во сне – значит плакать наяву. Но то, что он видит во сне, то и случается наяву. То есть, как и во сне. Фидан говорит, что это хороший признак. Это своего рода чистота человека, его мудрость.

Почему-то в его снах Фидан ни разу не разговаривала. Приходит тихо, будто проскальзывает через его сны.

Размышляя об этом, он погрузился в мир сновидений.

Проснулся вдруг. Независимо от себя провел груди. Майка была влажная. Удивился. Оглянулся вокруг. Он находился в маленьком узком месте. Одна сторона – пропасть. Заглянул в пропасть. И в это время окончательно проснулся. Вспомнил, что в вагоне, спит на верхней полке. Но почему грудь влажная. Да он вспотел. Хотел сесть. Для этого надо было слезть с полки. Потому он отказался от этой мысли, повернулся на бок. Положил одну руку под голову, другую вытянул вдоль полусогнутых коленей. «Боже, что это был за сон. Но хорошо то, что, в конце концов, Фидан заговорила со мной. Скажу ей, что ты наконец-то заговорила в моем сне». Хоть ему и нравилась эта мысль, но он не мог заснуть под влиянием сна. Под утро его сморил...

Проснулся от голоса проводника. Молодой проводник во все горло будил проспавших пассажиров: – «Вставайте, вставайте, мы уже подъехали к Баку». Кто-то сонным голосом возмущенно сказал: – Что ж так быстро доехали-то – проводник пошутил: – Вагон быстро приехал.

Ашраф спрыгнул и быстро одел туфли.

Вскоре сошли. И правда, поезд приехал очень быстро. Было полвосьмого утра. Ашраф только сейчас обрадовался, что брат тети Гюллю сам приехал в деревню, и потому ему не пришлось аманат везти в город. Иначе ему пришлось бы ехать самому. Эта проблема решилась. А что теперь делать с сумками-корзинами? Каждый раз говорю, что не надо столько гостинцев отправлять, все без толку. Глянь, сколько всего? Мать положила гостинцы для сестры, живущей в городе, и дяде. Посмотрел на часы. Сдал вещи в камеру хранения. «Заберу по возвращении, до полудня раздам всем гостинцы».

Сел в такси. До восьми оставалось совсем мало. Велел ехать к институту, где училась Фидан.

Сходя с такси, снова посмотрел на часы. Было начало девятого. Подняв голову, увидел, что Фидан сошла с автобуса и сделав пару шагов, увидела его. Положив левую руку на грудь, остановилась на миг, всего один на миг. Это привлекло внимание Ашрафа. Впервые он подумал о том, что они даже после самой долгой разлуки (иногда Фидан летние, зимние каникулы проводила в деревне – у бабушки), они не здоровались ни за руку, ни как-нибудь иначе. Просто здоровались, и все. Сейчас Ашраф подумал, что, интересно, и раньше клала ли Фидан руку на грудь при встрече. Они уже подошли друг к другу и поздоровались так же, как и прежде.

Фидан так похорошела! Она смуглянка. Но сейчас ее кожа казалась белоснежной. Лицо округлилось. Ашраф обратил на это внимание и увидел, что Фидан, заметив его взгляд, отвернулась.

Фидан по-другому расценила его взгляд:

– Что, смотришь на мой головной убор?

Ашраф только сейчас обратил внимание на то, что у нее на голове. Увидел, что немного смахивает на шаль, немного на шапку. Сказал:

– Что это такое?

– Скафандр

– Что?

– Скафандр

– Что такое скафандр?

– Ты не знаешь, что такое скафандр?

– Знаю, почему не знаю. Вот только это...

Фидан прервала его:

– Да, это тоже называется скафандр

Новая мода. Из шерстяных нитей вяжут зимний. Есть и такие демисезонные. Подходит мне?

– Да. Отлично

– Все говорят, что тебе ужасно подходит.

– Кто это все? – спросил Ашраф:

– Все, – девочки из группы, соседи, тетя, мама и другие. Да, еще папа и сестра.

По тому, как она стала перечислять всех, Ашраф понял, что она немного раздражена, и потому, чтобы улучшить ситуацию с особой интонацией сказал:

– Скафандр

– А что, не похоже на скафандр?

– Почему же! Похоже, – смеясь, добавил, – если хочешь, ты и даже на космонавта похожа.

– Не издевайся.

– Не издеваюсь

– Доиграешься, улечу на небо, оставлю тебя на земле. Понял?!

– Понял. Но и ты знай, что я и без скафандра могу хоть на луну полететь.

Фидан кокетливо нахмурила бровки:

– Скажите, пожалуйста.

– А ты что думала, – сказав это, Ашраф мельком взглянул на часы: – «Кажется, опаздываешь на урок, до звонка осталось две минуты» – пойдешь на вторую получасовку, – сказал и понял, что Фидан сейчас: – «Нет, нет, что ты, разве так можно?» – сказал.

Но на сей раз получилось иначе:

– Сегодня первого урока нет, – сказала Фидан.

Ашраф обрадовался. Несмотря на это спросил:

– А почему тогда так рано пришла на урок.

Фидан смутилась. Не могла же сказать, что знала, что сегодня ты приедешь. Покраснела.

– Не знаю, – сказала, вышла из дома, а потом по дороге вспомнила.

У них было еще полтора часа времени. Шли, прогуливаясь. Погода была такая чистая, хорошая, они, идя, радовались. В парке, через который они шли, было прохладнее, чем на улице. Так как было раннее утро, в парке еще никого не было.

На этот раз, не дождавшись пока Фидан спросит, Ашраф сказал:

– Не в деревне, а в дороге тебя увидел во сне. Еле проснулся. Потом всю дорогу не мог заснуть.

Фидан радостно спросила:

– Что ты видел? Опять молчала?

– Нет, почему же, на этот раз ты разговаривала. – Замолчав, он вернулся в свой сон.

Фидан снова спросила:

– Что было во сне?

– Ты была беременна.

Фидан охнув, шагнула назад. Словно обрела жалкий вид. Вздохнула. Никогда Ашраф не видел глаза Фидан такими тусклыми.

– Нет, знаешь, Фидан... – независимо от себя не договорил.

Фидан, подняв взгляд, посмотрела на него. Какие у нее были далекие, чужие глаза.

Ашраф, собравшись, сказал:

– Ты хотя бы дослушай меня.

– Не надо, не говори, не хочу, – расстроилась.

Ашраф «Какую ошибку я, дурак, совершил» - подумал.

Фидан, не выдержав, вздохнула:

– Ты плохой, Ашраф, плохой. Любить человека легко, но уважать... – голос ее оборвался.

Ашраф, как бы ни сожалел о произошедшем, понял, что успокоить ее будет сложно.

Сказал:

– Но, что ты такого подумала, что это слово на тебя так плохо подействовало?

– Хватит, Бога ради! – лицо Фидан исказилось от ненависти.

У Ашрафа опустились руки. Если бы он мог заставить Фидан хоть на минутку выслушать его. Потом все было бы нормально. Что теперь поделать. Рассердившись, он не смог бы подчинить Фидан своей воле. Если он рассердится, Фидан может оставить его здесь и уйти. Подумал, что теперь делать. Так и сказал:

– Что теперь мне делать, по-твоему? Ну, допустил я ошибку. И вообще, почему это ошибка, что тут такого? Ты хотя бы дослушай.

– Нет, не хочу! Не хочу ничего слышать.

Ашраф воспользовался последним шансом.

– Умолять тебя?! Тогда я буду прощен? – эти слова он сказал немного рассерженно.

– Нет, не надо – Фидан вытерла нос.

– Ну, тогда выслушаешь меня, – сказал он уверенно, но не заговорил. Дождался, пока Фидан полностью не успокоится.

Фидан постепенно возвращалась в свое прежнее состояние. Ашраф сказал:

– Отшлепать тебя надо, ей-богу. Бог знает, какие глупости ты себе представила.

Клянусь, я сам проснулся в непонятном состоянии, но, что поделать, если именно это мне и приснилось.

– Ничего себе! – Фидан снова расстроилась.

– Нет. Не плачь. Делай что хочешь, нагруби, только не плачь.

Помолчали. Потом Ашраф стал рассказывать:

– «Вижу, что поехали в нашу деревню. Будто отвел тебя на летнее пастбище. Маленький мальчик пасет ягненка. Смотрит в нашу сторону. А ты, – он немного смущается, – беременная. Говоришь, что мне трудно ходить, давай посидим рядом с этим ребенком. Садимся с ним рядом. Ты спрашиваешь у ребенка, чьи это ягнята? Говорит «наши» – потом добавляет: – «Батяка двоих мне отдал». Говорю, «а зачем тебе ягненок? Говорит, батяка говорит, паси, пусть вырастут, станут барашками, продам и куплю тебе большой лисапед».

Чтобы разговорить его, ты спрашиваешь:

– Зачем тебе лисапед?

Ребенок отвечает:

– Ты тоже купишь лисапед ребенку, который у тебя в животе.

Клянусь, более страшного сна я за всю свою жизнь не видел. Ребенок мне говорит, «ты старик, а у тебя только-только ребенок родится». В тот же миг я понимаю, что мы не молодые. И ты пожилая. Взяв тебя за руку, помогаю тебе подняться и говорю, пойдём

отсюда. Вижу, что руки у тебя в золоте. Говоришь, что одно из них даю ребенку. Говорю: – «Зачем это ребенку». Даю ему сто манат и говорю, отнеси бате, пусть тебе лисапед купит. Пока ягненок вырастет, много времени пройдет.

Идем в сторону откоса. Вдруг видим, что ребенок, бегом догнав нас, возвращает мне деньги: – Спасибо, дядя, – говорит, – твои деньги не нужны. Ягненок быстро вырастет. – Возвращает мне деньги, но я вижу, что он хочет эти деньги. Смотрю на него. Не похож совсем на того разговорчивого мальчишку. Какие у него были ясные глаза! Я таких глаз еще не видел. Такие они ясные, что у меня язык отнялся. Ты тоже смотришь на него и говоришь мне:

– Ашраф, посмотри на его глаза, Господи, разве такие глаза бывают?!

Ребенок возвращается. Вижу, ты обнимаешь меня за шею и шепчешь: «Я тоже хочу такого ребенка. Такого ребенка. Слышишь?» – говоришь и трясешь меня. Я не могу заговорить. Начинаешь плакать. Твои слезы текут мне на грудь. Стекает даже под рубашку. Вижу потом, что это не слезы, а кровь. Вся грудь моя в крови. Еле-еле проснулся.

Фидан внимательно выслушала. Ее глаза были умными и задумчивыми.

Ашраф сказал:

– Я, наверное, должен буду поехать в Москву. С Алиовсатом. Давно тебе об этом говорил. Поэтому сегодня и рассказал тебе этот сон, чтобы потом не забыть. Когда я вернусь, объяснишь мне его значение, хорошо?

Фидан стояла лицом к лицу с ним. Улыбающиеся глаза были взволнованными. Посмотрела Ашрафу в глаза, посмотрела, и губы беззвучно зашевелились. Потом раздался ее шепчущий, взволнованный голос:

– У тебя ясные глаза, Ашраф, очень ясные. – Неожиданно обняла Ашрафа: – Ты никуда не поедешь. Я не позволю тебе куда-то поехать. Я очень тебя люблю, очень сильно тебя люблю!

Ее влажные губы шептали еще что-то. Но только Ашраф не мог их толком разобрать. Знал только одно, что глаза Фидан улыбаются и слезы, струящиеся из этих улыбающихся глаз, увлажняют его грудь под пиджаком...

ЛЕГЕНДА ОБ АВЕЙЕ

Они спокойно стояли лицом к лицу. Тишина окутала все округу. Бановша посмотрела на небо. Бесчисленные звезды сверкали на ясном небе. И Авей, подняв голову, посмотрел на небо. Господи, как же небеса притягивают человека. Будто звезды подмигивая, улыбаются, зовут: – «подойди, подойди поближе».

Авей спросил:

– Смотришь ли ты на звезды?

Бановша:

– Да, сейчас взойдет луна, - сказала и задумалась, мол, «почему я не могу и слова вымолвить? Сама попросила Авея придти, чтобы все ему сказать. А сама...?!»

Луна взошла. Осветила все вокруг. Они снова посмотрели на небо. Светила полная луна. Она не притягивает на небо, как звезды. Словно говорит кокетливо: - «Нет, не подходи, любуйся издали, люби меня на расстоянии. Любовь, идущая издали, намного прекраснее».

Авей заговорил:

– Спой, Бановша, почему не поешь?

Она засмузилась, как всегда, когда он говорил «спой». Она долго молчала. Скоро ее нежный голос повеял в ночи как прохладный ветерок:

Не было бы розы

Не завяла бы она.

Ни разлуки и ни смерти

Не было б на этом свете.⁶⁴

Авей почувствовал в голосе любимой не свойственную ей ранее жалобу, горечь, и взял ее за руку. Все вокруг было залито лунным светом. В природе это самый лучший цвет времени. Днем, при свете солнца, все, и плохое, и хорошее – видно в своем цвете. Во тьме ночи не видно ничего. А при свете луны видна только белоснежная красота. Авей думал об этом. Только не знал, как выразить свои мысли.

Бановша помолчав, заговорила:

– Лунный свет – цвет любви мироздания...

Они постояли в лунном свете. Похорошели еще больше при этом свете. Природа тоже была хороша. Авей сейчас любовался не природой, а лицом своей любимой. Ее густые ресницы, отбрасывающие тень на розовые, гладкие как мрамор, щеки, безостановочно трепетали. Круглое, белое личико было беспокойно. Легкая улыбка освещала ее губы, подбородок, выглядывающую из-под соскользнувшего на плечо келагайы⁶⁵, белоснежную шею, и даже черную родинку. Авей осознал насколько она прекрасна. Длинные, доходящие до пят, косы многократно увеличивали эту красоту.

Дочь Осман-аги действительно была красавицей. И весть об этой красоте распространилась по всему краю. Поэтому, с тех пор как дочь подросла, увеличилось и количество сватов, стучавшихся в дверь Осман-аги. А он все думал и думал, и не находил достойных своей любимой дочери. Хотел, чтобы человек, за которого он выдаст свою дочь, был по душе ему самому и его дочери.

Отцу и во сне бы не привиделось, что тот самый один-единственный уже завоевал сердце его дочери. И даже не сейчас, а много лет назад, еще с детства. И этот человек стоит сейчас лицом к лицу с его дочерью.

⁶⁴ Баяты – в азербайджанской народной музыке название жалобной песни. В азербайджанском фольклоре форма стихосложения, сложенные народом четверостишия, отражающие душевное состояние и отношение к окружающему миру. 1, 2 и 4 строки баяты рифмуются, а 3 строка обычно свободного сложения. Сродни русским частушкам, но баяты более присущи трагизм, жалоба и надрыв.

⁶⁵ Келагайы - тонкая шелковая шаль, плат – национальный головной убор азербайджанских женщин. Изготавливался из цельного кокона тутового шелкопряда. Отличается разнообразием цветов: красный, черный, гороховый, белый, темно-синий. По краям келагайы украшен орнаментом из бута – национального символа в форме изогнутой капли.

Бановша и сама не знала, когда полюбила этого высокого, широкоплечего, с черными глазами, сверкающими из-под бровей, как бурлящий ручей, смуглого, грозного юношу. Думала, что они родились друг для друга.

Она помнила, что отец Авея, чем бы ни занимался, всегда был рядом с ними. И в низинах, и в горах, Авей вместе с другими пастухами пас их ягнят. Он хорошо играл на свирели. В полдень в самый разгар зноя, когда солнце палило вовсю, он сидел под чинарой, и прислонившись к стволу дерева, играл на свирели, а ягнята, жуя жвачку, дремали в тени. Тогда Бановша, незаметно от взрослых сбежав из дома, прибежала сюда и любовалась этой картиной.

Однажды, когда он привел ягнят на водопой, Бановша пришла к нему. Авей поймал и показал ей двух разноцветных рыбок величиной с палец. Девочка запрыгала от радости. Потом, сложив беленькие ладошки ковшиком, сказала:

– Положи их сюда

Авей положил ей в ладошки оставшихся без воды скользких рыбок. И в этот момент девочка завизжав, бросила рыбок на землю. Посмотрела на руки. Авей смущенно сказал:

– Чего ты испугалась, они же ничего тебе не сделают

Девочка поняла, что испугалась напрасно и попросила дать ей рыбок, если еще остались.

Авей ходил вверх и вниз по арыку и искал рыбок. А вода в арыке прибывала. Бановша, испугавшись воды, заплакала. Авей взял ее на руки и перенес на другую сторону арыка. Он полил водой из ладошки и Бановша, вымыв ножки, обсушила их на большом плоском камне и одела башмачки.

Мальчик так ей понравился, что собрав в ладошке его короткие, черные волосы, спускавшиеся на лоб, дернула их и побежала в сторону дома. На полдороги остановилась, оглянулась назад и убежала. А вечером узнала, что Авея наказали. Оказывается, ягнята потерялись. Нашли ягнят с большим трудом после долгих поисков. Бановша незаметно выскользнула из дома и пошла в сторону хижины Авея. Окликнула его. Они сели на пол в темном углу хижины. Бановша спросила:

– Сильно тебя побили?

Авей отрицательно покачал головой.

– Не ври

– А зачем мне врать

Но по его покрасневшим глазам и опухшим глазам Бановша поняла, что побили его очень сильно.

Поворошила волосы там, где дернула их утром, а потом, уложив вбок, погладила. В эту ночь они так и не смогли заснуть. Бановша и сейчас посмотрела на его черные, как вороново крыло, волосы. И только сейчас осознала, что стало слишком светло. Луна светила ярко, словно солнце. При таком свете их запросто могли увидеть.

– Я пойду. Луна слишком ярко светит. Если нас увидят здесь вместе, меня убьют.

– Нет, подожди немного.

Авей сжал ее нежные белые руки в своих больших мозолистых ладонях. Потом спросил:

– Когда я снова смогу увидеть тебя?

– Уже больше никогда

– Что это значит?

– Не знаю?! – она была готова расплакаться. – Авей, - она впервые назвала его по имени, - мне кажется, что не будет все так, как мы хотим.

– Но почему?

– Не знаю. Но знаю, что не будет.

– Может, ты так хочешь?

– О чем ты говоришь? Да ни за что.

- Тогда почему ты так говоришь?
- Предчувствие у меня такое
- Боишься, что твой отец не выдаст тебя за меня замуж? Ты богатая, а я бедный?

Бановша хотела сказать, мол «что такого в том, что ты беден, ведь я тебя люблю. На ристалищах, игрищах ты не сходишь с уст красавиц. Но ты лишь мой. Ты мое сердце, моя жизнь». Но постеснялась. Ничего не сказала. Просто прижалась к нему.

Авей сказал:

- Знай одно, я тебя никому и никогда не отдам, даже если рухнет мир.

Бановша растрогалась. Вдоль щеки поползла слеза. Вдруг она вздрогнула, почувствовав теплое дыхание на лице, и откинулась назад:

- Нет! Неудобно, вдруг кто-то увидит.
- Никто не увидит.
- Бессовестный, даже если никто и не увидит, Господь-то все видит.

То, как она сказала ему «бессовестный», заставило его затрепетать как натянутая струна. Он крепко прижал ее к груди. Склонился к ее шее. Она пугливо прошептала:

- Да буду я твоей жертвой, Авей...

Его твердые, как железо, объятия ослабли:

- Сумасшедшая, почему ты меня умоляешь?

Словно огонь вспыхнули ее щеки и этот огонь обуял все ее тело. Забыв попрощаться, она побежала домой.

Служанка Гюллю ждала ее в темноте. Тайком поднялись на второй этаж, и Бановша знаком позвала служанку за собой. Они вместе зашли в комнату. Бановша была взволнована. Обняв Гюллю, сказала:

– Дорогая сестра, один только Господь знает, что я отношусь к тебе как к родной сестре, и мою тайну знаешь лишь ты.

– О чем ты, ханым? Твоя тайна – это моя тайна. Не беспокойся. Но только позволь, спрошу кое-что

- Спрашивай

– Когда ты сказала юноше, что отец выдает тебя замуж за другого, что он ответил?

– Я не смогла ему этого сказать. Сил не хватило. Не хотела, глядя ему в глаза, сердце его разбивать. – Расстроилась. Прислонилась головой к плечу Гюллю.

– Зря не сказала. Такого юношу этим не проймешь. Клянусь Аллахом, если он захочет, то один на один против всего вашего рода выйдет.

Бановша сердито вскинула голову:

- Не говори глупостей

Гюллю замолчала. Подумала, что ханым говорит не от души.

Снаружи раздались голоса. Бановша прошептала:

- Вдруг это мама. Еще услышит что-нибудь...

Голоса отдалились. Бановша успокоившись, сказала:

- Иди спать, Гюллю. Да благословит тебя Бог.

- Спасибо, ханым.

Гюллю ушла. Бановша хотела, чтобы и Гюллю ей сказала «пусть и тебя Бог благословит». Но она не сказала. Просто ушла. Она надеялась, что сейчас Гюллю постучит в дверь, чтобы сказать: – «Пусть Бог и тебя благословит, ханым». Она ждала, но дверь так и не отворилась. Встала и закрыла дверь. Легла в постель. Но не смогла заснуть. Долго ворочалась в постели. Думала, как избавиться от этой напасти, но так и не смогла что-то придумать.

... На следующий день Авей услышал, что Осман-ага выдает единственную дочь замуж. Отец юноши, за которого Осман-ага выдает свою дочь, заплатил за нее выкуп, равный всему состоянию Осман-аги. И к тому же из соседнего села. Очень состоятельный человек.

Авей вначале не поверил услышанному, подумал: – «Пустые слухи». Хотел увидеться с Бановшой. Но потом увидел, что до заката еще далеко. Куда он пойдет посреди бела дня. Направился домой. И всю дорогу родной голос Бановши звучал в его ушах.

Обычно Бановша, прикрыв глаза, густой сенью ресниц, пела тихо и медленно, и быстро умолкала. После непродолжительного молчания, склонив голову к плечу, смотрела на Авея, потом быстро убрав взгляд, легонько улыбалась или вовсе прикрывала лицо руками.

Удивительно и то, что он каждый раз произносил одну и ту же фразу:

– Почему ты стесняешься? Пой, красавица моя, пой еще больше, пой для меня.

А она отвечала:

– Дай Бог, буду петь для тебя, до тех пор, пока ты не обессилишь, устав меня слушать.

И добавляла:

– Не забывай, ты мне задолжал.

После этих слов оба заливались смехом.

Как будто это происходило сейчас.

Мать, сложив руки на груди, стояла под талваром⁶⁶. Глаза покраснели. Сердце Авея екнуло. Подойдя, спросил:

– Что произошло, мать?

– Ничего, сын

– А почему ты так стоишь?

Мать убрала руки с груди:

– Да так, сын.

– Скажи мне правду, кто и что тебе сказал?

– Никто ничего не говорил.

– А что тогда с тобой?

– ...

На самом деле Авей все понял. Будто этими вопросами он отгонял от себя дурные вести.

Мать, растрогавшись, сказала сама:

– Что тебе сказать, сын. Хочу сказать, что ты сын с львиным сердцем и железными руками. И твой покойный отец... – голос ее задрожал.

У Авея потемнело в глазах. Холодный пот прошиб его. И сразу же словно огонь обуял его с ног до головы. Глаза налились кровью. Смуглое лицо, чуть полные губы задрожали.

Мать понимала сына. Обреченно заговорила:

– Ничего уже не поделаешь. Иначе я снова пошла бы к ее отцу.

– Не надо, мать. Не отдал, пусть теперь пеняет на себя.

... Гюллю, увидев его, тотчас побежала и сообщила о его приходе ханым:

– Ханым, Авей пришел.

Бановша, надев келагайы, вышла. С еще большим волнением, чем раньше, сбежала по лестницам. Авей ждал там же, где и всегда – посреди сада.

Бановша поняла, что ее колени дрожат. Приблизилась.

– Здравствуй, - сказала.

Авей кивнул.

Оба молчали. Бановша поняв, что расплечется, взяв себя в руки, глубоко вдохнула, сказала:

– Эх, Авей... зря ты пришел... уходи и не приходи больше...

Хотела развернуться и уйти. Юноша схватил ее за руку:

⁶⁶ Талвар - навес из виноградной лозы, хорошо защищающий от солнца

– Как это не приходи?

– ...

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Да... не приходи больше... - И не удержавшись, разрыдалась.

Голос Авея она слышала будто издалека. Он говорил:

– Не плачь, слезами горю не поможешь.

Она сдержала рыдания. Но слезы градом лились из глаз. Прошептала снова:

– Уходи, уходи навсегда. Умоляю тебя...

– Успокойся. – Авей заговорил очень спокойным голосом. – Я уйду. Но ты уйдешь вместе со мной!

– Как так?

– Да

– Нет! Не смогу. Не смогу уйти с тобой, оставив всю свою семью. Что скажут?

– Эх, невидаль. Кому какое дело? Никто ничего не скажет.

– Нет, а отец, а брат? Никогда меня не простят.

– А обо мне ты не думаешь?

– ...

Бановша с возгласом: – «О, Аллах, за что ты нас так наказываешь?» – посмотрела на небеса. Затем сказала Авею:

– Убей меня сам, убей, избавь от этой муки

Авей глубоко вздохнул. Нахмурился. И вновь на лице заиграла улыбка:

– А кто будет петь для меня?

– Я и после своей смерти буду всегда для тебя петь. Где бы ты ни был, ты обязательно будешь слышать мой голос. Не может же быть, чтобы не слышал, верно? Слушай всегда. Хорошо?

Она взглянула на юноша. Он стоял незыблемый, как гора. Лицо было суровым, как скала. В глазах временами будто молнии сверкали. Широко раскрытые глаза не моргали. Вот так он плакал. Бановша прошептала про себя: «Господи, что же это за плач такой». Подошла еще ближе. Ни одна черточка на его лице не дрогнула, не издал ни звука, только слезы безмолвно одна за другой катились из глаз. Нежными пальцами провела по его лицу. Авей крепко прижал ее руки к своему лицу, глубоко вдохнул, грудь вздымалась как кузнечные мехи. Вдруг, резко выпустив ее руки, отвернулся. Крупными шагами зашагал прочь. Его широкая спина, высокий рост, сильные ноги словно таяли в тумане. Страх потерять его вдруг привел в ужас Бановшу. Она побежала за ним. Запыхавшись, догнала его. Сказала прерывисто:

– Забери меня, Авей. Вези, куда хочешь.

... Не беспокойся, мать. Пройдет немного времени и либо мы вернемся, либо я приеду за тобой.

– Да не оставит вас Аллах! Пусть дорога ваша будет удачной. Будьте счастливы.

Авей, оседлав лошадь, стал дожидаться ночи.

... Когда они пустились в путь, была глубокая ночь. Вокруг не было ни души. Только стук копыт коня нарушал тишину ночи. Ехали не спеша, неторопливо.

Об этом путешествии знала лишь Гюллю да сторож Гейдар, который давно засматривался на Гюллю и иногда переговаривался с ней через забор. Бановша была уверена, что они их не выдадут.

Бановша сидела спереди. Легких ветерок колыхал келагайы Бановши, а иногда касался им лица Авея. Сердце Авея тогда радостно трепыхалось.

Бановша, наслаждаясь бегом коня, сказала:

– Поэтому ты побеждаешь на всех ристалищах-игрищах.

– Почему?

– У тебя такой замечательный конь

– И чем же он так хорош?

- Бег его хорош, будто не скачет, а летит.
- Потому, что он знает, что в седле сидит Бановша ханым.
- Почему-то Бановша смутилась.
- Не называй меня «ханым», – сказала.

Как будто буря разыгралась в груди. Она даже не услышала, что сказал Авей. Подумала: «Да, я отныне не господская дочь. Я изменила тем людям, которые произвели меня на свет, как ханым, обесчестила род свой. Боже, неужто ради юноши я бросаю все. А мой брат? Как теперь этот смельчак на глаза народу покажется?»

Бановша вздохнула:

- Почему человек не скала или камень?
- С чего это человек должен был скалой или камнем?
- Скалы и камни горя не знают
- Не переживай, все будет хорошо

Они не выехали на дороги, которые вели вправо и влево. Хорошо знающий эти места Авей, повел коня узкой тропкой.

Бановша взглянула на Авея. Тот был спокоен и счастлив. Девушка, словно сделав открытие, сказала:

- Может уже за нами погоня?

Авей безразлично ответил:

- Нам ничего сделать не смогут
- За нами обязательно будет погоня

Стянула келагайы, соскользнувший на плечо. Почувствовала, что трепещет. Незаметно для Авея опустила келагайы ниже колен. Келагайы соскользнув, упал под ноги коня. Авей этого не увидел. Девушка, оглянувшись, посмотрела назад, келагайы белел на краю дороги. Если будет погоня, то легко обнаружат в каком направлении они уехали. Проехали довольно длинное расстояние. Бановша взглянула на Авея. Он был спокоен. Только лицо вспотело. Бановша вдруг зарыдала так, что Авей вздрогнул.

- Что случилось? – замедлил бег коня. – Что с тобой?

Девушка безостановочно рыдала, иногда горестно вздыхая. Сидя на коне, развернулась и обняла юношу:

– Я люблю тебя, Авей. Что бы ни случилось, верь в это. Верь всегда! – сказав, вновь разрыдалась.

- Верю. Конечно же, верю

... Хотя они и ехали быстро, дорога все тянулась и тянулась.

... О похищении дочери Осман-ага узнал в ту же ночь. Снарядили погоню. Сын умчался раньше всех.

Хотели разделить на две дороги. Кто-то, увидев белевший на дороге келагайы, подобрал его и принес. Брат тотчас же узнал келагайы. Все погнало лошадей именно по той дороге, на которой нашли келагайы. Авею не пришлось долго сражаться с преследователями. Заарканили его быстро.

... По той дороге, по которой они проскакали с небывалой скоростью, теперь они возвращались медленно и тяжело. Подъехали к горе близ деревни. Осман-ага ждал их здесь. До утра оставалось совсем мало. Светало, небо приобретало молочную белизну. На чистом небе не осталось ни одной звездочки. Только Дан Улдузу⁶⁷ ярко сверкала. Как будто чувствуя, что и она сейчас зайдет, с ужасом этому улыбалась.

Авея решили убить здесь же. Другого пути избавления от позора не было.

Бановша, упав к ногам отца, умоляла его:

- Не убивай его, отец! Он ни в чем не виноват. Я сама...

Брат прервал ее на полуслове. Потянул за руку:

- Иди сюда, думаешь, сама в живых останешься? Опозорила нас.

⁶⁷ Дан Улдузу - утренняя звезда, Венера: Дан – утренняя заря, рассвет, Улдуз - звезда

Авея со связанными руками отвели к горе. Бановша заглянула ему в глаза. Глаза словно говорили – «Верю, красавица моя, я верю тебе» – и улыбались.

Бановшу привезли домой. Но сердце ее осталось там, в горах. Не слышала ничего и не говорила.

... Потом узнала, что брат убил Авея, сбросив его с горы. Не поверила этой вести, не могла поверить. Побежала к склону горы. И здесь увидела мать Авея. «Сын мой, вай, Авей мой, вай» – в горе причитала она. По слухам мать умерла здесь же, дни и ночи оплакивая сына. Говорят ее убил Авей дагы⁶⁸. Авей дагы, Авей дагы, Авей дагы. С тех пор в Газахском махале⁶⁹ эту гору называют Авей дагы⁷⁰.

Длинные до пят, черные косы Бановши, поседели вмиг. Отец не смог выдать ее замуж больше ни за кого. А Бановша каждый день приходила сюда, взобравшись на гору, оплакивала свою потерянную любовь. Неизвестно, что с ней стало, исчезла ли она, оплакивая свою любовь, или превратилась в камень.

По легенде, гора не выдержала этого горя. Грудь ее разрушилась и обвалилась (и до сих пор так).

И вдруг небывалое взору предстало – из камней вода сочиться стала. Капля по капле, как жемчужинки. Поразились все увиденному. Сказали, что это слезы Бановши. Она не умерла. До сих пор любовь свою оплакивает. Прошли годы, столетия, весну сменило лето, лето сменила осень, осень – зима, но слезы эти не высохли. Вот так, по капле и превратились в родник. Потому, как по капле стекает вода, прозвали родник «Дамджылы булаг»⁷¹.

Покорил он всех своим неповторимой красотой.

И сейчас алмазные капли, стекают на камни, и капая шепчут нежную и печальную песню. А гора, погрузившись в молчание, слушает эту песню...

⁶⁸ игра слов: «даг» в азербайджанском языке означает «гора», а также «ожог, клеймо», здесь «горечь потери».

⁶⁹ Газахский махал - округ в районе Газах Азербайджанской республики

⁷⁰ здесь «гора Авея»

⁷¹ Дамджылы булаг - «Капельный родник»: «дамджы» - «капля», «булаг» - «родник».

КЕЛАГАЙЫ

- Этот келагайы⁷² тебе очень подходит. Где купила?

- Искала, нашла

- В наше время найти такое очень сложно. К тому же из цельного кокона (тутового шелкопряда).

- Скажу, не поверишь. Нашло на меня будто. У всех спрашивала про келагайы. У свекрови одной сестры, у золовки другой сестры, у родни этой золовки, у своих, у своей свекрови, у всех старух деревни – у всех просила келагайы. Свекровь спросила: - «Какого цвета хочешь?» Я ответила: - «Не имеет значения. Любого цвета. Белый, красный, гороховый». Но никаких известий.

Когда этим летом я поехала в деревню, в соседнем селе скончался родственник отца. Отец поехал туда на поминки. Вернулся очень поздно. Вижу, отец спешно открывает большие ворота. А у нас две двери. Одна маленькая – сами использовали. Другая дверь – большая – открывали, когда кто-то на машине приезжал. Отец открыл ворота. Въехала машина. Это была синяя «Волга». Из машины с помощью отца сошел старик. Помогли ему подняться на веранду. Старик обводил потухшими сощурившимися глазами все вокруг, словно кого-то или что-то искал, либо просто внимательно все разглядывал.

Отец хотел зарезать барашка, но старик не позволил. Вскипятили самовар, заварили свежий чай. К чайному столу отец позвал и меня, и я села с ними.

Отец сказал:

- Этого аксаккала⁷³ я нашел случайно.

Казалось, что такой старый человек должен плохо слышать. Но ухо старика различало писк летучей мыши.

Подняв слегка трясущуюся руку, он прервал отца:

- Не ты меня, а я тебя нашел.

Отец засмеялся:

- Пусть будет так, как ты говоришь.

О многом поговорили в тот вечер. Короче говоря, когда этот старик был маленьким, или, как он говорил, «крохой», их семья была привратниками у господских ворот дома дедушки моего отца. И там же, в привратничкой, и жили. Во дворе был маленький дом для слуг – прислуга жила при господском доме. Старик рассказал:

- когда начала строиться «советская власть» и пришли большевики, господский строй рухнул. Все, что у нас было – постель, ковры, посуда, стол – все с утра погрузили на телегу и отвезли на новое место. Ханым дала нам пару медных кастрюль, медный поднос, большой медный таз, один шерстяной палас. Мама ближе к вечеру собрала в платок все свои украшения, сокровища и завязала их в узелок. Узелок одела на правую руку, в левую – взяла мою руку и попрощалась с господским домом. Дома была только ханым. Мама не стала окликать ее, постеснялась. Тихо-спокойно попрощалась с домом, с двором. Поручила усадьбу Всевышнему. Только хотели выйти из ворот, как из окна веранды нас окликнула ханым. Мама вернулась. И я, выпустив ее руку, тоже вернулся. Ханым тихо махала нам. Мама торопясь, вернулась обратно к дому. Ханым, оглядевшись по сторонам, из окна бросила нам сверток. Мама взяла сверток и прикрыла концом своей шали.

Пришли домой. Мама, вынув сверток, пожила его на стол. Палец трижды приложила к плотно сомкнутым губам. Это означало, что никому об этом говорить нельзя. В комнате кроме нас никого не было. В свертке из тирме-шали были пять золотых монет, один браслет, нижнее белье и два келагайы.

Мама потратила деньги, браслет во время войны 41-45 отдала во фронтовой фонд, тирме-шаль набросила на голову невестке, когда я женился, а белье, наверное, стала

⁷² Келагайы - тонкая шаль, национальный головной убор азербайджанских женщин

⁷³ Аксаккал – почтенный старец

носить. А два келагайы до сих пор лежат не развернутые. Либо она постеснялась их носить, либо побоялась Советской власти, либо же сохранила в память о ханым. Этого уже я не знаю. Но знаю одно, в последнее время после смерти старухи, я часто говорил дочери и невестке, что, возьмите и носите. Они отказывались, мол, «вышло это из моды, нам не нужно». Так и лежит в ее сундуке. После ее смерти все раздали, мулле и обмывающей (женщина, совершающая ритуальное обмывание покойницы перед захоронением – прим. перев.) отдали. А келагайы я не позволил. Лежит в сундуке. Раньше женщины тайнички свои имели, а у нынешних – мебель, да в нее и муж, и дети лезут, оттого и достаток-изобилие испарились.

Старика вечером проводили обратно на той же «Волге». А два дня спустя, у парня-таксиста, живущего по соседству, я спросила, за какую сумму он отвезет меня в соседнее село. Он ответил, что «пять манат не скажу, но ниже, что дашь – дашь». Я заплатила ему пять манат. Взяла с собой мешок муки, пять кило сахара, чай, конфеты, велела нарвать ведро фруктов, положила все это в машину, и вместе с младшим сыном поехала к тому старику. Привезла по возвращении келагайы. Келагайы одно белое, а другое – красное. Неисповедимы пути Господни. Видать, именно эти келагайы я искала. Искала как иголку. Значит, они ждали меня.

- А что сказал старик, когда вы за этими келагайы приехали?

- А что должен был сказать? Сам говорил, когда захотите, тогда приезжайте и забирайте. Что тебе по праву принадлежит, тебе и достанется. Это наследство. Наследие (наследство) обладает большой и священной силой. Этот мудрый старик напутствовал нас ценными словами. Сказал:

- Советская власть отняла у нас и бухарскую папаху, и келагайы, и саз, и коня, я не говорю уж о нашем оружии. Оторвали от нас эти четыре достояния. Потому, что с этими четырьмя достояниями мы были собой. Бухарская папаху – это честь, мужество; келагайы – женственность; саз – душа; конь – достоинство, отвага. Есть все это у нас. Это собственность азербайджанского тюрка. Есть народы, нации, по чьим следам мы идем, которым подражаем – русские, европейцы, американцы – много у них преимуществ, достоинств, и конь у них есть. Но у нас есть такие ценности, которых у них не было и тысячелетия назад и тысячу лет после этого не будет. Тогда иди вперед, дойди до Европы, Америки – кто тебе запрещает. Но только не теряй то, что у тебя есть. Вместе с тем, что у тебя есть, ты – это ты. Не затеряешься среди других. Умей осовременить, преподнести правильно то, что имеешь.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Себет	7
Сирота	30
Многоточие	62
Стойкость	73
Легенда об Авейе	90
Келагайы	98

Литературный перевод: Мирзоева Натаван Бахрам гызы